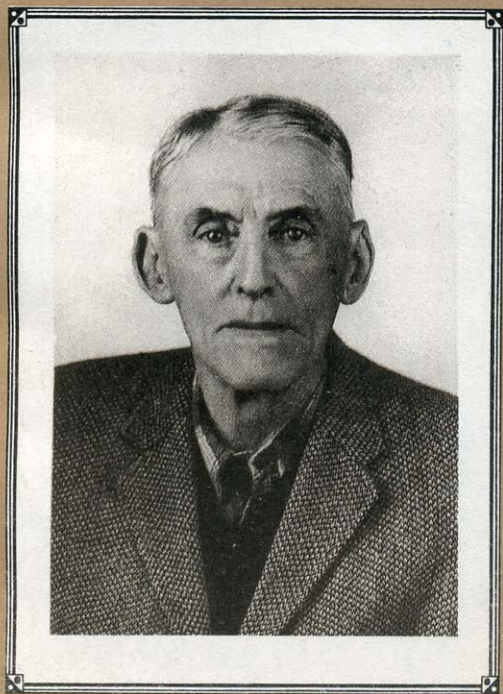

В.М.АЛПАТОВ

Николай-Николас
ПОПШЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

В.М.АЛПАТОВ

Николай-Николас
ПОППЕ

МОСКВА
Издательская фирма
"ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА" РАН
1996

ББК 72.3
А51

*На задней стороне обложки: дом в Сизтле, где жил
Н.Н.Поппе;
Томсон-холл, корпус университета в Сизтле*

Алпатов В.М.

А51 Николай-Николас Поппе. — М.: Издатель-
ская фирма «Восточная литература» РАН,
1996. — 144 с.

ISBN 5-02-017880-2

Очерк посвящен судьбе ученого, о котором долгие годы предпочитали умалчивать даже в специальной научной литературе: крупнейшего монголоведа, лингвиста и дипломата, члена-корреспондента АН СССР, Николая Николаевича Поппе, а впоследствии — профессора американского университета штата Вашингтон в г. Сизтле Николаса Поппе. Выдающийся исследователь, обогативший отечественную и мировую науку огромным количеством трудов, Н.Н.Поппе как человек и общественная фигура оценивается в книге неоднозначно.

А $\frac{1401020000-22}{013(02)-96}$ 19-95/96

ББК 72.3

ISBN 5-02-017880-2

© В.М.Алпатов, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о Николае Николаевиче (Николасе) Поппе в нашей стране еще несколько лет назад была бы немислима. Причин здесь было по крайней мере две. Одна из них очевидна. Очень долго у нас вообще избегали упоминать само имя человека, покинувшего СССР и после того не раз заявлявшего о полном неприятии советского строя. Впрочем, ситуация здесь не была однозначной. Если до конца 50-х гг. даже ссылаться на работы Поппе было нельзя, то позже время от времени в нашу печать прорывались упоминания об этом востоковеде, иногда даже весьма положительные [Востоковедение 1960, с. 64–65], изредка рецензировались его работы [Шевернина 1970], а затем опять годы молчания. Последние 15–20 лет ссылки на труды Поппе уже вполне допускались, но что-то написать о нем самом стало возможным лишь в наше время. Получилось так, что первыми публикациями такого рода стали его некрологи [Алпатов 1992а,б].

Но существует и другая причина, для многих остающаяся значимой. Издавна существует неписаная традиция, в соответствии с которой биография ученого и вообще какого-либо заслуживающего внимания деятеля должна быть стопроцентно положительной. В чем-то эта традиция идет от жанра житий святых. Но особенно расцвела она у нас в 60–70-е гг., когда господствовала тенденция избегать острых углов во всем. Обычный очерк жизни ученого в это время строился по стандартной схеме: биографическая справка, несколько «утепляющих» историй из жизни, набор восторженных отзывов коллег и учеников, затем описание основных трудов, где речь

шла только о достижениях (реальных или мнимых), и, наконец, библиография. Мы не отрицаем ценности таких книг, но ученые разного калибра, в жизни непохожие друг на друга, а то и враждовавшие между собой, оказывались в биографиях на одно лицо. Выявить реальное место того или иного ученого в науке, понять реальный масштаб его личности из таких книг трудно.

Можно ли так писать о Поппе? И нам предлагали ограничить задачи выявлением позитивного вклада этого востоковеда в науку, вовсе оставив в стороне его человеческий облик. Действительно, как ученый Поппе сделал много и вряд ли кто-то сможет оспаривать значение его научной деятельности. Но в случае Поппе особенно трудно отвлечься от фактов его биографии. Вряд ли можно в книге о Поппе обойтись без упоминания того факта, что в 1942 г. он перешел на сторону фашистской Германии и затем работал в системе СС. А как бы мы ни пересматривали в последнее время привычные ранее оценки, трудно относиться к данному факту биографии безоценочно, он требует объяснения. А это заставляет обратиться и к личности Поппе. Хотя и существует принцип: «О мертвых или ничего, или хорошо», а Поппе уже нет в живых, но все-таки мы слишком долго умалчивали об этом ученом, а писать о нем только хорошее трудно. К тому же, как нам кажется, Поппе интересен и как социальный и психологический тип, и его судьба достаточно поучительна, и рассказ о ней может быть актуален.

Наша задача облегчается тем, что Поппе оставил о себе обширные воспоминания, изданные сначала по-английски [Рорре 1983], а затем еще при жизни автора по-японски [Поппэ 1990]. Воспоминания много дают и для восстановления биографии ученого, и для понимания его личности. Для некоторых периодов его жизни, особенно детства и юности, а затем периода службы у гитлеровцев, они составляют единственный доступный нам источник информации. Однако субъективность любых мемуаров в данном случае усиливается тем, что перед старым ученым в момент их написания стояла задача самооправдания. Иногда Поппе рассказывает о своей жизни детально, но иногда он «забывает» некоторые

события. Что-то можно скорректировать на основе других источников, прежде всего собственных публикаций Поппе; особенно это относится к ленинградскому периоду его деятельности. Однако важнейший для биографии Поппе период с 1942 по 1945 г. мы не имели возможностей проследить по каким-либо источникам информации, кроме его воспоминаний, где явно их автор многое не договаривает.

Помимо научного наследия Поппе и немногочисленных печатных воспоминаний о нем, из которых надо отметить [Miller 1991], мы старались учитывать и воспоминания и мнения людей, знавших Поппе. К сожалению, уже мало кто помнит его по Ленинграду: из тех, с кем нам удалось поговорить, прежде всего следует отметить С.Д.Дылыкова. Американский период жизни Поппе памятен многим. Мы беседовали о личности Поппе с такими востоковедами, как Д.Синор, Дж.Р.Крюгер. И.В.Стеблева предоставила нам для публикации письма Поппе. Особенно важной для нас была поездка в Беллингхем и Сиэтл в сентябре 1994 г. Мы беседовали с Х.Г.Шварцем, близко знавшим Поппе в последнюю четверть века его жизни; благодаря помощи Э.Рихтера ознакомились с библиотекой Поппе, завещанной университету в Беллингхеме. Всем перечисленным востоковедам автор приносит искреннюю благодарность.

При работе над книгой автор использовал свои прежние публикации о Поппе [Алпатов 1992а,б; Алпатов 1993], но большая ее часть публикуется впервые.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ВЫБОР ПРОФЕССИИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Герой нашей книги прожил долгую жизнь: почти (без двух месяцев) 94 года. Эта жизнь как бы распадается на две, примерно равные по продолжительности. Первые 45 лет Поппе жил (кроме раннего детства) в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, звался Николаем Николаевичем, говорил и писал по-русски, был последовательно

гимназистом, студентом факультета общественных наук Петроградского университета, преподавателем, доцентом и профессором Ленинградского университета и Ленинградского института живых восточных языков имени А.С.Енукидзе и, наконец, членом-корреспондентом АН СССР. Последующие 49 лет он жил в Германии и США, звался Николасом, говорил и писал по-немецки и по-английски, был сотрудником научных институтов, входивших в систему СС, затем безработным «коллорабационистом» и, наконец, профессором университета штата Вашингтон в Сиэтле. И в каждой из двух жизней ученый сделал столько, сколько удалось сделать лишь немногим из его коллег: 27 книг в первой жизни и почти столько же во второй.

Жизнь Поппе была как бы долгим кругосветным путешествием с востока на запад, с одного берега Тихого океана на другой. Родился он 8 августа 1897 г. в китайском портовом городе Чифу (ныне Яньтай) в провинции Шаньдун, его отец был секретарем русского консульства. Раннее детство мальчик провел в Китае, сначала, до 1901 г., в Чифу, затем, после двухлетнего перерыва в 1903–1904 гг., в Цицикаре. Но оба раза матери Поппе, первый раз с одним ребенком, другой раз с двумя (сестра Елизавета родилась в 1903 г.), пришлось срочно эвакуироваться на родину. Первый раз это произошло из-за восстания ихэтуаней, второй раз — из-за начавшейся русско-японской войны. Позднее Поппе никогда в Китае не был, но ранние детские впечатления, видимо, пробудили в нем оставшийся на всю жизнь интерес к другим народам и языкам.

Этническое происхождение Поппе было достаточно сложным: среди его предков были немцы, чехи, эстонцы; русских, кажется, не было (тем не менее при введении в 30-х гг. паспортной системы Поппе счел за благо записаться русским, чтобы привлекать к себе меньше внимания), но реально семья Поппе принадлежала к довольно многочисленному сообществу петербургских немцев. Эти люди сильно обрусели, но сохраняли прежние традиции, религию и были двуязычны. Семья принадлежала к лютеранской церкви, верность которой, скрываемую в годы

жизни в атеистическом государстве, Поппе сохранит на всю жизнь: спустя много лет его похоронят по лютеранскому обряду. И учился он в гимназии при Реформатской церкви в Петербурге, в которую ходили дети разных протестантских вероисповеданий. С детства в доме была гувернантка-латышка Кристина Озол, учившая мальчика немецкому языку. Этот язык был для него вторым родным. Позже, в 20-е гг., когда появилась возможность печататься за рубежом, Поппе легко мог писать статьи по-немецки, с явной гордостью он замечает в воспоминаниях, что большинство его коллег прохладно относились к предложениям о зарубежных публикациях, поскольку могли писать лишь по-русски. И в США, когда он навсегда перестал писать по-русски, он предпочитал наиболее крупные работы издавать в Германии на немецком языке: английский не стал ему родным. Но все-таки основным языком в семье и вокруг нее был русский.

Поппе мало пишет в воспоминаниях о своих родственниках со стороны отца, отмечая лишь, что его дед, портной Готфрид Максимилиан Поппе, не будучи сам образован, постарался дать детям хорошее образование: дядя будущего монголиста был юристом, тетка, выпускница Высших женских курсов, — педагогом, а отец — дипломатом. В 1860 г. в добролюбовском «Свистке» публиковался фельетон Н.А. Некрасова с упоминанием портного Поппе, владельца мастерской на Тверской улице в Москве, обвиненного в жестоком обращении с мальчиком-подмастерьем [Некрасов 1982, с.186–187]. Весьма вероятно, что речь идет о деде или прадеде Николая Николаевича.

Отец ученого, Николас Эдвин Поппе (1870–1913), окончил восточный факультет Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду, так что востоковедение было для младшего Поппе наследственной профессией. Однако ученым старший Поппе не стал. Всю свою недолгую жизнь он провел на дипломатической работе в разных городах Китая. Отправив в 1904 г. семью в Петербург, он остался в Цицикаре, и сын больше никогда его не видел живым. Отец продол-

жал службу в Китае, а в апреле 1913 г. был убит грабителем, забравшимся в помещение консульства в Харбине. Тело привезли для погребения на Смоленском кладбище в Петербурге.

Гораздо большее влияние на Поппе оказала мать, Елизавета Поппе, урожденная Моравиц (1878–1955). О родственниках с материнской стороны Поппе пишет подробнее. Если его отец имел низкое происхождение, то мать происходила из очень культурной семьи. Ее дед, чех, судя по фамилии, переселился в Россию из Саксонии в начале XIX в. Семья дала нескольких ученых, а дед Николая Николаевича, Карл Иосиф Моравиц, был вице-президентом Русского императорского энтомологического общества. Часть родственников Поппе с материнской стороны жила в Германии, среди них был Александр Кёниг, основатель и поныне существующего Кёниговского зоологического музея в Бонне. Мать Поппе была образованной женщиной, хорошо рисовала, говорила на семи языках, включая китайский и финский.

Семья была вполне зажиточной, хотя две детские мечты Николая: иметь моторную лодку и кинопроектор – удалось осуществить по финансовым причинам не сразу. Лето семья проводила на даче в Финляндии, мальчик совершал увлекательные путешествия на моторной лодке и на велосипеде. Дома у него был домашний зверинец: кролики, морские свинки, ящерицы, черепаха, собака, кошка, ягненок, белки, ёж. На экране перед ним проплывали кадры видовых фильмов о Ниагарском водопаде, Квебеке, фонтанах Версальского парка. В гимназии он учился с интересом, особенно в старших классах. Бывали в детской жизни свои проблемы: в детстве Николай часто болел, и однажды ему пришлось пропустить по болезни гимназический год. Но потом он даже радовался этому, потому что новые одноклассники оказались интереснее старых. Среди его гимназических друзей были Г.Н.Прокофьев, впоследствии известный исследователь самодийских языков, и будущий профессор артиллерист Д.А.Вентцель.

Политика была где-то далеко. 1905 год запомнился ему лишь одним эпизодом: когда мальчик гулял с бабуш-

кой, на его глазах произошла попытка экспроприации: революционеры бросили бомбу в грузовой автомобиль, перевозивший деньги в банк. Больше затронула семью первая мировая война: некоторые его родственники, не имевшие российского гражданства, были сосланы; с другой стороны, в Финляндии приходилось сталкиваться с антирусскими настроениями. Но даже Февральская революция не произвела на 19-летнего юношу большого впечатления, потому что он тогда горевал из-за случившейся несколькими днями раньше смерти любимого фокстерьера. Но спустя семь десятилетий в датированном 1988 г. предисловии к японскому изданию своих воспоминаний он напишет, что самый счастливый период его жизни закончился в феврале 1917 г.

К этому времени Поппе уже был студентом. Гимназию он окончил в 1916 г. Встал вопрос о выборе пути. Он колебался. В целом у него преобладали гуманитарные наклонности, особенно интерес к языкам и культурам разных народов. Первым народом, с которым он столкнулся, были финны (в Китае он был в слишком раннем возрасте). Еще в детстве он выучил финский язык, познакомился с финской литературой, интересовался местными обычаями и фольклором. Ему очень хотелось стать финно-угроведом. Интерес к этим сюжетам сохранится у Поппе на всю жизнь: первые его опыты в области этнографии и первая экспедиция будут связаны с изучением финских народов России, в 20–30-е гг. он будет встречаться с приезжающими в СССР финскими учеными и выступать в Академии в роли переводчика, уже из США он несколько раз приедет в Финляндию и посетит места своего детства. Но дипломированным финно-угроведом Поппе так и не стал. А в 1916 г. он поддался уговорам матери и тетки, советовавших ему пойти по стопам деда и других родственников, занимавшихся естественными науками; востоковедение же связывалось для матери Поппе с судьбой ее мужа, рано погибшего в Харбине. И он поступил на медицинский факультет Петроградского университета.

Лето 1917 г. семья последний раз провела в Финляндии; некоторые из их знакомых уже тем летом уезжали

оттуда в Швецию. По возвращении в Петроград Поппе был мобилизован и оказался в знаменитом Семеновском полку, квартировавшем в Петрограде. Там он был и в октябрьские дни, находясь в патруле, охранявшем Троицкий мост; реального участия в столкновениях он не принимал. Дежурства и учения не нравились Поппе, он мечтал поскорее вырваться из армии. К началу 1918 г. старая армия развалилась, и Поппе вернулся домой. Больше он уже никогда не надевал военную форму.

К этому времени ему стало ясно, что медицина — не его призвание. Поппе по-прежнему мечтал о финно-угроведении, но в Петрограде такой специализации тогда не было, раньше бы можно было учиться в Гельсингфорсе, но он уже был отрезан начавшейся гражданской войной. Ему посоветовали проконсультироваться с профессором-монголистом А. Д. Рудневым, женатым на финке и хорошо знакомым с выдающимся финским языковедом широкого профиля Г. Рамstedтом, имя которого нам еще встретится. Знакомство Поппе с Рудневым состоялось в конце марта или начале апреля 1918 г., оно оказалось решающим для выбора специальности.

Руднев оказался очень приятным человеком. В отличие от многих других профессоров, он не держал студентов на расстоянии от себя, быстро стал называть Поппе Колей и на «ты». Рассказав о трудностях с занятиями финно-угроведением, он предложил юноше заняться его специальностью — монголистикой. Вспомним, что отец Поппе среди других языков учил в университете и монгольский. При первой же встрече Руднев дал Поппе написанную им монгольскую грамматику, велел выучить столько, сколько тот сможет, и прийти в следующий раз через неделю. За отведенное время Поппе проштудировал грамматику и выучил монгольский алфавит. В следующую встречу Руднев дал ему уже подлинный и достаточно сложный текст, буддийскую легенду «Мальчик на черном быке». Для начинающего легенда была трудна, в переводе Поппе допустил немало ошибок, но начало было уже положено.

Поппе стал студентом восточного факультета Петроградского университета, но в том же, 1918 г. произошла

реорганизация: восточный и историко-филологический факультеты объединились в единый факультет общественных наук. Однако былая обособленность оставалась: в воспоминаниях о студенческих годах Поппе дает портреты более чем десятка профессоров-востоковедов и только одного профессора-филолога — Л.В.Щербы, с которым он поддерживал хорошие отношения до самого 1941 г. Деканом объединенного факультета стал прежний декан восточного факультета академик Н.Я.Март, с которым Поппе познакомился в самом начале своей учебы. Впоследствии с этим человеком будет связано многое в жизни Поппе.

В воспоминаниях Поппе хорошо отзывается о своем первом учителе А.Д.Рудневе: он был прекрасным педагогом и доброжелательным человеком, прекрасно знал монгольский язык, хотя и не был, по мнению Поппе, особенно крупным ученым. К сожалению, занятия с ним оказались недолгими. В том же, 1918 г. он поехал навестить жену в Выборг, оказавшийся вскоре отрезанным от Петрограда, и навсегда остался в Финляндии. Если верить Поппе, там у него не было возможности преподавать по специальности из-за отсутствия желающих, поэтому он сменил профессию и стал преподавателем фортепиано в консерватории. Приехав в США, Поппе возобновил через переписку контакты с первым учителем, но встретиться с ним больше не довелось: в 1958 г. Руднев скончался в преклонном возрасте.

Вскоре после отъезда Руднева студент попадает к новому учителю, Борису Яковлевичу Владимирцову. Он был моложе Руднева и тогда еще был приват-доцентом, но позже стал не только профессором, но и академиком. Владимирцов стал главным учителем Поппе до окончания университета, под началом Владимирцова Поппе работал и позже в университете и Азиатском музее. Характеристика Владимирцова в воспоминаниях Поппе, в отличие от характеристики Руднева, весьма неоднозначна и вряд ли объективна. С одной стороны, он признает, что Владимирцов был очень талантлив, как ученый стоял выше Руднева, обладал обширной эрудицией, хорошо знал зарубежное востоковедение и многому научил само-

го Поппе. Но с другой стороны, Поппе всячески подчеркивает и его отрицательные стороны: Владимирцов плохо говорил по-монгольски, был неаккуратен и недисциплинирован, что проявлялось и в постоянном опоздании на лекции, и в множестве опечаток в его публикациях, вел беспорядочный образ жизни, ставший причиной его смерти в возрасте всего 47 лет (Поппе прожил ровно вдвое больше). Но главное, по словам Поппе, Владимирцов, в отличие от других профессоров, не был к нему доброжелателен и, когда Поппе начал вести самостоятельную научную деятельность, не только не помогал, но даже мешал ему в этом. Если верить Поппе, Б.Я.Владимирцов почти не давал ученику материалы для работы и даже иногда отбирал их; он не подпустил Поппе к единственному в Ленинграде информанту по дагурскому языку, хотя сам так и не стал с ним работать. Когда стали появляться первые публикации Поппе, Б.Я.Владимирцов не только не радовался им, но постоянно ругал ученика за то, что тот переходит ему дорогу и выступает по темам, которыми он собирался заниматься сам.

Необъективность Поппе здесь несомненна. Столь неблагоприятных отзывов о Б.Я.Владимирцове не оставлял, кажется, никто из знавших его востоковедов. В то же время какие-то основания для такой оценки у Поппе, возможно, были. Б.Я.Владимирцов, несомненно самый талантливый и яркий из отечественных монголистов начала XX в., долго не мог занять подобающее место в научном сообществе уже потому, что были ученые старше его. Лишь после их смерти или эмиграции он стал признанным лидером в своей области науки, но очень скоро после этого с ним стал соревноваться его совсем молодой ученик. Как мы увидим, научное созревание Поппе произошло очень быстро, быстрее, чем у самого Б.Я.Владимирцова, написавшего свои главные труды уже в 20-е гг.

Надо однако выслушать и другую сторону. Характеристики Поппе содержатся в сохранившихся и подготавливаемых к печати письмах Б.Я.Владимирцова (автор благодарит Г.И.Слесарчук за возможность с ними ознакомиться). Письма подтверждают, что отношения учите-

ля и ученика не были гладкими. В шутку Б.Я.Владимирцов называл Поппе «макаронной». В письме В.М.Алексееву от 21.09.1923 говорится: «Один Борис А. всегда весел, доволен и энергичен; завидую ему и люблю; нравится мне этот юноша; вот бы променять его на свою макарону» (Борис А. – скорее всего, ученик В.М.Алексеева Б.А.Васильев). Но гораздо серьезнее то, о чем Б.Я.Владимирцов писал 18.03.1925 В.Л.Котвичу: «С большой грустью должен рассказать Вам о Поппе некую историю. Приходит к нам последний № Asia major, смотрю и вижу, что Н.Н. накопил несколько статей, которые являются не чем иным, как несколько переработанными записями моих лекций, вообще того, что я ему сообщал. Такова вся его статья о старомонг[ольском] яз[ыке] [Ропре 1925а – В.А.] и части его статьи по поводу чувашск[ой] работы Ramstedt'a [Ропре 1925в – В.А.]. Поппе не дал себе труда проверить мои слова, вернее, то, что он услышал, и потому у него много курьезов... Кто бы мог ожидать такой истории? Что это такое? По-видимому, бесконечное мальчишеское легкомыслие. Я поговорил с ним совершенно откровенно, но получил в ответ фразу: "Простите, Б.Я.!". Да, по-видимому; слишком рано вступил он на ученое поприще». В воспоминаниях Поппе «забыл» об этом эпизоде.

Б.Я.Владимирцов был не единственным педагогом для Поппе. Разговорным монгольским языком он занимался с А.В.Бурдуковым, ойратскому и маньчжурскому учился у В.Л.Котвича, подготовку в разных областях тюркологии проходил у А.Н.Самойловича, С.Е.Малова и рано умершего от тифа П.А.Фалёва, тибетские тексты изучал под руководством Ф.И.Щербатского, курс истории Востока прослушал у В.В.Бартольда. В воспоминаниях он дает характеристику этих профессоров и преподавателей, а также наиболее заметных из тех востоковедов университета, у которых он непосредственно не учился: П.К.Коковцова, С.Ф.Ольденбурга, Н.Я.Марра. Если близко связанного с ним Б.Я.Владимирцова Поппе оценивает с большой долей критики, то этих востоковедов, бывших для него непререкаемыми авторитетами, наблюдаемыми на расстоянии, он характеризует лишь с по-

ложительной стороны, хотя и отмечает их чудачества и бытовые слабости, иногда выходявшие за пределы допустимого, как это было с пристрастием Ф.И.Щербатского к женскому полу (Поппе отмечает, что среди профессоров-востоковедов тех лет было много «эксцентриков», лишь немногие, как С.Ф.Ольденбург, не отличались странностями). Из этого иконостаса Поппе не выделяет и Н.Я.Марра, хотя, разумеется, он отвергает его «новое учение о языке». Единственное и резкое исключение из ряда для Поппе — Е.Д.Поливанов, занимавший тогда на факультете кафедру японского языка. Высоко оценивая Поливанова как ученого, Поппе совершенно безжалостен к нему как к человеку, относя его к «категории человеческих отбросов». О научных взаимоотношениях Поппе и Поливанова мы еще будем говорить, но несомненно, что отношение Поппе к Поливанову, с которым у него никогда не было близких личных контактов, формировалось еще в студенческие годы. А тогда Поливанова на факультете большинство преподавателей не принимало вдвойне: как «чужого» (он пришел на восточный факультет, не будучи его выпускником) и еще больше как «красного», единственного на факультете коммуниста (Марр вступит в партию много позднее). И его поведение, «своему» профессору прощавшееся бы как проявление «эксцентричности», востоковеды считали «распущенностью», что отразилось и в оценках Поппе.

Поппе ходил на занятия в университет и домой к профессорам. Он вспоминает, как они занимались ойратскими текстами с В.Л.Котвичем в большой нетопленной квартире, закутавшись в одеяла; над головами на печи каркала ворона, подобранная и спасенная от смерти Котвичем на улице и жившая у него.

Но только учиться в те годы было невозможно. Надо было зарабатывать на жизнь. И тут Поппе повезло: он устроился в Географический институт на лаборантскую должность к выдающемуся этнографу, профессору Л.Я.Штернбергу, которого Поппе также считал одним из своих учителей, научившим его этнографии и полевой работе. Штернберг использовал Поппе как человека, знающего финские языки; по его заданию студент в 1919 г.

составил этнографическую карту финского населения Петроградской губернии, а в следующем году ездил в первую свою экспедицию к карелам Тверской губернии.

Поппе дружил и с учениками Л.Я.Штернберга по Географическому институту, среди которых были его товарищ еще по гимназии Г.Н.Прокофьев, В.И.Цинциус, Г.М.Василевич и др. Особенно близки они были со способной студенткой Надеждой Дыренковой. По рассказу Поппе, они хотели пожениться, но затем Надежда предпочла посвятить жизнь науке, они остались друзьями. Н.П.Дыренкова стала впоследствии видным специалистом по тюркским языкам Сибири и погибла в блокаду.

Географический институт был не единственным местом подработки для студента Поппе. Академик А.А.Шахматов привлек его к работе в Топонимической комиссии Государственной академии истории материальной культуры, также как специалиста по финским языкам; Поппе работал до роспуска комиссии в 1923 г. Еще до окончания университета он начал преподавать в Ленинградском Институте живых восточных языков. Вначале он преподавал русский язык привезенным в Петроград в качестве преподавателей монголам, калмыкам и тибетцу (последний скоро умер, не перенеся петербургского климата). Затем Поппе сам стал преподавать монгольские языки и проработал в институте до его закрытия в 1938 г.

О его политических взглядах в те годы говорит следующий эпизод. Осенью 1919 г. объявили мобилизацию петроградских студентов для борьбы с Юденичем. Но Поппе, по его позднему признанию, не желал идти воевать, так как, во-первых, ненавидел войну, во-вторых, сочувствовал белым. Поэтому он получил у знакомого врача фиктивную справку и избежал мобилизации.

В феврале 1921 г. университет был закончен, весь курс Поппе прошел менее чем за три года. На выпускном экзамене по истории Востока у академика В.В.Бартольда чуть не произошла осечка. Бартольд, по словам Поппе, был не столь эксцентричен, как другие профессора, но имел одну странность: его речь часто было трудно понять из-за сильного заикания, но ему было неприятно, если его при этом переспрашивали, поскольку это напо-

минало ему о его физическом недостатке. Нередко Бартольд приходил в ярость в таких ситуациях. На два первых вопроса Поппе ответил блестяще, но третий он не разобрал. Испугавшись возможной грозы, он решил в качестве меньшего зла сказать: «Не знаю»; потом оказалось, что этот вопрос он на самом деле хорошо знал. Экзамен тем не менее был сдан. Рассказ об этом эпизоде Поппе заключает такой инвективой: «Я узнал, что только знания и способности не всегда ведут к цели, часто еще нужна умелая дипломатия. Дальше я упомяну другие средства, которые мне приходилось использовать в жизни, как ложь советской власти и нацистам» [Рорре 1983, с.50–51].

По окончании университета Поппе остается там же для подготовки к магистерскому званию. В том же, 1921 г. С.Ф.Ольденбург берет его и в Азиатский музей для описания хранящихся там монгольских рукописей. Университет и Азиатский музей, с 1930 г. преобразованный в Институт востоковедения, будут для Поппе основными местами работы до 1941 г. В 1921 г. Поппе осуществляет и первую для себя поездку в район распространения монгольских языков, это была Калмыкия. Спустя двадцать лет Калмыкия станет для него и последним монголоязычным регионом, который ему доведется посетить.

Началась научная и педагогическая деятельность молодого ученого. Уже в 1923 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию. Процедура проходила на факультете общественных наук под председательством декана, испаниста и арабиста Д.К.Петрова (Н.Я.Мартенс к тому времени сосредоточился на двух основанных им учреждениях – Государственной академии истории материальной культуры и Яфетическом институте). Название факультета было данью времени, но, как отмечает Поппе в воспоминаниях, «в 1923 г. ... университет был тем же добрым старым университетом, каким он был всегда» [Рорре 1983, с.81]. «Декан открыл собрание, сказав: “Первый пункт нашей повестки дня – защита магистерской диссертации некоего Николая Поппе, который происходит из хорошей семьи, его отец был императорским

генеральным консулом в Китае и выпускником нашего университета»» [Porre 1983, с.80–81]. Скоро начнется советизация университета, а ученые степени будут на десятилетие отменены (доктором наук без защиты диссертации Поппе станет уже будучи членом-корреспондентом). Д.К.Петров покончил с собой в 1925 г. (о причинах Поппе не пишет, но общим контекстом своего изложения приводит читателя к мысли о том, что самоубийство было связано с переменами на факультете). Впрочем, на карьере самого Поппе все это не повлияло, в университете после защиты диссертации он стал доцентом.

Следующий, 1924 г. для Поппе был связан с двумя событиями. В мае он женился на Наталье Валерьяновне Белолипской. Она была старше его на год и работала в библиотеке Азиатского музея. Ее отец, генерал царской армии, жил в эмиграции. От этого брака у Поппе было два сына, Валерьян и Николай, названные в честь дедов. Родились они в 1926 и 1928 гг.

В 1924 г. появляются и первые публикации Поппе. Его научная продуктивность оказывается сразу очень большой. Почти ежегодно он публикует по книге, а то и по нескольку книг, за восемнадцать лет, с 1924 по 1941 г., их наберется 27. Для отечественных востоковедов такая плодовитость необычна. Впрочем, наряду с фундаментальными томами в число этих 27 книг входят и брошюры, учебники, популярные издания. Поппе не отказывался от публикаций любого жанра. Писал он легко и быстро, но иногда и излишне поспешно, и тогда создавались ситуации вроде той, о которой Б.Я.Владимирцов писал В.Л.Котвичу.

Широк и охват тематики в его работах. С самого начала Поппе выступал не только как монголист, но и как тюрколог, тунгусо-маньчжурист, финно-угровед. До конца 20-х гг. монгольская тематика у него не преобладает, в отличие от 30-х гг. Поначалу молодому ученому надо было оглядываться на Б.Я.Владимирцова, который, если верить Поппе, строго следил за тем, чтобы ученик не превзошел учителя. Не мог он отобрать лишь собственные полевые исследования Поппе, но они начались лишь

с 1926 г. (поездка к калмыкам была чисто ознакомительной), а публикации на их основе — с 1928 г. А для занятий тюркологией и алтаистикой препятствий не было. Ситуация изменится, когда не станет Б.Я.Владимирцова, а алтаистику запретят.

Из первых монголистических публикаций Поппе, выполненных до экспедиций, следует отметить две. Поппе исследовал монгольско-персидский и арабско-монгольский словари XIV в., рукописи которых хранились в Лейдене (Нидерланды), по фотокопиям, присланным в Ленинград видным немецким монголистом В.Банг-Каупом [Рорре 1927–1928]. Другой работой, принесшей молодому ученому известность, стало описание краткого глоссария монгольских названий животных в арабской рукописи XIV в. [Поппе 1925а]. Над рукописью работал В.В.Бартольд, передавший монгольский фрагмент Б.Я.Владимирцову; тот передал, по свидетельству Поппе, в первый и последний раз, рукопись своему ученику. Глоссарий ценен тем, что в нем арабской графикой передается произношение монгольского языка того времени. С монголистикой связаны и первые публикации Поппе за рубежом в журнале «Asia Major», на немецком языке [Рорре 1925а,б,в; Рорре 1926], одна из них давала обзор отечественных работ по монголистике за 1914–1924 гг. Самой важной была публикация [Рорре 1926], где описывались языковые особенности бурятского эпоса «Гэсэр», прежде всего отражение в нем разговорных элементов.

Свою «первую любовь», финно-угроведение, Поппе до конца 20-х гг. старался не бросать. Однако упомянутые выше диалектологическая карта и материалы экспедиции к карелам опубликованы не были. Работ собственно исследовательского характера по финно-угроведению среди того, что им было напечатано, немного. Две из них были посвящены финно-угорским числительным [Поппе 1927а,б]. Наряду со статьей по монгольским числительным [Поппе 1927в] они появились в сборнике, подготовленном по инициативе и под редакцией Н.Я.Марра; это были первые публикации Поппе, связанные с Марром, пока еще только в организационном плане. По духу они

антимарровские: на первой странице первой по порядку из статей Поппе, непосредственно следующей за статьей самого академика, говорится о монгольском праязыке [Поппе 1927в, с.97], а понятие праязыка уже было объявлено Марром «буржуазным». Тем не менее Марр, всегда благосклонный к Поппе, сохранил это в сборнике. Статьи посвящены этимологии числительных первого десятка, в основном используется метод внутренней реконструкции. Отметим и анализ древнебулгарских заимствований в венгерском и других финно-угорских языках в книге [Поппе 1927г, с.5–13].

Наиболее крупными по объему публикациями Поппе по финно-угроведению стали обзор отечественных работ по этнографии и в меньшей степени языкам финно-угорских народов [Поппе 1928а] и краткий популярный очерк расселения и культуры финно-угорских народов, выполненный в соавторстве [Поппе, Старцев 1927]. В обзоре дается весьма детальный очерк научных достижений в этой области, подчеркнуто, что «этнограф всегда мог рассчитывать найти в СССР широкое поле деятельности... Заслуги русской науки в области этнографического изучения населения страны хорошо известны всем» [Поппе 1928а, с.27]. Этнографический очерк в основном базировался на пересказе работ других авторов, но в разделах о карелах и финских народах Ленинградской губернии очень кратко отразились исследования самого Поппе. Обе эти публикации, в которых лингвистические проблемы занимают небольшое место, по-видимому, выполнялись по заданиям или хотя бы при поддержке Л.Я.Штернберга. В 1927 г. Штернберг умер, после этого Поппе окончательно отходит и от финно-угроведения, и от этнографии, за исключением монгольской. Поппе, очевидно, невысоко ставил свои публикации по финно-угроведению и не упомянул ни одну из них в воспоминаниях.

Публикации информационно-обзорного характера особенно наглядно показывают, что в те годы Поппе имел возможность писать так, как полагалось в «старом добром университете». Этнографы оцениваются только с точки зрения объема их вклада в науку. Очень высокая

оценка дана, например, главе школы русских миссионеров Н.И.Ильминскому, сказано, что его деятельность составила «целую эпоху в изучении финнов Поволжья» [Поппе 1928а, с.41]. А ведь Ильминский у нас и тогда, и много лет спустя считался «реакционером». Из сорока страниц этнографического очерка лишь на последней вспоминается об участии финно-угорских народов в «строительстве социалистической культуры», да на стр.16 сказано, что «в 1918 г. в Венгрии восторжествовала Советская власть, подавленная впоследствии Антантой». Как видно, уже тогда Поппе не отличала точность в датах исторических событий, что спустя много лет отразится в воспоминаниях: речь, разумеется, идет о 1919 г. Большая же часть брошюры состоит из формулировок типа: «Некоторые члены финно-угорской семьи народов уже достигли стадии европейской культуры и пользуются всеми благами цивилизации, другие продолжают пребывать в самом первобытном состоянии» [Поппе, Старцев 1927, с.3]. Так писали и в XIX в. Не говорю уже о том, что в этой книге говорится о родстве языков и праязыке. В 1927 г. требования власти к лингвистике и этнографии были минимальными. Скоро Поппе будет писать иначе.

Но наибольшую ценность среди работ Поппе 20-х гг. представляют тюркологические и алтаистические. Сам он позднее подчеркивал, что, в отличие от Б.Я.Владимирцова, ведущие тюркологи во главе с А.Н.Самойловичем активно помогали ему в работе. Первой грамматикой Поппе стала учебная грамматика якутского языка [Поппе 1926а]. Ее должен был писать Самойлович, но из-за перегруженности другими делами он передал задание совсем молодому востоковеду. Из всех работ Поппе советского периода именно эта книга наименее доступна. Ее нет в московских библиотеках, и некоторые московские тюркологи признавались нам, что никогда ее не видели. Лишь в библиотеке Поппе в Беллингхеме нам удалось ее прочесть.

Грамматика, предназначенная для учителей якутских школ, основывалась на классическом труде О.Бётлингга 1851 г., «произшедшем при своем выходе в свет перево-

рот в тюркологии» [Поппе 1926а, с.3], и на грамматике С.В.Ястремского 1900 г.; Поппе также консультировался по переписке с еще живым тогда С.В.Ястремским и непосредственно с видным этнографом Э.К.Пекарским, работал он и с информантом. При учебном характере грамматики, требовавшем максимально упрощенного изложения материала, и при сознательной ориентации на труды предшественников Поппе в ряде случаев дает фактам якутского языка новую, более современную интерпретацию. Уже в этой ранней грамматике Поппе стремится выработать четкие критерии для членения текста на слова, в частности для разграничения аффиксов и послелогов [Поппе 1926а, с.33], для выделения частей речи [Поппе 1926а, с.33, 89] и др., что не было свойственно науке XIX в. Отметим и довольно обширный раздел, посвященный комбинаторным изменениям звуков, нетрадиционную систему частей речи [Поппе 1926а, с.30 и др.]. Во вводной части автор старался максимально просто изложить и понятия общей лингвистики, комбинируя распространенные тогда психологический и социологический подходы к языку [Поппе 1926а, с.10–11]. Кратко затрагиваются и исторические вопросы: Поппе спорит с точкой зрения В.В.Радлова о том, что якуты – потомки изменившего язык нетюркского населения Сибири; по мнению Поппе, против этого говорит наличие в якутском языке многочисленных архаизмов, отсутствующих в других тюркских языках [Поппе 1926а, с.5–9].

Другим языком, которым Поппе занимался в это время, был чувашский. Через три года после окончания молодым ученым университета академик С.Ф.Ольденбург представляет его исследование по этой теме на заседании Отделения исторических наук и филологии Академии наук; работа затем была опубликована в «Известиях» академии [Поппе 1925б]. Затем он издает в Чебоксарах, столице Чувашской АССР, две небольшие книги [Поппе 1925в; Поппе 1927г].

Поппе не занимался описанием современного чувашского языка (в отличие от якутского), здесь ему трудно было конкурировать с активно работавшим в те годы выдающимся чувашским ученым Н.И.Ашмариним. Он

сосредоточился на сравнительно-историческом изучении этого языка, родственные связи которого были не вполне выяснены до этого. Хотя о тюркском происхождении чувашского языка писали и раньше, но столь авторитетный ученый, как В.В.Радлов, пытался доказать его принадлежность к финно-угорской семье. Поппе не только показал родство чувашского с тюркскими языками, более отдаленное, чем взаимное родство тюркских языков, но и восстановил тюркско-чувашские праформы. В основном он занимался сравнительной фонетикой, лишь эпизодически захватывая область сравнительной грамматики.

Вопрос о чувашском языке подводил Поппе к исследованию уже существовавшей до него, но вызывавшей большие споры алтайской гипотезы. Существование тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской семей ни у кого не вызывало сомнений и тогда, когда праформы не были восстановлены: языки внутри каждой из семей (кроме чувашского) очень близки между собой. Однако еще с XIX в. говорили и о вхождении всех трех семей в более обширную алтайскую семью, к алтайским иногда причисляли также корейский и японский языки. Некоторые общеалтайские слова устанавливались легко, но в целом доказательство алтайской гипотезы оказалось сложным делом. Поначалу ей занимались в основном дилетанты, имевшие малое представление о сравнительно-историческом методе. Научная алтаистика началась с исследований выдающегося финского ученого Г.Рамстедта. Он был на 22 года старше Поппе и уже много сделал, когда тот начал научную деятельность; одна из основных его работ переведена на русский язык [Рамстедт 1957]. Рамстедт и Поппе много лет состояли в переписке, но встретиться им так и не довелось. Вслед за Рамстедтом доказательством алтайской гипотезы занимался и Б.Я.Владимирцов, имевший хорошую для востоковеда лингвистическую подготовку. Однако ряд крупных ученых не поддерживали алтайскую гипотезу, считая несомненные параллели между языковыми семьями, причисляемыми к алтайским языкам, не результатом исконного

родства, а следствием заимствований из одной семьи в другую. Так считал другой учитель Поппе В.Л.Котвич.

Поппе воспринял от Б.Я.Владимирцова представление об алтайском родстве и остался верен ему на всю жизнь, хотя долго ему приходилось на словах открещиваться от алтаистики. Но в 20-х гг. заниматься этой дисциплиной еще было можно. Первой публикацией начинающего ученого стала алтайская реконструкция, произведенная совместно с Б.Я.Владимирцовым [Владимирцов, Поппе 1924]; это единственная работа, выполненная учителем и учеником в соавторстве. Затем алтайская проблема разрабатывалась Поппе в его чувашских исследованиях, далеко выходящих за рамки изучения одного языка. На материале тюркских, с особым вниманием к чувашскому, и монгольских языков, привлекая время от времени тунгусо-маньчжурский материал, он произвел фонологическую реконструкцию алтайского праязыка. Конечно, он учитывал сделанное Г.Рамstedтом, но во многих случаях он уточнил и пересмотрел его точку зрения. См. также специальные публикации [Поппе 1924; Поппе 1925г].

По мнению видного современного специалиста по тюркской компаративистике Л.С.Левитской, значение реконструкций Поппе состоит прежде всего в том, что он первым последовательно и аккуратно применил к алтайским языкам методiku, разработанную классиками сравнительно-исторического языкознания на индоевропейском материале. По ее мнению, Г.Рамstedт был ярче как ученый, обладал выдающейся интуицией и его роль стала самой значительной просто потому, что он был первопроходцем; к тому же он был шире по охвату ветвей алтайской макросемьи, используя не только тюркский и монгольский, но и тунгусо-маньчжурский, корейский и в меньшей степени японский материал. Поппе уже основывался на трудах Г.Рамstedта и Б.Я.Владимирцова и был, особенно в 20-е гг., ограничен в привлекаемом материале: он не сразу освоил тунгусо-маньчжурские данные, не так много занимался корейскими и никогда не изучал по-настоящему японские, по-видимому, с самого начала не будучи уверен в принадлежности этого языка к алтай-

ской семье (вероятно, под влиянием Е. Д. Поливанова, относившего японский язык к малайско-полинезийской семье). А для успешной реконструкции необходимо учитывать материалы всех ветвей семьи. Но зато Поппе был более грамотным компаративистом, чем Рамстедт и Владимирцов. Недостаточное владение сложной и изощренной методикой сравнительно-исторического языкознания было общей бедой востоковедов, особенно в России: филологическое и востоковедное образование почти не соприкасались и востоковедам приходилось овладевать лингвистическими методами самостоятельно. Иногда это имело тяжелые последствия, как это случилось с Марром, отвергшим компаративистику, кроме всего прочего, и потому, что он не владел по-настоящему ее методами. Во времена студенческой жизни Поппе эти трудности уже были преодолены (парадоксальным образом, во многом благодаря тому же Н. Я. Марру, расширившему лингвистическую подготовку студентов-востоковедов в годы деканства). Молодой лингвист мог уточнять и проверять реконструкции своих предшественников и тем самым продвигать алтаистику дальше.

Впрочем, в ранних его работах содержится ряд положений, от которых Поппе позднее отказался. Он писал: «Не определяя пока точно положение чувашского языка среди родственных ему языков, мы можем условно считать его промежуточным звеном между монгольским языком и тюрко-татарскими» [Поппе 1925в, с. 8]. Позднее он сочтет в соответствии с принятой традицией этот язык тюркским.

В книге [Поппе 1927г] речь идет и об истории чувашского языка в исторический период. Поппе без всяких оговорок считал его прямым потомком языка поволжских булгар, имевших в X–XIII вв. свое государство. В книге разъясняется, что это отождествление производится исключительно на основе языковых данных, хотя о языке поволжских булгар слишком мало известно. Выявив в основной части книги булгаро-чувашские заимствования в венгерском, марийском и пермских языках и отрицая без каких-либо доказательств существование достаточно древних заимствований из финно-угорских язы-

ков в чувашский, Поппе заключает: «С древнейших времен начиная и почти до самого последнего времени руководящая роль в распространенности земледельческой и скотоводческой культуры в Поволжье и, как мы раньше видели, также в южнорусских степях принадлежала чувашам и славным предкам-булгарам», хотя затем появились «трагически сложившиеся для чувашского народа обстоятельства – татарское нашествие и затем русское завоевание» [Поппе 1927г, с.30].

Показательно, что такое одностороннее высказывание Поппе напечатал не в Москве, а в Чебоксарах. Напомним, что в 1927 г. главным злом в национальных отношениях еще считался «великодержавный шовинизм», а борьба с «буржуазным национализмом» в основном была впереди. Не были ли слова о славном прошлом чувашского народа платой за возможность напечатать изыскания о тюркизмах в финно-угорских языках? Во всяком случае уже здесь, в сравнительно еще безобидном случае Поппе показал способность к «умелой дипломатии», высказыванию именно того, что от него желают услышать. Отметим, что в воспоминаниях, давая итоговый обзор своего как бы «Избранного», Поппе из своих чувашских публикаций упоминает лишь ленинградскую, а обе чебоксарские книги опускает. Впрочем, он мог считать их и недостаточно научными: они специально предназначались не только для ученых, но и для «чувашской интеллигенции» [Поппе 1925в, с.3], а по техническим причинам транскрипция была сильно упрощена сравнительно с академической публикацией.

Имя Поппе стало известно среди тюркологов, что нашло отражение в том, что он по инициативе А.Н.Самойловича участвовал в Первом тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. Это был первый международный форум, в котором участвовал Поппе. На съезде последний раз пересеклись пути Поппе и Е.Д.Поливанова. Годом позже Поливанов так напишет о Поппе: «Сравнительная грамматика “алтайских” языков... в настоящее время после работ Рамстедта, Б.Я.Владимирцова и в особенности Н.Н.Поппе – уже вышла из стадии подготовительных “нащупываний почвы” и стала вполне наукообразной

компаративной дисциплиной» [Поливанов 1927, с.1195], перепечатано в [Поливанов 1968, с.156] (отметим, что издатели последней книги сохранили все упоминания полузапретного тогда имени Поппе, включив его и в именной указатель). Тридцатилетний ученый был уже поставлен несомненным авторитетом в компаративистике выше находившихся в расцвете сил Рамстедта и Владимирцова.

Но после 1927 г. алтаистические публикации Поппе прервутся более чем на четверть века: следующая его значительная работа в этой области выйдет лишь в 1955 г. и не на русском языке. Господство марризма, особенно тяжело сказавшееся на сравнительно-историческом языкознании, заставит Николая Николаевича отойти от алтаистики, вернется он к ней уже будучи Николасом.

Но тогда, в конце 20-х гг., перед Поппе открылась другая и не менее интересная перспектива. С 1926 г. начались его монгольские и бурятские экспедиции. О них Поппе подробно пишет в воспоминаниях.

ПО МОНГОЛИИ И БУРЯТИИ

Экспедиционный период занимает в жизни Поппе семь лет: с 1926 по 1932 г. Семь сезонов подряд, без единого пропуска он ездил в какой-либо из районов распространения монгольских языков для изучения языка и фольклора монгольских народов. Ни до, ни после того (если не считать ранней, во многом еще учебной поездки к карелам и краткой поездки в Чувашию в 1925 г.) Поппе не вел полевые исследования. Но за семь лет сделано было немало.

До 1926 г. Поппе мечтал об экспедициях, но, судя по его воспоминаниям, не предпринимал каких-либо попыток осуществления своей мечты. Однако в начале 1926 г. организованная незадолго до этого Монгольская комиссия Академии наук предложила ему поехать в Монголию. Политическая ситуация после революции 1921 г.

в этой стране и образования в 1924 г. Монгольской народной республики способствовала развитию связей, в том числе и научных. Поэтому решили отправить в МНР двух ведущих ленинградских монголистов: Б.Я.Владимирцова и Поппе, ставшего к тому времени уже профессором. В мае 1926 г. они выехали из Ленинграда вместе с В.М.Алексеевым, направлявшимся в Китай. В Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) к ним присоединился бурятский ученый Б.Бамбаев. Путь от Верхнеудинска до Улан-Батора был сложным: сначала надо было плыть по Селенге до Усть-Кяхты, затем пересели в повозку. Ленинградские ученые перешли границу в установленном порядке, а Бамбаев сделал это нелегально: он не мог обращаться за паспортом и визой, потому что служил в белой армии.

Улан-Батор, как отмечает Поппе, в 1926 г. еще оставался типичным китайским городом с большим количеством буддийских храмов и монастырей, домов в европейском стиле почти не было. Дворец богдо-гэгэна уже стал музеем, где имелось много ценных экспонатов, но прежде всего бросалось в глаза чучело слона, когда-то подаренного богдо-гэгэну царем. После пребывания в столице Монголии группа разделилась: Владимирцов и Алексеев поехали в Пекин, а Поппе с Бамбаевым остались в Монголии и отправились на лошадях в сопровождении проводника в район реки Орхон, где сохранилось больше всего исторических памятников.

В воспоминаниях Поппе описывает свою жизнь среди монголов, отмечая среди их типичных качеств честность и гостеприимство в сочетании с ленью и неопрятностью. Поппе располагал к себе монголов тем, что мог говорить на их языке: в университете разговорному языку почти не учили, но Поппе брал уроки у жившего в Ленинграде монгола Гомбожава, обучая его одновременно русскому языку. Окончательно отшлифовать свои знания Николай Николаевич смог в экспедициях.

Первая экспедиция, в отличие от последующих, была не столько диалектологической или фольклорной, сколько филологической: Поппе с Бамбаевым изучали рукописи в еще существовавших ламаистских монастырях,

искали надписи, оставленные знаменитым борцом за независимость от маньчжуров начала XVII в. Цокто-Тайджи; одна такая надпись была найдена еще в прошлом веке, другую нашел Поппе и позднее опубликовал [Поппе 1929а]. Данная публикация была основным результатом первой экспедиции. Исторической интерпретацией надписи, однако, занялся Б.Я.Владимирцов [Владимирцов 1927]. В экспедиции Поппе впервые столкнулся с шаманской церемонией, замаскированной под ламаистскую. Экспедиция 1926 г. была единственной, во время которой Поппе сумел совершить длительное путешествие по Монголии, и единственной, где он работал вместе с Б.Бамбаевым. По словам Поппе, Бамбаев, продолжавший работать в Улан-Удэ, был в 30-е гг. арестован, но сумел бежать из тюрьмы с помощью знакомого охранника и скрылся в направлении маньчжурской границы, после чего никто о нем никогда не слышал.

В следующее лето 1927 г. Поппе вновь поехал в Монголию уже с новыми спутниками. Это были ближайший его сотрудник-монголист и товарищ со студенческих лет В.А.Казакевич и студент-бурят, ученик Б.Я.Владимирцова, Г.Д.Санжеев. На этот раз Поппе в основном работал в Улан-Батаре и лишь на обратном пути съездил в район реки Тюнгелик-Гол, где собрал фольклорный материал. Удалось Поппе в этот раз познакомиться и с настоящим шаманом, единственным, найденным им в Монголии. Шаманизм уже был там вытеснен к тому времени ламаизмом и сохранялся лишь в отдельных местах. Полученные материалы впоследствии вошли в статью Поппе о шаманских текстах монголов [Поппе 1932а]. Фольклорные записи, в основном сделанные в 1927 г., также были изданы [Поппе 1932б].

В Улан-Батаре Поппе занимался не столько халха-монгольским языком, сколько двумя другими языками монгольской группы, по которым ему удалось найти информантов. Он нашел сразу троих бурят из Внутренней Монголии, носителей разных диалектов, имеющих отличия от бурятских диалектов СССР; фонетическое описание этих диалектов Поппе опубликовал по-немецки [Рорре 1931]. Другим языком был дагурский, распро-

страненный на севере Внутренней Монголии и в прилегающих районах Северо-Восточного Китая. Как мы помним, дагурский информант был и в Ленинграде, но Поппе так и не смог с ним работать; теперь ничто ему не мешало. До 1927 г. этот язык знали очень плохо, даже спорили о том, является ли он монгольским или тунгусо-маньчжурским; Г.Рамстедт считал его смешанным «маньчжуро-монгольским диалектом». После публикаций Поппе уже никто не сомневался в монгольской принадлежности дагурского языка. Поппе издал дагурскую грамматику [Поппе 1930а], ставшую первым монографическим описанием этого языка; основные результаты исследований он издал и по-немецки [Рорре 1934], это была последняя его германская публикация перед десятилетним перерывом.

Нарушая хронологическую последовательность, скажем о третьей и последней поездке Поппе в МНР в 1929 г. (летом 1928 г. он ездил к бурятам). Эта поездка была самой короткой и ограничилась Улан-Батором. На этот раз Поппе продолжал работать с информантами. Он вновь изучал бурятские диалекты Внутренней Монголии и описал солонский язык, также распространенный во Внутренней Монголии. В отличие от дагурского, этот язык действительно относится к тунгусо-маньчжурским. Описание солонского языка также было издано [Поппе 1931а].

После 1929 г. Поппе никогда до самого конца жизни не был в Монголии. Он объясняет это тем, что ему перестали давать выездную визу, не объясняя причин этого. Считался ли он «неблагонадежным»? Его общественное поведение, о котором мы будем говорить в следующей главе, как будто не давало для этого оснований, но тогда влиять на возможность поездок могли самые неожиданные и непредсказуемые обстоятельства. Упоминает Поппе о том, что в последующие годы лишь один раз академическое руководство предлагало ему поездку в Монголию; было это весной 1937 г., в самом начале волны репрессий. Поездка по каким-то причинам не состоялась, чему Поппе скорее был рад: если бы он съездил за рубеж, у него было бы больше шансов пострадать.

Все остальные экспедиции происходили уже на территории Советской Сибири. Направленность их была сходной: описание неизученных языков и диалектов, сбор фольклорного материала, этнографические исследования, в том числе шаманизма, поиски рукописей. Главным объектом изучения были буряты, также исследовались тунгусо-маньчжурские народы Восточной Сибири.

Направленность бурятских исследований Поппе несколько отличалась от его же монгольских. Целью его работ с монгольскими информантами было получение информации о их фольклоре и этнографии, лингвистические же исследования Поппе вел в отношении языков более малых народов, но не халха-монгольского. Дело в том, что диалектные различия в этом языке невелики, существовал более или менее единый разговорный халха-монгольский язык, начинавший в 20-е гг. получать литературную обработку. Язык этот описывался и до Поппе, а в его время актуальны были вопросы нормализации халха-монгольского языка, теоретического осмысления его фактов (о работах Поппе, связанных с этим, речь будет идти в последующих главах), но не сбора языкового материала, в основном уже известного. Иная ситуация была у бурят. Общепонятного для них языка тогда не существовало, диалекты весьма различались между собой, в большинстве они никак не были описаны. Лишь один диалект, хоринский, изучил первый учитель Поппе А.Д.Руднев [Руднев 1913–1914]. Перед ученым стояла задача комплексного изучения разных диалектов, разбросанных по обширной территории, разорванной на части русскоязычными районами. Это изучение требовало нескольких экспедиций.

Еще до начала экспедиций, с 1925 г. Поппе начал изучать один из неисследованных диалектов – аларский. Носителем его был упоминавшийся выше Г.Д.Санжеев, учившийся в Ленинграде. Поэтому первая экспедиция к бурятам в 1928 г. была посвящена именно этому диалекту, распространенному в западной части бурятоязычного ареала. Тогда это был анклав Бурят-Монгольской АССР, основная часть которой была расположена восточнее Байкала; в 1937 г. этот анклав перейдет в Иркут-

скую область, образовав Усть-Ордынский национальный (позднее – автономный) округ. Западные буряты отличаются от восточных и в культурном отношении: влияние ламаизма на них было невелико и они значительно раньше, еще с XVIII в., обрусели, среди них распространились земледелие и православная религия. Однако в 20-е гг. еще сохранялись привычки кочевать, хотя уже на небольшие расстояния, а с православием сосуществовал не только ламаизм, но и шаманизм; Поппе отмечал, что среди западных бурят влияние шаманизма сохранилось в наибольшей степени [Поппе 1932а, с.151]. Как пишет он в воспоминаниях, буряты молились разным богам, считая, что если один бог не поможет, так поможет другой. Он же отмечает и большую чистоплотность западных бурят сравнительно с другими монгольскими народами: у них не водились вши.

Поппе провел лето 1928 г. в родной деревне Г.Д.Санжеева Тайшин в 40 км от железной дороги, недалеко от города Черемхово. Он изучил аларский диалект и записал фольклорные тексты. Результаты исследования вышли в 1930 г. под редакцией Б.Я.Владимирцова в двух томах, первый том составило описание языка, второй – тексты с переводом [Поппе 1930б]. Это был второй монографический очерк бурятского диалекта после книги А.Д.Руднева. См. также предварительную публикацию [Поппе 1928б].

Три последующие экспедиции проходили три лета подряд с 1930 по 1932 г. Экспедиция 1930 г. отправилась в самую восточную часть бурятского ареала, в другой анклав Бурят-Монгольской АССР, позднее ставший Агинским автономным округом Читинской области. Его спутниками были специалисты из Улан-Удэ, упоминавшийся выше монгол Гомбожав Мэргэн-гун, его жена бурятка А.Н.Боржонова (Оюн Билиг) и студент Баханов. Во время экспедиции они посетили видного монголиста профессора Г.Ц.Цыбикова, к тому времени оставившего преподавание и вернувшегося в родные края (в том же, 1930 г. он умер). В с.Агинском экспедиция побывала в еще существовавшем ламаистском монастыре Ага дацан

и познакомилась с ламами; монастырь имел богатую библиотеку, в 30-е гг. уничтоженную.

Результатом экспедиции была книга [Поппе 1932в], довольно краткая и менее подробная, чем описание аларского говора. В основном рассмотрена фонетика агинского диалекта, о морфологии сказано очень кратко ввиду большого сходства в этом отношении агинского диалекта с описанным А.Д.Рудневым хоринским [Поппе 1932в, с.19–20]. Записывались и тексты, в дальнейшем публиковавшиеся [Поппе 1934а; Поппе 1936а]. Хотя среди восточных бурят шаманизм был вытеснен ламаизмом сильнее, чем среди западных, но и здесь Поппе столкнулся с его существованием. Именно во время агинской экспедиции ему необыкновенно повезло: он смог присутствовать при редком событии – обряде посвящения в шаманки молодой женщины. Ритуал, длившийся три дня и три ночи, Поппе называет самым интересным зрелищем, которое он когда-либо видел. Ему удалось сфотографировать некоторые части обряда, но фотографии, так и не изданные, он оставил в Ленинграде в 1941 г. Сохранились ли они?

Из экспедиции 1930 г. Поппе привез еще одну реликвию, которую нам хочется процитировать полностью, сохраняя вслед за публикацией Николая Николаевича орфографию оригинала. Это «Удостоверение» шамана Махансяя, подписанное председателем Дуралеевского сельсовета Нерчинского уезда Забайкальской губернии и удостоверенное печатью сельсовета. Шаман использовал этот документ для рекламы, а также как законное основание для снижения налогов.

«1928 года 29 января. Удостоверение

дано настоящее удостоверение гражданкой Парасковеей димитревой Ивановой Олинского района Села дуралей гражданину усь карашивырскому Цагануской Самон агинской Аимок базару Заинтуеву 1926 года Личил Меня базар Заинтуев. От которого мне стало лучше, въ чем и расписуюсь Парасовья димитревна Иванова.

О действителн. сей подписи гражданки Ивановой удостоверяется подписью и при. с печат.» [Поппе 1932а, с.153].

В следующее лето 1931 г. Поппе вместе со своим студентом-бурятом Т.А.Бертагаевым совершил поездку по южной части Бурят-Монгольской АССР, прилегающей к монгольской границе. Эти места он уже посетил по дороге в Монголию, но теперь они стали местом его специальных исследований. Снова Поппе плывал по Селенге, затем посетил село Тамча на берегу Гусиного озера. Это была территория распространения диалекта, который он в 30-е гг. называл селенгинским, а в работах, изданных в США, стал именовать цонголским; Поппе указывает, что это нечто среднее между бурятским и халха-монгольским: фонетика почти халхаская, но другие черты похожи на бурятские.

Ситуация в Сибири с каждым годом менялась. Когда Поппе приехал к бурятам в первый раз, они жили сравнительно зажиточно, о коллективизации лишь поговаривали, ламаистские монастыри действовали, а шаманизм вполне признавался, что видно из приведенного выше сельсоветовского удостоверения. В 1930 г. коллективизация и «культурная революция» были в разгаре, а к 1931 г. в основном уже были завершены. Монастырь возле Тамчи закрыли, а лам сослали. Экономическое положение везде, по словам Поппе, стало тяжелым. Основным местом исследований для Поппе в 1931 г. стали два колхоза: «Улан одо» («Красная звезда») и «Искра». Туда переселяли крестьян из разных частей Бурятии (одновременно с коллективизацией шел и перевод кочевников на оседлость). Для колхозников это значило ломку привычного уклада, но Поппе мог в связи с таким переселением изучать фольклор не только южных, но и других бурят. Спустя полвека он удивлялся, что тогда в колхозах еще сохранялся богатый и разнообразный фольклор. Как он писал в 1934 г., во время данной экспедиции «исследования велись почти исключительно в колхозах Селенгинского аймака и неколлективизированное население почти не было охвачено экспедицией» [Поппе 19346, с.5]. Итогом ее стала книга [Поппе 19346], содержащая тексты 154 фольклорных произведений, в основном без переводов. Специального описания селенгинского диалекта Поппе не публиковал по той

причине, что его к тому времени было решено сделать опорным для создания бурятского литературного языка. Лингвистические результаты экспедиции 1931 г. прежде всего отражены в книге [Поппе 1938а].

Отметим еще одно обстоятельство. В книге 1934 г. Поппе среди участников экспедиции помимо Т.А.Бергатаева называет Ц.Будаева. В воспоминаниях имя этого бурятского ученого вообще не упоминается. С чем это связано?

Объездив до того запад, восток и юг бурятского ареала, в последнее экспедиционное лето Поппе отправился на север, в Баргузинский район (восточнее Байкала и севернее Улан-Удэ). Его спутниками на этот раз были студенты-буряты Л.Ч.Гомбоин и А.М.Хамшагалов и местный учитель З.Баторов. Исследователям пришлось ехать по очень плохой дороге на тройке, управлявшейся бывшим красным партизаном Елисеем. Дорога шла вдоль Байкала; по мнению Поппе, там ему пришлось видеть самые красивые и дикие пейзажи в его долгой и богатой путешествиями жизни. При переправе через реку Баргузин на плоту в штормовую погоду Поппе и его спутники сильно вымокли и едва не утонули. Но собранный материал оправдал все испытанные трудности: удалось получить немало диалектных и фольклорных данных. Помимо этого, экспедиция записала родословные местных жителей, сохранивших память о предках в восьми-десяти поколениях. Затем ее участники отправились на остров Ольхон посреди Байкала и в село Хогот западнее Байкала. И там был собран материал, но шаманские тексты записать не удалось: местных шаманов уже репрессировали, а оставшиеся жители, если чего-то и знали, то предпочитали скрывать свои знания. В Хоготе лучшим знатоком оказался секретарь местной парторганизации, но он был слишком занят, чтобы работать с экспедицией.

Бурятский материал, полученный в 1932 г., Поппе не издавал в качестве отдельной книги, но данные по диалектам вошли в обобщающую грамматику [Поппе 1938а], а фольклорные тексты вместе с текстами, записанными в предыдущих экспедициях, — в книгу [Поппе

1936а]; сведения исторического характера, прежде всего родословные, использованы в книге [Поппе, Востриков 1935].

В Баргузинском районе помимо бурят жили и эвенки. Их языком Поппе занимался и раньше: еще в 1925 г. он нашел в Ленинграде эвенка, бывшего носителем как раз баргузинского диалекта. Полученный от него материал лег в основу небольшой книги [Поппе 1927д]. В 1932 г. Поппе удалось изучить тот же диалект непосредственно на месте, однако из-за загруженности другими делами Поппе так и не издал полученные материалы. Сохранились ли они, мы не знаем. В целом тунгусо-маньчжуристика все же находилась на периферии интересов Поппе, и его опубликованные работы, специально посвященные языкам этой группы, исчерпываются двумя небольшими описаниями солонского языка и баргузинского диалекта; речь сейчас не идет об использовании тунгусо-маньчжурского материала в алтайских реконструкциях.

1932 год стал последним для Поппе экспедиционным годом, хотя для поездок в Бурятию не требовалась выездная виза и позднее Поппе был там еще несколько раз (последний раз в 1941 г., перед самой войной). Но эти поездки имели уже иной характер: Поппе консультировал местных специалистов, участвовал в юбилейных торжествах, посещая лишь Улан-Удэ. Поппе, фиксирующий в воспоминаниях любой ущерб, причиненный ему советской властью, ничего не пишет о причинах прекращения экспедиций. Видимо, перестал он в них ездить по своей воле. Основная задача была выполнена: все основные бурятские диалекты он исследовал (хоринский диалект специально не изучался, поскольку его неплохо описал еще А.Д.Руднев), фольклорных текстов также было записано немало. В 1935 г. Поппе мог с полным правом писать: «Еще несколько лет тому назад исследование бурят-монгольского языка находилось примерно на том же уровне, что до Октябрьской революции, но теперь дело настолько резко изменилось, что бурят-монгольский язык может уже с полным правом считаться всестороннейше и наилучшим образом исследованным языком из

числа всех языков монгольской группы» [Поппе 1935а, с.51].

Перед ученым стояли уже другие задачи: обобщение собранного материала, создание крупных теоретических работ. Помимо этого, Поппе продолжал начатую еще в 20-е гг. работу по описанию монгольских памятников из советских собраний; нужно было заниматься и вопросами языкового строительства. Все эти проблемы будут главными для Николая Николаевича в 30-е гг.

Его положение к тому времени изменилось. В августе 1931 г., когда Поппе находился в экспедиции на Селенге, внезапно умер Б.Я.Владимирцов. Эта смерть поставила Поппе во главе советской монголистики. Он стал после своего учителя заведовать монгольским кабинетом Института востоковедения, а в следующем, 1932 г. заменил его и в Академии наук, хотя и не в том же ранге: Поппе был избран членом-корреспондентом (Владимирцов был академиком). Ему тогда не исполнилось и 35 лет, в академии он тогда был самым молодым среди гуманитариев. Из монголоведов старше Поппе работали лишь С.А.Козин в Ленинграде и Б.Б.Барадин в Улан-Удэ, несколько позже к ним добавится Ц.Жамцарано, которому не по своей воле придется покинуть Монголию. Другие монголисты принадлежали к поколению Поппе или были еще моложе. Авторитет Николая Николаевича среди них был в те годы неоспоримым. Работы было много, а писал Поппе, как всегда, быстро и легко.

ВО ГЛАВЕ СОВЕТСКОЙ МОНГОЛИСТИКИ

Внешне жизнь молодого члена-корреспондента выглядела устоявшейся и вполне благополучной. Работа в Институте востоковедения, университете и (до 1938 г.) в Институте живых восточных языков, множество дополнительных нагрузок от руководства «Большим монгольско-русским словарем» до членства в редколлегии сборников «Советский фольклор», поездки в Москву на сессии Академии наук, в Бурятию и Калмыкию для кон-

сультации местных кадров, в Кисловодск, Ессентуки или Анапу в отпуск, большое число книг и статей. Поппе продолжает почти ежегодно издавать книгу, а то и две — три, причем объем его монографий заметно увеличивается. В одной только серии «Труды Института востоковедения АН СССР» он издал восемь книг под номерами V, VIII (в соавторстве), IX, XII, XIV, XXI, XXVI, XXXIII. К моменту издания Поппе седьмой книги в этой серии никто другой не имел в ней более одной монографии.

Но каким бы благополучным ни выглядело положение ученого, он мог за одну ночь лишиться всего, включая возможность работать, а то и самой жизни. В воспоминаниях Поппе очень много пишет об «академических чистках», особенно о чистке 1929 г., и об арестах востоковедов и других ученых. Сам он, безусловно, боялся самого страшного, особенно в 1937 г., когда один за другим исчезли сначала его соавтор по изданию летописей баргузинских бурят А.И.Востриков, а затем ближайшие его сотрудники по монгольскому кабинету Института востоковедения Ц.Жамцарано и В.А.Казакевич. Востоковедные кадры тогда вообще сильно пострадали, но Поппе уцелел. Никогда он ниоткуда и не «вычищался», не мог он пожаловаться и на особые сложности с публикацией трудов (кроме полиграфических), хотя в воспоминаниях он жалуется на конъюнктурную правку и на изъятие фамилий пропавших коллег.

Лишь в двух отношениях Поппе мог считать себя ущемленным. Во-первых, он не ездил за границу. С 1917 по 1943 г. он не был нигде, кроме Монгольской Народной Республики, да и туда не ездил после 1929 г. Командировок было мало, и давались они чаще по причинам, не связанным с наукой. Поппе поначалу было очень обидно, что в начале 1933 г. на стажировку в Берлин и Париж послали не его, а В.А.Казакевича, хотя тот был ниже рангом. Когда Поппе спросил о причинах такого выбора тогдашнего директора Института востоковедения академика С.Ф.Ольденбурга, тот ответил: «Если бы Вы знали, какого рода задание дано Казакевичу, Вы бы отказались от этой командировки» [Рорре 1983, с.134].

Очевидно, тому давалось какое-то задание политического характера, о сути которого Поппе никогда не узнал. Потом, когда Казакевича арестовали, Поппе мог только радоваться тому, что в Берлин в дни прихода фашистов к власти поехал не он. Другим ограничением было сокращение с 1934 г. публикаций Поппе за рубежом: такая была общая линия. Поппе пишет, какой ужас вызвало у него полученное в 1933 г. письмо от видного немецкого ученого В.Банг-Каупа с предложением прислать документы для избрания членом-корреспондентом Берлинской академии наук: и не отвечать старшему коллеге было неудобно, но посылать документы, особенно после прихода к власти Гитлера, было крайне опасно. Судьба, как и не раз до того и после того, выручила Поппе: вскоре В.Банг-Кауп умер и проблема решилась сама собой. В Берлинскую (тогда уже Западноберлинскую) академию его-таки изберут членом-корреспондентом, но произойдет это лишь в 1957 г. Впрочем, в Чехословакии и Эстонии Поппе публиковался и в конце 30-х гг.

Так что судьба щадила Николая Николаевича. Но за это надо было платить. И здесь нам придется рассмотреть ситуации, не нашедшие отражения в его воспоминаниях.

Обстановка в советской науке с конца 20-х гг. сильно идеологизировалась. Писать, избегая политики, как это делал Поппе в первых публикациях, стало почти невозможно. В такой обстановке уже сформировавшиеся ученые вели себя по-разному. Одни, как П.К.Коковцов и Ф.И.Щербатской, оставались на прежних позициях, что обрекало большинство из них в лучшем случае на молчание, а то и на серьезные неприятности, другие старались всерьез перестроиться и освоить марксизм, третьи шли на тот или иной компромисс. Поппе принадлежал к последним.

Разумеется, мы не можем не верить Поппе, когда он в воспоминаниях неоднократно подчеркивает, что в душе всегда не принимал власть коммунистов: ясно, что последующее его поведение имело основания в его прошлом. Но в отношении своего поведения в конце 20-х и в 30-е гг. он многого не договаривает, показателен и от-

бор своих публикаций тех лет, которые Поппе упоминает в библиографии к воспоминаниям: самых «советских» работ, например [Поппе 1933а; Поппе 1933б; Поппе 1934а; Поппе 1940а], там нет; собирая в Сиэтле свои довоенные публикации, он также не стал включать их в свою библиотеку. Поппе упоминает такие факты из биографии, как, например, консультации для офицеров советского Генштаба в дни Халхин-Гола, но всячески подчеркивает безупречность своей репутации как человека, вынужденного в тяжелой обстановке молчать и не высказывать истинные взгляды, но не говорившего ничего противоречащего убеждениям.

Можно упомянуть два эпизода. В первом он рассказывает о разговоре с местным учителем во время экспедиции 1928 г.: «Он хотел знать, почему необходима коллективизация. Нелегко было объяснить ситуацию и в то же время избежать критики текущей политики советского правительства. К счастью, его дочь, хорошенькая, но крайне провинциальная девица лет восемнадцати, повернула разговор в другом направлении, спросив, умею ли я играть на гитаре» [Рорре 1983, с.96].

В другой раз Поппе вспоминает о своем разговоре в Улан-Удэ в 1936 г. с первым секретарем Бурят-Монгольского обкома М.Н.Ербановым, расстрелянным год спустя. «Я использовал возможность упомянуть в разговоре с Ербановым о том, что следовало бы как-то сохранить старые обычаи и ориентиры. Например, я предложил сохранить хотя бы один ламаистский монастырь как исторический и этнографический музей» [Рорре 1983, с.106]. Секретарь обкома с этим, естественно, не согласился.

Не подвергая сомнению достоверность обоих эпизодов, посмотрим все же, что Поппе писал в те годы о коллективизации и о сохранении традиционной бурятской культуры. Вот, например: «На смену этой отжившей поэзии ламства пришла богатейшая революционная, по-настоящему колхозная поэзия, мощно вытесняющая ламскую поэзию и даже вытеснившая ее» [Поппе 1934б, с.8]. Поппе с радостью писал о том, что в двух колхозах он записал 154 революционные и колхозные песни и лишь 7 ламских, причем старики, знавшие последние, «сами

обращают внимание собирателя на их устарелость, идеологическую чуждость» [Поппе 1934б, с.12]. И еще: «Латинизация, например, бурят-монгольской письменности – не только замена алфавита другим, но вместе с тем переход от феодального, ламского литературного языка, языка эксплуататорского класса, паразитического класса, на литературный язык, построенный на разговорном языке широких трудовых масс» [Поппе 1933а, с.22]. И еще: «Если каждая эпоха в истории того или иного народа, характеризующаяся особенно глубокими социальными сдвигами, находит свое яркое отражение в таких областях, как поэзия, то с тем большим правом мы можем ожидать этого от эпохи пролетарской революции, принесшей бесчисленным угнетенным и поработанным народностям царской России освобождение, выведшей их на путь социалистического строительства и культурной революции и обеспечившей каждой народности создание социалистической по содержанию и национальной по форме культуры... Новые времена – новые песни» [Поппе 1934а, с.81]. Далее анализируются новые песни типа:

«Мы, многочисленные женщины, отсталые в науке и просвещении, непременно, товарищи, последуем за руководством всесильной и светлой власти» [Поппе 1934а, с.84] или:

«Если двинутся из дома бандиты, я надеюсь на свое войско ГПУ» [Поппе 1934б, с.16]. Ср. с картиной Бурятии в воспоминаниях, где Поппе старается показать, будто «всесильная и светлая власть» не принесла бурятскому народу ничего, кроме страданий.

Конечно, так писал в 30-е гг. не один Поппе. Все же штампы, типичные для эпохи, у него появляются как-то очень густо. Цитаты из Сталина и из партийных постановлений, обличения «уклонистов», рассуждения о диалектике и о «социалистической по содержанию и национальной по форме культуре». Даже в небольшой книжечке [Поппе 1932в], посвященной чисто лингвистическому описанию диалекта, почти страницу занимает большая цитата из «Диалектики природы» Ф.Энгельса о случайности и необходимости, нужная для подтверждения тезиса о том, что в некоторых словах агинского диа-

лекта есть незакономерные фонетические соответствия [Поппе 1932в, с.14]. Теперь мы знаем, что Поппе не был искренен, когда писал всё это. Может быть, потому он и не знал в подобных высказываниях меры, считая лишь, что для самосохранения лучше переборщить, чем недоборщить.

Не будем больше говорить об общих стандартах и их отражении в работах Поппе. Разберем лишь две проблемы, непосредственно касавшиеся научных занятий этого ученого: отношение к «новому учению о языке» Н.Я.Марра и вопрос о литературной норме для бурятского языка.

К концу 20-х гг. «марксизмом в языкознании» было объявлено «новое учение о языке», несмотря на его достаточно очевидную научную несостоятельность; такое положение сохранялось до 1950 г., когда Поппе уже жил в США. Каждый ученый, занимавшийся вопросами языка, был обязан хотя бы на словах воздать должное марровскому учению.

Мы помним, что отношения Поппе с Марром со студенческих лет были хорошими. Поппе участвовал в марровском труде по числительным, а его книга [Поппе 1927д] вышла в марровской серии «Материалы по яфетическому языкознанию»; это первая книга серии, по теме выходившая за пределы Кавказа. Отношения Марра и Поппе укрепились после совместной чувашской экспедиции 1925 г. И позже Поппе, как сам пишет, «остался в дружеских отношениях с Марром», отмечая, что тот, «несомненно, был джентльменом и хорошим и благородным человеком». Впрочем, когда чувашский маррист Ф.Т.Тимофеев (Тимуха) попытался поставить в один ряд Марра и Поппе, ему последовал выговор от академика [Марр 1937, с.202]. Но все же Николай Николаевич находился под покровительством Марра и его не так часто ругали в печати. В погромном сборнике [Против 1932], изданном под наблюдением Марра его учениками во главе с Ф.П.Филиным, Поппе — один из немногих видных лингвистов тех лет, не попавших в число «контрабандистов». В ответ Поппе похвалил сборник [Поппе 1933а, с.4].

Поппе в 30-е гг. упоминал имя Марра часто. Но обычно это либо общий пересказ его идей без конкретной привязки к монгольским языкам (см., например, [Поппе 1938а, с.30–33]), либо попутные и явно декоративные упоминания: говоря о семантических различиях между халха-монгольским и бурятскими диалектами, Поппе вдруг вспоминает: «Проблема семантики... прекрасно разработана на материале очень многих языков яфетическим языкознанием» [Поппе 1931б, с.5]. Искренней увлеченности здесь нет, есть лишь осознанное соблюдение правил игры. В воспоминаниях Поппе пишет, что убедился в ненаучности яфетического языкознания Марра еще в 20-е гг.

Так же соблюдались правила и в другом: хваля Марра и его учение, надо было обличать их противников. В книге «Лингвистические проблемы Восточной Сибири» Поппе отвел место критике «группы языкофронта, правда, ныне не существующей, достаточно уже разоблаченной» [Поппе 1934а, с.4]; группа «Языкофронт» (Т.П.Ломтев, Г.К.Данилов и др.) пыталась конкурировать с марристами, но к началу 1933 г. потерпела поражение. Еще резче Поппе пишет об изгнанном к тому времени в Среднюю Азию Е.Д.Поливанове. В 1983 г. в мемуарах он не принимал этого ученого как коммуниста, но в 1933 г. обличал его же в «протаскивании буржуазных идей и теорий» и называл его книгу «За марксистское языкознание» «не имеющей с марксизмом ничего общего» [Поппе 1933а, с.3]. К тому времени борьба с «поливановщиной» уже пошла на убыль, но Поппе надо было показать свою правоверность.

Реально особого влияния марризма ни в одной работе Поппе нет, ни элементарным анализом, ни выявлением яфетизмов он никогда не занимался (включение его книги в яфетическую серию – лишь знак дружеских отношений с Марром). Безусловно, в душе он никогда не принимал марризм, хотя прямо смог заявить об этом лишь в эмиграции [Рорре 1963а, с.302]; повторяется та же оценка и в воспоминаниях.

Однако один тезис Марра он тогда усвоил прочно, хотя этот тезис был негативен, а не позитивен. Речь идет

об отрицании языкового родства и праязыков. Как мы помним, еще в начале своей деятельности Поппе заявил о себе как о выдающемся компаративисте. Но в 30-е гг. он не только перестал этим заниматься, но и постоянно писал о «реакционнейшей» индоевропейской теории [Поппе 1933а, с.23], базирующейся «исключительно на формально-лингвистических исследованиях» [Поппе 1933а, с.54], тогда как у нас «иные цели и задачи» [Поппе 1933а, с.23]. В одной небольшой по объему книге «Лингвистические проблемы Восточной Сибири» индоевропеистика клеймится трижды, похожие формулировки содержатся и в других работах [Поппе 1933б, с.67–72; Поппе 1932г, с.IX]. Потом, правда, когда Марра уже не было в живых, а внимание лингвистического начальства было занято другим, Поппе в статье об итогах советской монголистики за 20 лет в числе прочих достижений назвал и компаративные работы Б.Я.Владимирцова и себя самого [Поппе 1937а, с.1301]. Но в 1940 г. снова он выступает против компаративистики. При этом Поппе занял довольно двусмысленную позицию, избрав мишенью действительно слабое место компаративистики тех лет: более далеко идущую, чем алтайская, урало-алтайскую гипотезу (о родстве алтайских языков с финно-угорскими и самодийскими). По заявлению Поппе, «так называемая урало-алтайская теория принадлежит к еще неизжитым лингвистическим теориям, является наследием буржуазной науки» [Поппе 1940а, с.79]. Далее идет вполне обычный для компаративистики анализ, где Поппе после долгого перерыва возвращается к финно-угорскому материалу и сопоставляет его с алтайским. Вывод Поппе – при структурном сходстве «общей же лексики в этих языках нет», тем самым «даже обычные методы буржуазного языковедения обращаются против урало-алтайской семьи» [Поппе 1940а, с.788]. Для марриста статья выглядит как еще одно опровержение языкового родства вообще, а для нормального лингвиста – как опровержение одной из компаративных гипотез, действительно спорной и далеко не всеми разделявшейся (по современным представлениям, уральские и алтайские языки – две ветви ностратической макросемьи, но отдельная

урало-алтайская семья не выделяется). Сторонником данной гипотезы Поппе действительно не был, о ее оценке в поздних его работах мы еще будем говорить. Кое-где в статье Поппе явно проговаривается, например сомневаясь в принадлежности японского языка к алтайским [Поппе 1940а, с.79]; кажется, впервые он печатно высказал идею, позднее проводившуюся им не раз. Но ведь само понятие алтайских языков было для марризма «буржуазным».

Вместо идеи языкового родства Поппе говорил вслед за Марром об исконной несвязанности и независимом происхождении каждого языка и каждого диалекта, которые потом могут «сходиться» и «скрещиваться». Поппе умудрился в одном 1933 г. высказать разные взгляды на этот счет. В книге «Бурят-монгольское языкознание» он полностью разделяет этот марровский тезис и заявляет: «Бурятский язык стал родственен халхаскому и другим монгольским языкам, которые точно так же приобрели свое взаимное родство путем скрещивания» [Поппе 1933б, с.72]; то же, по его мнению, произошло и с большинством бурятских диалектов [Поппе 1933б, с.70]. «Случаи дробления языков тоже наблюдаются, но лишь как подчиненный момент» [Поппе 1933б, с.71]: баргузинский диалект все же результат дробления, так как недавнее переселение его носителей в места нынешнего обитания исторически засвидетельствовано. Но в том же году Поппе пишет и куда менее категорично: «Чем был бурятский язык в отдаленном прошлом, мы не знаем. Возможно, что и был один, абсолютно единый язык, но возможно также, что на месте одного единого языка мы имели тогда группу разных, резко отличавшихся друг от друга диалектов» [Поппе 1933в, с.111]. В чем дело? То ли второе высказывание не понравилось марристам недостаточной категоричностью и Поппе вынужден был в очередной раз капитулировать, то ли, наоборот, кому-то из коллег первое высказывание показалось слишком уж крайним и Поппе скорректировал точку зрения, то ли Поппе по-разному писал в расчете на разных адресатов.

Какие-то трения у Поппе с марристами явно все же были, и в отдельных случаях он с ними скрыто полеми-

зирует: «Граматику не делает материалистической выворачивание ее наизнанку и превращение страницы со- той прежней грамматики в первую, а первой в тридца- тую, не в замене терминов склонение, спряжение и т.д. новыми, искусственными, но в том, чтобы диалектику языка правильно отразить в исследовании, в учебнике, понять эту диалектику и схватить ее» [Поппе 1933г, с.68]. Современному читателю трудно понять, о чем здесь идет речь, но в те времена марристы, клеймя традиционные грамматики, особенно яростно нападали на привычный порядок изложения: вначале фонетика, затем морфология и, наконец, синтаксис. Вместо этого предпри- сывалось начинать с семантики и синтаксиса, а потом уже описывать остальное. Традиционные термины вроде «имя существительное», «имя прилагательное» тоже осуждались и заменялись иногда другими. Явно кто-то из марристов критиковал Поппе за сохранение традиции в этих отношениях. Но этот вопрос был не столь карди- нальным для Марра, как отвержение родства языков, поэтому Поппе здесь мог защищаться, прибегая к обыч- ной для тех лет фразеологии.

Другой проблемой был бурятский литературный язык. Поппе наряду с другими видными лингвистами своего поколения участвовал в работе по языковому строительству. Стояла задача создания письменностей и литературных норм для большого числа языков, в том числе и монгольских. Поппе принимал самое активное участие в языковом строительстве для бурятского и кал- мыцкого языков, давал рекомендации и для аналогичных мероприятий в Монголии, занимался он и социолингви- стическими проблемами Восточной Сибири в целом, где распространены и тюркские (якутский), и тунгусо-мань- чжурские (эвенкийский) языки [Поппе 1933а].

Как мы уже упоминали, язык халха-монголов в це- лом един, язык же бурят дробится на достаточно далекие диалекты. Поэтому «если вопрос о литературном языке для халха-монголов разрешается сам собой, то этот же вопрос для бурят, как оказывается, представляет собой известные затруднения» [Поппе 1932д, с.23]. Сам вопрос о том, что такое бурятский язык, весьма сложен. С чисто

лингвистической точки зрения, как признавал Поппе, бурятские диалекты к востоку от Байкала ближе к халха-монгольскому, чем к западно-бурятским диалектам: селенгинские и агинские буряты могут объясниться с халха-монголами, но никто из них не поймет западного бурята [Поппе 1931б, с.5]. Однако носители диалектов, которые принято называть бурятскими, жили в России, затем в СССР, а халха-монголы – в другом государстве. Литературным языком для халха-монголов и для всех бурят (кроме наиболее обруселых) был старописьменный монгольский, на котором только писали, но не разговаривали, и который слишком явно был несовременен. После Октября в связи с общей языковой политикой тех лет, направленной на развитие языков нацменьшинств, встал вопрос о создании бурятского литературного языка.

Теоретически возможны были несколько вариантов. Некоторые из них отбросили сразу же, прежде всего создание нескольких литературных языков или хотя бы двух разных для западных и восточных бурят: существовала единая Бурят-Монгольская республика. Обсуждался, но был отвергнут, в том числе и Поппе, вариант конструирования языка на основе равномерного использования явлений из разных диалектов, хотя именно на нем для любого из младописьменных языков настаивал влиятельный Марр [Марр 1935, с.466]; Поппе вполне обоснованно отверг «все бесплодные и вредные попытки создать какой-то искусственный язык из кусочков отдельных наречий бурятского языка» [Поппе 1932д, с.24], не преминув упомянуть, что такой проект осужден обкомом.

Первоначально по предложению бурятского ученого Б.Б.Барадина, еще до революции ставившего вопрос о латинизации письма для своего языка, местные власти решили формировать литературный язык бурят на халхаской основе. Буряты, кроме западных, в целом понимали халхасцев, а последние, имевшие собственную государственность, тем самым выглядели как ведущая часть монголов. И Поппе согласился с этим, в 1931 г. он писал: «Ясно, почему, когда был поднят вопрос о латинизации в Бурят-Монгольской АССР, в основу нового

литературного языка было положено именно халхаское наречие... Совершенно очевидно то громадное значение, которое уже имеет и еще будет иметь халхаское наречие, имеющее лечь в основу нового литературного языка части монгольских национальностей» [Поппе 1931б, с.6-7]. Характерны и термины, используемые в учебнике: «халхаское наречие», «бурятское наречие», объединяемые в монгольский язык.

Но спустя год в новом учебнике мы читаем совсем другое: создание бурятского литературного языка на халхаской основе «явилось одним из проявлений панмонголизма и результатом непонимания задач национально-культурного строительства и извращения национальной политики партии со стороны лингвистического отдела Государственного института культуры БМ АССР и его руководителей» [Поппе 1932г, с.VII]. Причины такой смены позиции разъясняются в другой публикации Поппе, где рассказывается о том, что принятое в январе 1931 г. постановление о халхаской основе литературного языка просуществовало лишь несколько месяцев и было отменено обкомом; вместо этого решено было создавать бурятский литературный язык на основе селенгинского диалекта [Поппе 1932д, с.23]. После этого Поппе не раз обличал идеи «о необходимости принять за основу такой язык, который был бы понятен всем монголам (на деле, конечно, эксплуататорскому классу монгольских народностей)» [Поппе 1933в, с.109-110], см. также [Поппе 1933а, с.26]. Сейчас слово «панмонголизм» ассоциируется лишь со стихами А.Блока, но тогда он считался вместе с пантюркизмом, панисламизмом и др. очень серьезным грехом. Хотя МНР и была дружественным государством, но все же иностранным, а принятие частью населения СССР языка, одинакового с языком другого государства, могло в будущем поставить, например, вопрос об изменении границ. Поэтому основа литературного языка волевым решением была изменена, что Поппе сразу поддержал. Меняются и его термины. Он постоянно говорит теперь о халха-монгольском и бурятском языках, заявляя, что если назвать их наречиями одного языка, «то позволено будет поставить вопрос, какого.

Очевидно, “общемонгольского”, являющегося фикцией, созданной формальным языкознанием» [Поппе 1933в, с.112]. А только недавно об этой «фикции» говорил и сам Поппе.

В работах этих лет Поппе иногда подвергает себя самокритике, каясь за «формально-лингвистическое» описание аларского диалекта [Поппе 1933б, с.60]. Но о своей поспешной поддержке быстро отмененного решения обкома он умалчивает. Зато много он критикует Б.Б.Барадина, считавшегося одним из главных «панмонголистов». В воспоминаниях о нем сказано кратко, но вполне корректно, он назван «очень образованным бурятом» [Рорре 1983, с.98]. Но в 30-е гг. Поппе писал о Барадине иначе, описывая его «объективно вредную роль» при латинизации [см.: Поппе 1933б, с.60–63; Поппе 1933а, с.24–25; Поппе 1933в, с.121–122]. Особенно досталось Б.Б.Барадину за «внеклассовый» подход при создании терминологии. Он, например, имел неосторожность предложить бурятский эквивалент слова *диктатура* (в том числе и пролетариата), дословно означающий «власть, держащаяся насилем» [Поппе 1933а, с.25]. Впрочем, оценка Барадина у Поппе неоднозначна: упомянуты и его заслуги и отмечено, что тот к 1933 г. уже «покаялся». Тогда Барадин еще продолжал свою деятельность, но в 1937 г. он погибнет. Сейчас его имя пользуется в Бурятии большой популярностью.

Итак, Поппе принял официальную точку зрения. Хотя он признавал, что нельзя членить язык в связи с административным делением [Поппе 1933б, с.15–16], но по сути членение монгольских языков в итоге и им проводилось именно таким образом.

Еще один эпизод, характеризующий позицию Поппе. Последняя его поездка в Бурятию в мае 1941 г. была связана с конференцией, посвященной бурятскому эпосу «Гэсэр». Он к тому времени был признан национальным эпосом бурятского народа и выдвинут на первое место среди произведений дореволюционной бурятской литературы. Поппе принял во всем этом активное участие, что признает и в воспоминаниях. Однако в своих капитальных работах 30-х гг. о бурятском фольклоре о «Гэсэре»

упомянуто лишь вскользь [Поппе 1935а, с.68]. Разгадку смены вех мы находим в воспоминаниях: «Буряты, однако, хотели собственного национального эпоса, и “Гэсэр”, в конечном счете тибетского происхождения, был провозглашен их национальным эпосом» [Рорре 1983, с.108]. Выходит, что Поппе мало писал о «Гэсэре» ввиду его неоригинальности, но когда вышел приказ выделить именно это произведение, Поппе опять-таки согласился. Аналогично в воспоминаниях он пишет и о калмыцком эпосе «Джангар», в юбилее которого в 1940 г. он также принимал участие.

Итак, Поппе в 30-е гг. выглядел как вполне советский ученый, не впадавший ни в какие «уклоны» и нередко бывавший «святое папы». Кому-то это нравилось, в том числе и наблюдателям со стороны. Стоявший на марксистских позициях ведущий французский финно-угровед О.Соважо выступил в середине 30-х гг. с анализом идейных основ советского языкознания. Отказывая учению Марра в праве именоваться марксизмом в науке о языке, О.Соважо выделял лингвистов, более, на его взгляд, приближающихся к истинному марксизму; первым среди них идет Поппе [Sauvageot 1935, с.167]. Теперь, когда известна последующая судьба Поппе, читать такое особенно любопытно.

Но были в Ленинграде ученые, не признававшие советскую власть и старавшиеся не идти на компромиссы, насколько это было возможно. Для них конформизм Поппе казался неприемлемым, а дальнейшая его биография заставляла еще больше осуждать его за двуличие. Отголоски подобных разговоров много лет спустя, но еще при жизни Поппе попали в статью ленинградца Ф.Ф.Перченка, опубликованную на русском языке в Париже под псевдонимом «Вознесенский» [Память 1980]. Статья построена исключительно на устной молве и вообще содержит немало неточностей. Краткая характеристика Поппе в ней резко негативна, наряду с реальными фактами о нем пересказываются и легенды: Поппе именуется «секретарем парторганизации Института востоковедения» [Память 1980, с.455]. Из воспоминаний видно, как болезненно переживал старый ученый эту публика-

цию, особенно ему неприятен был слух о членстве в ВКП(б). На с.283–284 воспоминаний Поппе специально привел фотокопию сохраненного им в Америке наряду с «член-коррским» удостоверением военного билета 1940 г. ради одного записанного там слова «беспартийный».

Можно установить происхождение этого слуха. Ленинградские востоковеды сохранили воспоминания о том, что Поппе возглавлял в академическом Институте востоковедения ячейку ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству). В первой половине 30-х гг. эта созданная по решению сверху общественная организация, объединявшая стоявших на советских позициях партийных и беспартийных ученых, активно помогала проводить в научных коллективах линию партии и организовывать разного рода мероприятия и кампании; в публикациях постсоветского времени принято оценивать роль ВАРНИТСО крайне негативно. В воспоминаниях Поппе о ВАРНИТСО не упоминает. Для наиболее же консервативно настроенной части ленинградских ученых не существовало разницы между партией, ВАРНИТСО или профсоюзами, поэтому кто-то мог посчитать Поппе за секретаря парторганизации. Для самого Николая Николаевича такая разница была: он не решился вступить в партию, а из воспоминаний видно, что различие между коммунистами и беспартийными он считал существенным до конца жизни.

Может быть, один раз за все 30-е гг. скрываемые взгляды Поппе чуть выглянули на свет. В 1933 г., при очередной чистке газета «За социалистическую науку» (тогда Академия наук имела свою газету) публиковала выступления беспартийных ученых на своих «партзвеньях». В то время в Институте востоковедения почти не было коммунистов среди ведущих специалистов, но в аспирантуру принимали лишь коммунистов и комсомольцев. Заведующий японским кабинетом института Н.И.Конрад озаглавил свою статью «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов» и описал, какое воздействие оказывают на него аспиранты. Но Поппе более сдержан: «Как учатся аспиранты-коммунисты? Всегда ли

они стоят на высоте? Иногда они обнаруживают честное, большевистское отношение к делу, но иногда приходится наблюдать печальные картины». Перечислив факты плохой учебы коммунистов, он возлагает вину на тех, «кто принимал в ИВ малоподготовленных и обремененных разными, мешавшими заниматься делами людей. Этим, наконец, чистка тоже должна заинтересоваться». Напоминает он и о том, «какой ожесточенной методологической критике подвергли в свое время доклады и печатные работы некоторых наших партийцев». Хотя «нижеподписавшийся весьма заинтересован в том, чтобы партийные товарищи его могли служить ему действительно авторитетным примером в этой области» [За социалистическую науку, 1933, № 16, 10 октября], но, в отличие от своего коллеги, Поппе отказывался считать аспирантов-коммунистов своими поводырями. В 1938 г. тем не менее арестуют Конрада, а не Поппе.

Все же контраст между публикациями 30-х гг. и отражением тех же или сходных событий в воспоминаниях разителен. И нельзя прямолинейно считать, что в 1933 г. Поппе думал абсолютно так же, как в 1983 г., а говорил нечто другое исключительно из страха. Конечно, в 30-е гг. он часто исходил из принципа: «С волками жить — по-волчьи выть»; если бы было не так, необъяснимым было бы его дальнейшее поведение. Но участие в борьбе за «новую науку» до определенной степени соответствовало тогдашним устремлениям Поппе. Нельзя забывать, что в те годы распределение ученых по группировкам отражало и научный водораздел: явно оппозиционные к новой власти люди обычно и в своей профессии не любили никаких новаций, а сторонники новых подходов, к которым в целом относился и Поппе, чаще оказывались среди «сочувствующих» и вступали в ВАРНИТСО. Перейдем теперь к тому, что в эти годы Поппе сделал в науке.

ТРУДЫ 30-х ГОДОВ

В 30-е гг. больше, чем когда бы то ни было, Поппе сосредоточился на монголистике. Положение единственного монголиста в академии (Б.Я.Владимирцова уже не было, С.А.Козина изберут туда позже) заставляло его всё время поддерживать репутацию ведущего монголиста, на другое уже не оставалось времени. Может быть, поэтому из всех экспедиционных материалов ему не хватило времени как раз на публикацию эвенкийских записей 1932 г.

Работ иного характера у него в те годы немного. Исследования тунгусо-маньчжурских языков ограничились двумя книгами о диалекте баргузинских эвенков и о солонском языке. Потом по результатам экспедиции 1932 г. появилась небольшая статья [Поппе 1933а], где кратко изложена история баргузинских тунгусов, а затем основная часть посвящена анализу собранных в экспедиции тунгусских родословных и сохранившихся с прошлого века «ревисских сказок» с упоминаниями этого народа. А о тюркских и финно-угорских языках Поппе вспомнил разве что в упоминавшейся статье [Поппе 1940а], чисто критической по характеру.

Зато работы по монголистике многочисленны и разнообразны. Начнем с лингвистических работ. По халха-монгольскому языку Поппе опубликовал в это время два учебника [Поппе 1931б; Поппе 1932г] и небольшую книгу [Поппе 1936б]. Оба учебника издавались Ленинградским восточным институтом им. А.С.Енукидзе. Это были первые в нашей стране стабильные учебники этого языка, лишь незадолго до этого получившего литературную норму. Раньше русские учебные и практические грамматики описывали лишь старописьменный язык. С чем связано издание двух учебников за столь короткое время? Может быть, сыграла роль «ошибочная» позиция Поппе по вопросу о бурятском литературном языке в первом учебнике, о которой мы писали в предыдущей главе. Но в то же время второй учебник примерно в три раза объемистее первого. Оба учебника предназначены как для изучения в вузе, так и для самообразования.

Увеличение объема во втором учебнике связано с добавлением учебных материалов и по старописьменному языку и с включением в его состав кратких грамматик обоих языков. Заметно отличаются книги и характером текстов: в учебнике 1931 г. преобладают тексты фольклорного характера, в учебнике же 1932 г. появляется явная тенденция к включению текстов с новым содержанием о собраниях, стенгазетах, Дне ударника и т.д. Лингвистические же концепции автора в них в основном совпадают. Хотя учебники рассчитаны на широкого читателя и потому изложение максимально упрощено, в них «автор совершенно сознательно включил... ряд чисто лингвистических вопросов и вопросов методологии языкознания» [Поппе 1932г, с. II], о чем мы поговорим ниже. Два языка в [Поппе 1932г] описаны независимо друг от друга за исключением фонетического очерка, который дан лишь для современного халха-монгольского, поскольку другой язык обычно функционировал лишь на письме; в приложении, впрочем, даны фонетические соответствия двух языков. Оба учебника снабжены словарями. Для своего времени учебники имели важное значение. Позднее сам Поппе писал о них без ложной скромности: «Потребность в более совершенных и современных пособиях вызвала появление в свет новых учебников монгольского языка. Наиболее крупный из них – учебник автора настоящей статьи» [Поппе 1937а, с. 1283]; речь конкретно идет об учебнике 1932 г.

Книга [Поппе 1936б] вышла в серии «Строй языков», организованной А.П.Рифтиным при активном участии В.Г.Адмони. Эта серия была у нас первым опытом описаний разных языков на основе более или менее единого подхода. В 30-е годы вышло 11 выпусков этой серии, авторами которых были ведущие ученые тех лет, в большинстве востоковеды. По сравнению с другими попытками того же рода, предпринимавшимися у нас позже, в 50–80-е гг., пионерская серия «Строй языков» состояла из более кратких, но, как правило, более содержательных и лингвистически интересных описаний. В объеме небольшой брошюры их авторы выделяли наиболее общие и существенные свойства языков, опреде-

ляли их место на типологической шкале. И очерк Поппе хорошо вписался в эту серию.

Наиболее подробное описание халха-монгольского языка Поппе в те годы готовил, но не успел закончить, выйдет оно уже за рубежом. Другим крупным трудом, но уже коллективным, был большой монгольско-русский словарь. Работа шла несколько лет, в основном в Ленинграде. Руководителем ее был Поппе, составляли словарь К.М.Черемисов, Г.Н.Румянцев, Б.И.Панкратов и жившие в Москве Г.Д.Санжеев и С.Д.Дылыков (последний вел и полагавшееся тогда политическое редактирование). Коллективу составителей повезло: все они намного пережили 1937 г. Но не повезло словарю: в 1940 г. работа была закончена, но текст так и не был издан. Помешала сначала война, а затем, с одной стороны, перевод монгольского языка на кириллицу, требовавший существенной переработки словаря, с другой стороны, ставшая одиозной личность Поппе. Рукопись объемом более 2000 машинописных страниц попала в МНР (в воспоминаниях Поппе неверно сказано, что она «пылится в Академии наук» (СССР. — В.А.); в 70–80-е гг. не раз ставился вопрос о ее издании, но без успеха.

Большее число публикаций Поппе посвятил бурятскому языку. Мы уже упоминали его описания бурятских диалектов по полевым материалам. После их издания встал вопрос о написании обобщающего труда. Первой работой по бурятскому языку в целом стала небольшая книга [Поппе 1933б]. В ней дана наиболее детальная для того времени классификация монгольских языков и подробная классификация бурятских диалектов, перечислены отличия бурятского от других монгольских языков. В книге также изложены история бурятских диалектов и история их изучения, дана оценка социолингвистической ситуации в Бурятии, о которой мы писали в предыдущей главе, рассмотрена бурятская письменность на латинской основе и предложена научная транскрипция. Вопросы структуры бурятского языка в книге почти не затронуты. В более кратком и еще более социологизированном виде проблемы, рассмотренные

в ней, описаны и в вышедшей в том же году книге [Поппе 1933а].

Обобщающий собственно лингвистический труд Поппе издал позже [Поппе 1938а]. Равного ему как по материалу, так и по лингвистическому уровню нет и поныне. В книгу включены данные по всем изученным самим Поппе или его предшественниками диалектам, на их основе дана сравнительная грамматика бурятских диалектов.

Наряду с работами по современным языкам (включая и описанную выше работу по дагурскому языку) у Поппе выходили и исследования по языкам письменных памятников. Хотя Поппе постоянно именовал старописьменный монгольский язык «феодальным» и «языком господствующих классов», он подчеркивал в то же время, что его «знать пока нужно» [Поппе 1932г, с. IX]: в МНР он еще употреблялся, а в китайской Внутренней Монголии оставался единственным языком культуры. Это оправдывало его занятия и этим языком, грамматические описания которого он публиковал дважды. Сначала это была краткая грамматика в упомянутом учебнике [Поппе 1932г, с. 148–190]. Затем более пространный и лишенный вынужденного для учебных целей упрощения ее вариант вышел отдельной книгой [Поппе 1937б]. В отличие от современных монгольских языков, старописьменный язык уже был к тому времени достаточно хорошо описан, особенно в России, где традиция основывалась на превосходной для своего времени грамматике [Бобровников 1849]. Поппе использовал и этот труд, и работы Б.Я.Владимирцова, но постарался сделать описание более современным, учитывающим достижения фонологии и других лингвистических дисциплин, сложившихся в XX в. Ряд явлений получил новую интерпретацию.

Если в упомянутых выше грамматиках Поппе в основном ориентировался на уже известные и изученные тексты, то в двух других монографиях он исследовал в той или иной степени отличающийся от канонического старописьменного язык ранее не изученных текстов. В течение долгого времени Поппе изучал тексты XIII–

XIV вв., записанные так называемым квадратным письмом. Это была искусственно созданная письменность, предназначавшаяся для использования всеми народами Монгольской империи. В книге дана история квадратной письменности как международного алфавита, довольно скоро, однако, вышедшего из употребления. Далее речь идет специально о монгольских памятниках этого письма. Выявлены звуковые значения знаков квадратного письма, описаны фонетические и грамматические особенности языка памятников, его отличия от старописьменного монгольского. По мнению Поппе, в основу языка памятников лег один из восточномонгольских разговорных языков [Поппе 1941а, с.17]. Впрочем, в воспоминаниях Поппе уже осторожнее и считает, что данные тексты написаны на старописьменном языке, но до некоторой степени отражают среднемонгольское разговорное произношение. Книга [1941а] имела трудную судьбу. Она вышла уже в начале войны (подписана к печати 10 июня 1941 г.), став последней публикацией Поппе на родине и на русском языке. Последующие события помешали ее известности и у нас, и за рубежом, о чем не раз с сожалением писал Поппе.

Другая книга представляет собой исследование монгольской части четырехязычного арабско-персидско-тюркско-монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб. Его рукопись нашел в начале 20-х гг. в библиотеке бухарского эмира видный узбеко-таджикский ученый и писатель Фитрат, передавший фотокопии в Ленинград. Исследование Поппе закончил еще в 1931 г., но из-за полиграфических сложностей книга [Поппе 19386] вышла много позже; уже в корректуре пришлось из нее изымать упоминания о «враге» Фитрате. Словарь содержит несколько тысяч монгольских слов в разных грамматических формах, есть и целые фразы. Рукопись датирована 1492 г., но, как выявил Поппе, оригинал монгольской части выполнен еще в XIV в. «Языковой материал словаря Мукаддимат ал-Адаб является весьма типичным образчиком обиходной речи XIII–XIV вв.» [Поппе 19386, с. 15]; среди современных языков он ближе всего к языку афганских моголов. Впервые введенный в научный

оборот памятник является самым обширным источником сведений о языке среднеазиатских монголов XIII–XIV вв.

Занимался Поппе и вопросом происхождения старописьменного языка. В большинстве работ он развивал гипотезу Б.Я.Владимирцова о том, что он сформировался на основе языка одного из монгольских племен – керейтов [Поппе 19376, с.13; Поппе 19386, с.14]. Но в последней перед войной книге он начал отходить от керейтской гипотезы, указывая, что точных данных на этот счет в науке нет [Поппе 1941а, с.9].

Немало занимался Поппе, особенно в первой половине 30-х гг., и вопросами социолингвистики и языкового строительства. О некоторых работах [Поппе 1932а; Поппе 1933в] мы писали в предыдущей главе. В них и в ряде других публикаций Поппе выступил как теоретик и пропагандист латинской письменности для монгольских языков. Еще в 1929–1930 гг. он опубликовал в сборниках «Культура и письменность Востока» серию статей об этом [Поппе 1929в,г; 1930в], предложив в них, в частности, проект нового монгольского алфавита [Поппе 1929в, с.29–34; Поппе 1930в, с.68–71]; его скорректированный вариант см. [Поппе 1932д, с.25]; также [Поппе 1932е]. Еще в 20-е гг. он разработал алфавиты и для тюркских языков Сибири – якутского [Поппе 19266] и тувинского [Поппе 19296].

Лишь одна его статья особо посвящена спорным теоретическим вопросам монгольского языкознания [Поппе 1933г]; см. еще статью о частях речи [Поппе 1940в]. Работ общелингвистического характера у Поппе никогда не было. Никогда он не отходил от конкретного материала, чаще всего монгольского. Но именно в 30-е гг. он в связи с проблемами описания строя монгольских языков больше, чем когда бы то ни было, высказывал свой взгляд на теорию языкознания.

Безусловно, Поппе находился на уровне передовой теоретической лингвистики тех лет. Классическое русское востоковедение конца прошлого века считало, что язык не представляет интереса сам по себе, а служит лишь средством познания по-настоящему ценного –

духовной культуры. Языкознание того же времени считало, что наука изучает лишь историю языков, а их синхронное описание — удел педагогов и миссионеров. Поппе, как и многим ученым его поколения, было чуждо и то и другое. Общая тенденция прогрессивного языкознания первой половины XX в. и у нас, и за рубежом заключалась в реабилитации синхронного языкознания, разработке методов изучения языковой структуры. Установление господства марризма объективно даже помогло развитию этой тенденции, хотя сам Марр как раз отстаивал неприменимый историзм. Особо ненавистное Марру традиционное сравнительно-историческое языкознание жестко искоренялось, синхронные же описания языков не были запрещены, тем более что их подготовка стимулировалась практическими потребностями: была необходима теоретическая база для создания и написания учебников. Попытки марристов вмешаться и в эту сферу вроде требований не начинать грамматики с фонетики и морфологии были эпизодическими и демонстрировали лишь непрофессионализм этих деятелей.

В те годы самой передовой областью языкознания была сложившаяся незадолго до того фонология, отделившаяся от традиционной фонетики и впервые предложившая единый для всех языков теоретический аппарат описания функциональной стороны языковых звуков. Основателем фонологии не только в отечественной, но и в мировой науке был И.А.Бодуэн де Куртенэ, идеи которого развил его ученик Л.В.Щерба. А мы помним, что в воспоминаниях Поппе упоминает Л.В.Щербу как одного из своих учителей (единственного среди невостоковедов). Могли влиять на Поппе и идеи другого выдающегося ученика И.А.Бодуэна де Куртенэ — Е.Д.Поливанова, чьи труды Николай Николаевич, несмотря ни на что, ценил. И работы Поппе показывают, что в данной области он вполне усвоил полученные знания и пошел дальше Б.Я.Владимирцова, хотя тот слушал лекции А.Мейе и других выдающихся зарубежных ученых. Анализ звукового строя в книге [Владимирцов 1929] достаточно детален и продуман, но все же его нельзя назвать строго фонологическим, фонология у него до конца не отграни-

чивается от фонетики. Такого рода описания, впрочем, есть и у Поппе, особенно в начале его деятельности. Но в книге «Строй халха-монгольского языка» [Поппе 19366, с.8–12] и особенно в бурятской грамматике [Поппе 1938а, с.9–63] мы имеем фонемный анализ, находящийся на передовом для того времени уровне. В этих трудах речь прямо идет о системах фонем, в то же время Поппе избегал этого термина при описании языков письменных памятников.

В области грамматики Поппе старался избежать, с одной стороны, полной европеизации монгольских категорий, с другой стороны, несоизмеримости описания с грамматиками языков иного строя: «Системы западно-европейских языков иные, чем система монгольского языка, и это, конечно, не только не может не отразиться на построении учебника монгольского языка, но даже должно отразиться на нем. Но... было бы безусловно неверно утверждать, что монгольский язык должен преподаваться и изучаться совершенно иначе, чем многие другие языки» [Поппе 1933г, с.52]. Достижение оптимума в этом отношении – сложная задача, редко кому удававшаяся. Поппе также решил ее не в полной мере, но уже сама постановка такой проблемы свидетельствовала о серьезности его подхода.

Поппе уточнил традиционную квалификацию монгольских языков как агглютинативных: «И если утверждается, что язык должен быть либо агглютинирующим, либо не агглютинирующим языком, мы возразим, что он и то и другое» [Поппе 1933г, с.57]. Поппе фиксировал явления флективности в этих языках, особенно в системе местоимений, которую он характеризовал как «яркое исключение» из принципа агглютинативности [Поппе 1936г, с.17]. Как и все лингвисты того времени, основной единицей грамматического анализа он считал слово, но в отличие от своих предшественников, обычно рассматривавших это понятие как заранее очевидное (что для таких языков, как монгольские, далеко не так), Поппе пытался выделить критерии вычленения слов в тексте, в частности отграничения суффиксов от послелогов [Поппе 1938а, с.181].

Во многих случаях Поппе старался отойти от европейского эталона и выявить специфику языков, которыми занимался. В частности, он отверг обычную европейскую систему речи применительно к монгольским языкам, отказываясь выделять в качестве отдельных классов прилагательные и наречия, не имеющие, как он указывал, особых свойств [Поппе 1932г, с.209–210; Поппе 19376, с.50; Поппе 1938а, с.75]. Вместо традиционной Поппе предложил более простую трехклассную систему: имя, глагол, частица; с той или иной степенью категоричности она проводится во многих его публикациях, начиная с [Поппе 19316, с.34]. Отметим, что подобная система частей речи свойственна многим лингвистическим традициям Востока, в отличие от более детальной европейской. См., впрочем, и у Поппе усложнение системы в итоговой статье [Поппе 1940в]. Заслуживают внимания и такие выделяемые Поппе типологические черты монгольских языков: «в области имени отсутствие границ между словообразованием и склонением» [Поппе 19366, с.15], «на долю синтаксиса приходится очень многое из того, что, в частности, в русском языке выражается особыми формами» [Поппе 19366, с.19], «сложное предложение принципиально не отличается от простого» [Поппе 19366, с.20]. Детален и оригинален анализ грамматических категорий. Отметим и то, что Поппе близко подходит к совсем еще редкому для науки того времени понятию морфемы [Поппе 1938а, с.70].

Менее интересен у Поппе анализ лексики и семантики, хотя и здесь у него встречаются попытки выявить типологические характеристики: «Отсутствие слов с общим значением, роль каковых выполняют комбинации слов с частными значениями» [Поппе 19366, с.13]. Но этот недостаток — общее свойство языкознания тех лет: новые подходы завоевывали место в фонологии и грамматике, а их формированию в семантике, особенно лексической, еще не пришло время. В целом же лингвистическую концепцию Поппе, пусть сформулированную недостаточно эксплицитно, можно охарактеризовать как раннеструктуралистскую. Многие его идеи и сейчас представляют интерес не только для монголистов.

Лингвистическое исследование старомонгольских памятников тесно соприкасалось с филологическим. И книга, посвященная словарю Мукаддимат ал-Адаб, и книга о квадратной письменности содержали не только анализ языка и письменности, но и издание самих текстов с русским переводом (из словаря издана лишь монгольская часть, из памятников квадратного письма — 13 текстов). Были и целиком филологические публикации. Так, в 1930 г. при рытье ямы на территории 6.Республики немцев Поволжья нашли монгольскую рукопись на бересте времен Золотой орды. Текст, очень плохо сохранившийся, частично восстановил Ц.Ж.Жамцарано, а после его ареста рукопись попала к Поппе, успевшему ее издать перед войной [Поппе 1941б]; имя Жамцарано, естественно, не могло быть упомянуто. Еще с 20-х гг. Поппе немало занимался в Азиатском музее, а затем в Институте востоковедения описанием и публикацией материалов монгольских фондов; см. в частности статью [Поппе 1932а], целиком посвященную описанию хранившихся там шаманских рукописей.

Значительную часть коллекции составляли поступившие в Азиатский музей вскоре после прихода туда Поппе материалы, собранные умершим в 1920 г. известным монголистом А.М.Позднеевым. Поппе, в целом в воспоминаниях следующий принципу «о мертвых — ничего или хорошо», прямо отвергает его применительно к этому ученому, характеризуя его как плодовитого, но слабого монголиста, плагиатора и похитителя ценностей во время экспедиций; его коллекция, по словам Поппе, собиралась нечестным образом. Мы не знаем, насколько справедливы обвинения А.М.Позднеева в воровстве и плагиате, но несомненно, что он был достаточно серьезным ученым, внесшим большой вклад в монголистику, хотя для Б.Я.Владимирцова и Поппе его работы были уже сильно устаревшими. Видна явная неприязнь Поппе к А.М.Позднееву, которого он лично не знал; скорее всего, она перешла к нему от учителя. Б.Я.Владимирцов в ранние свои годы немало спорил с А.М.Позднеевым, а ученик последнего С.А.Козин был в 30-е гг. единственным реальным конкурентом Поппе в монголистике.

Поппе, давая уничтожающую характеристику Позднееву, осторожен в характеристиках С.А.Козина, но и к нему его отношение явно сдержанно, а его комментарии и словарь к «Сокровенному сказанию» прямо названы «неудовлетворительными».

Среди рукописей, хранившихся в Институте востоковедения, были и сочинения исторического характера. Особое место среди них занимали написанные уже в XIX в. на старописьменном монгольском и русском языках бурятские летописи. Эти памятники до 30-х гг. были неизучены и неизвестны монголистам. Работу по их изданию Поппе проделал при участии А.И.Вострикова и В.А.Казакевича. В 1935 г. Поппе и А.И.Востриков издали «Летопись баргузинских бурят», написанную в 1887 г. [Востриков, Поппе 1935]. Эта летопись, в отличие от других, частично дошла до нас по-русски; русский текст, как доказал Поппе, также представляет собой перевод с монгольского. Подготовка монгольского текста и комментарии выполнены Поппе, подготовка русского текста и введение с историческим очерком – Востриковым. В следующем году уже один Поппе издал оставшийся единственным первый том «Летописей селенгинских бурят», содержащий хронику Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. из коллекции А.М.Позднеева. Из летописей хоринских бурят первый выпуск опубликовал в 1935 г. В.А.Казакевич под редакцией и с предисловием Поппе, а второй выпуск перед войной – уже сам Поппе [Поппе 1940б]. Последний выпуск представлял собой перевод на русский язык хроник Тугулдур Тобоева (1863) и Вандана Юмсунова (1875).

В предисловии и комментариях к данному изданию, как и в ряде других работ, посвященных бурятам, Поппе затрагивает и вопросы истории этого народа, главным образом в XVIII–XIX вв. Аналогичная тематика исследуется и в упомянутой выше статье о баргузинских тунгусах. Поппе был специалистом комплексного типа и затрагивал разные стороны культуры изучавшихся народов; к тому же и приходилось касаться самых разных проблем в связи с нехваткой специалистов. Тем не менее, чисто исторических публикаций у Поппе практически

нет, кроме лишь [Поппе 1936г]. Считая себя филологом, а не историком, он явно избегал этой тематики и затрагивал ее лишь в случаях крайней необходимости. В исторических вопросах он в основном следовал концепциям Б.Я.Владимирцова, от которого был достаточно независим в языкознании и филологии.

Последнюю группу работ Поппе 30-х гг. составляют литературоведческие, прежде всего фольклористические. Этот круг проблем, в отличие от истории, привлекал его большое внимание, и здесь он также находился на высоком для своего времени научном уровне.

Как и в отношении языка, здесь значительную часть его публикаций составляют издания текстов, либо собранных им самим в экспедициях, либо находящихся в собраниях, прежде всего Института востоковедения. Такова была его книга [Поппе 1934б], представляющая собой результат экспедиции 1931 г. к селенгинским бурятам; в нее вошли 154 текста. Другая книга [Поппе 1936а] включила в себя аналогичные записи бурятского фольклора, полученные в экспедициях 1928, 1930 и 1932 гг.

Наряду с публикациями такого рода выходили и исследовательские работы. Две статьи в сборниках «Советский фольклор» посвящены фольклору бурят и основаны на данных экспедиций. Первая из них [Поппе 1934а] касается современного состояния бурятского фольклора, в ней отмечается постепенное исчезновение эпической поэзии и сказки и преобладание в современном быту песен и частушек. Статья принадлежит к числу наиболее связанных со стереотипами эпохи публикаций Поппе (в «Избранное» в библиографии к воспоминаниям он не включил ни эту, ни следующую, гораздо более интересную, статьи). Вторая статья [Поппе 1935а] дает краткий очерк истории бурятского фольклора по жанрам: шаманский фольклор, героический эпос, сказки, исторические предания, традиционные песни, современные песни и частушки. В статье отмечено, что буряты более всего из монгольских народов сохранили фольклор ранних стадий: эпос и шаманский фольклор [Поппе 1935а, с.52]. Особенно высока его оценка бурятского

героического эпоса: «Из всех старых видов устного творчества бурят-монголов героический эпос составил бурят-монгольскому фольклору заслуженную славу наиболее богатого и высокоразвитого среди фольклоров монгольских народностей» [Поппе 1935а, с.57]. См. также статьи [Поппе 1934в] с краткой характеристикой устного творчества монгольских народов и обзором его изучения и статью [Поппе 1935б].

Крупнейшей работой Поппе в области фольклористики стала капитальная монография [Поппе 1937в], посвященная халха-монгольскому эпосу, начиная от знаменитого памятника XIII в. «Сокровенное сказание». Поппе в целом отверг подход Б.Я.Владимирцова, считавшего его историческим сочинением, и в основном согласился с В.В.Бартольдом, видевшим в нем героико-эпическое произведение. Поппе отметил сборный характер «Сокровенного сказания», которое «состоит из родословных и отрывков героического эпоса, с одной стороны, и некоторых исторических свидетельств — с другой» [Поппе 1937в, с.8]. Анализируется центральная фигура «Сокровенного сказания» — Чингис-хан, при этом Поппе пишет о нем достаточно сочувственно и называет «крупной личностью» [Поппе 1937в, с.5]. В книге рассмотрена эволюция монгольского эпоса в связи с эволюцией общества. Поппе опирается при этом на известную концепцию монгольского феодализма своего учителя Б.Я.Владимирцова (пойдя во многом дальше его в филологических дисциплинах и особенно в лингвистике, Поппе не пытался с ним соревноваться в области истории). Отмечено развитие эпического жанра в эпоху феодальных войн, до XVII в., после чего началась постепенная деградация его. Рассмотрены исторические корни монгольского эпоса, проблема авторства, дано сопоставление халха-монгольского эпоса с эпосом других монгольских народов (книга все же не подтверждает тезис того же Поппе о превосходстве эпоса бурят над эпосом других монгольских народов). В соответствии с господствовавшей в СССР точкой зрения много места уделено выявлению классовой принадлежности тех или иных произведений.

Наряду со всей этой традиционной для востоковедения проблематикой в книге, в отличие от многих других подобного рода исследований, содержится и анализ поэтики халха-монгольского героического эпоса, занимающий половину книги [с.74–125]. Поппе рассматривает структуру и сюжеты изучаемых произведений, выделяя их более или менее законченные части («туры», по его терминологии), и, выводя сюжетные формулы, дает типологию фольклорных персонажей, выделяет общие места и клише, переходящие из одного текста в другой, выявляет функции поэтических и прозаических частей эпических сочинений и, наконец, анализирует монгольское стихосложение. По его мнению, «самой главной и постоянной чертой стиха является аллитерация. Размер стиха – хорейский с каталектикой, обнаруживающей разные отклонения» [Поппе 1937в, с.123].

Итак, и в фольклористике Поппе показывал себя вполне передовым ученым, не ограничивавшимся привычной филологической и культурно-исторической тематикой и изучавшим тексты как литературные произведения. В воспоминаниях Поппе пишет, что и почти полвека спустя книга остается полезной, несмотря на появление многих новых материалов.

Литература монгольских народов изучалась им не полностью. Его внимание привлекали фольклор от шаманских заклинаний до «колхозной поэзии» и письменные произведения, связанные с фольклорной традицией. Чисто книжная, особенно ламаистская литература им не изучалась, видимо, вынужденно. Но не писал он и о уже сложившейся к 30-м гг. литературе профессиональных монгольских и бурятских писателей. Статья Поппе «Монгольская литература» в 7 томе незаконченной «Литературной энциклопедии» (1934) состоит из очерка фольклора и традиционной литературы, а затем указано: «Новая монгольская литература – см. дополнительный том»; том этот так и не вышел.

Трудами 30-х гг. Поппе подтвердил и укрепил сложившуюся ранее репутацию востоковеда мирового уровня. К 1941 г. ему не было 44 лет, а число публикаций превысило полторы сотни. И вдруг восьмилетний за од-

ним исключением провал в библиографии, а затем публикации появятся вновь, но среди них не будет ни одной (не считая репринтов) на русском языке.

НА ТУ СТОРОНУ

1941–1949 гг. – важнейшие и переломные в судьбе Поппе. Кончилась одна его жизнь и началась другая, тем не менее об этих годах мы знаем хуже всего. Документами мы не располагаем. Существуют устные рассказы, но проверить их трудно, и немало в них легендарного. Основной источник, которым мы будем пользоваться, – воспоминания самого Поппе, но их достоверность именно в этой части вызывает наибольшие сомнения. Живя в США, Поппе сталкивался с обвинениями в коллаборационизме куда больше, чем в принадлежности к ВКП(б), поэтому воспоминания об этих годах особенно связаны с самооправданием. А скорректировать воспоминания на основании других публикаций самого Поппе, как это мы делали для 30-х гг., здесь невозможно.

22 июня 1941 г. застало Поппе в Ленинграде. Его жена и сыновья за неделю до этого уехали в Кисловодск, самого Николая Николаевича задержали дела. Поппе описывает реакцию на начало войны двух видных ленинградских академиков-востоковедов. В.М.Алексеев говорил: «Разве это не ужасно? Что нам делать? Немцы действительно могут завоевать нас. Советы лучше уже потому, что мы знаем, как вести себя с ними. А знаем ли мы немцев? Будем ли мы в состоянии продолжать работу при них?» [Рорре 1983, р.153–154]. А вот мнение В.В.Струве: «Советы далеки от идеала, но я уверен, что немцы проиграют войну. Так как я никогда не ставлю на проигравшего, то думаю, что нам нужно искренне сотрудничать с Советской властью до самого конца» [Рорре 1983, р.154]. В.М.Алексеев и В.В.Струве, как известно, до конца жизни оставались в СССР. Поппе же, если верить его воспоминаниям, уже тогда думал о том, что потом осуществилось: «Я предпочитал временно при-

соединиться к немцам, отступив с ними в Германию, чтобы эмигрировать в Великобританию или США. Но тогда у меня не было ни малейшей идеи о том, как это осуществить» [Рорре 1983, р.154].

Но пока что надо было выбираться из Ленинграда. Поппе боялся не столько приближения фронта, хотя к июлю немцы уже находились под Лугой. Страшился он прежде всего ареста. Уже в первый месяц войны в Ленинграде арестовывали тех, кто бывал в заключении раньше; среди них были один из учителей Поппе А.В.Бурдуков и сотрудник Института востоковедения С.М.Волин. Поппе никогда не находился под стражей, но в 1927 г. его вызывали в ОГПУ для дачи показаний. Боялся он и своего происхождения, хотя и числился русским по паспорту. Еще нагоняли страх два вызова в военкомат, во время одного из которых Поппе спрашивали о знании редкого финского языка. Хотя члены-корреспонденты имели бронь, но можно было опасаться и неожиданной мобилизации.

Однако Академия наук уже начала готовиться к эвакуации. Поппе как монголист был направлен в Элисту, что было ему выгодно и потому, что Элиста недалеко от Кисловодска, где жила его семья. О том, что фронт подойдет до Кавказа, тогда, конечно, думать было невозможно. 18 июля 1941 г., за полтора месяца до начала блокады, Поппе покинул Ленинград, как оказалось, навсегда. В этом городе оставались его мать и сестра. Обе пережили войну, но Поппе никогда их не увидит.

Сложным водным путем, через Неву, Свирь, Мариинскую систему и Волгу (Москва была закрыта), Поппе месяц добирался до Элисты, куда затем перевез из Кисловодска семью. В Элисте он прожил чуть меньше года. Там он преподавал курсы по монголистике и русскому языку в пединституте и работал в научно-исследовательском институте, директором которого был Иван Кузнецович Илишкин, который так характеризует Поппе: «калмык-коммунист, бывший хорошим и честным человеком» [Рорре 1983, р.156]; японский переводчик передал это место чуть иначе: «коммунист и калмык, но

хороший и честный человек» [Поппэ 1990, с.202], что вполне соответствует духу воспоминаний Поппе.

В Элисте, безусловно, ценили Поппе как выдающегося монголиста, хотя калмыцкими проблемами он занимался куда меньше, чем монгольскими или бурятскими. Сыграл ли этот год какую-нибудь роль в его научной деятельности, Поппе не пишет; в воспоминаниях он в основном рассказывает о бытовых тяготах, бездушии местных властей, аресте преподавателя военного дела в институте и т.д.

В конце июля 1942 г., когда немецкая армия уже начала приближаться к Кавказу, Поппе с семьей внезапно покинул Элисту и отправился в Микоян-Шахар (ныне Карачаевск), куда его пригласил местный пединститут. Поппе это объясняет тем, что вся его семья любила Кавказ и особенно Кисловодск, расположенный неподалеку от Микоян-Шахара. Но возможно, Поппе уже рассчитывал осуществить свой план перехода на немецкую сторону; впрочем, Элиста и Микоян-Шахар были оккупированы гитлеровцами почти одновременно. На новом месте Поппе встретили хорошо, и жизнь поначалу была мирной, но фронт уже приближался. Началась мобилизация, которой подлежал и старший сын Поппе, 16-летний Валерьян. Но до него очередь не успела дойти: пришлось приступить к эвакуации. Эвакуировались лишь немногие: по словам Поппе, уезжавшие из города местные руководители не взяли его как беспартийного. Во всяком случае, Поппе остался в городе в ожидании гитлеровцев, считая, что он, как немец по происхождению и не коммунист, может их не бояться. Наконец, 49-й корпус немецкой армии вошел в Микоян-Шахар. Этим Поппе заканчивает одну из глав воспоминаний, она завершается фразой: «Новая жизнь лежала перед нами» [Рорре 1983, р.162]. Через несколько дней после 45-летия Николай Николаевич Поппе навсегда потерял отчество и превратился в Николаса.

Поппе, разумеется, осуждает нацизм и упоминает о злодеяниях гитлеровцев, в частности о том, что они вскоре после занятия Микоян-Шахара уничтожили многочисленных оставшихся в городе евреев. Но оправ-

дывая свою тогдашнюю позицию, он всячески подчеркивает, что эта сторона была все же предпочтительней. Он упоминает, что после паники при бегстве коммунистов, жители Микоян-Шахара, особенно карачаевцы, только и мечтали об избавлении от советской власти и лояльно отнеслись к немцам, считая их меньшим злом. Кстати, версия о полном переходе карачаевцев на немецкую сторону, ставшая в 1944 г. главным обоснованием выселения этого народа, получает неожиданную поддержку в воспоминаниях Поппе; разумеется, он дает этому положительную оценку. Даже говоря об истреблении евреев, он больше пишет не о нацистах, а о выдавших им этих евреев местных жителей, отмечая, что традиционный для России антисемитизм усилился после революции, поскольку среди большевиков было много евреев. Так что даже гитлеровские злодеяния – для него повод еще раз задеть гораздо более не любимых Поппе коммунистов.

Прекрасно говоривший по-немецки Поппе быстро установил контакты с немецкими офицерами, один из которых, капитан Вальтер Кёниг, неожиданно оказался его дальним родственником. В СССР Поппе числился русским, но теперь он был признан стопроцентным немцем.

Еще полгода Поппе оставался на Северном Кавказе. Среди мест, где он бывал за это время, упоминаются Пятигорск, Кисловодск, Теберда, затем Нальчик, где семья Поппе жила с ноября по январь. Он не отрицает своей службы у гитлеровцев, но точный ее характер и занимаемые должности остаются неясными. Говорится о функциях переводчика, но даже из упомянутого в воспоминаниях кое-что выходит за эти рамки. Нам в 60–70-е гг. приходилось слышать от советских востоковедов о том, что Поппе был консультантом оккупационной администрации по вопросам коренных народов Кавказа. Это похоже на правду. Говорят также, что он занимался вывозом в Германию культурных ценностей.

В воспоминаниях Поппе подчеркивает, что ему удалось благодаря своей службе помогать людям и спасать их от гитлеровцев. То он предотвратил поиски евреев среди детей-пациентов туберкулезного санатория в Теберде, не так переведя приказ немецкого офицера, то он

спас целый народ – татов (горских евреев), дав справку о том, что они – иудеи по религии, но не евреи по крови и не подлежат уничтожению. В последнем случае неясно, идет ли речь о каких-то конкретных, видимо, немногочисленных татах на оккупированной территории или же о будущей политике Германии в основных районах расселения этого народа. Спасителем татов все же следует считать не Поппе, а Советскую Армию, не пропустившую гитлеровцев в эти районы. Впрочем, о случаях спасения Поппе людей есть свидетельства и с другой стороны. В Нальчике работал давно знакомый Поппе тюрколог В.И.Филоненко, отказавшийся сотрудничать с нацистами. Говорят, что от больших неприятностей его избавил именно Поппе, посоветовавший своим хозяевам его не трогать. В.И.Филоненко продолжал деятельность в Нальчике и после войны.

Многих фактов о Поппе мы не знаем. Не знаем мы и о конкретной работе его старшего сына Валерьяна, также поступившего на немецкую службу. Не беремся определять меру их ответственности за то, что делали оккупанты на Северном Кавказе. Но тем не менее факт остается фактом: Поппе перешел на сторону противника, причем столь бесчеловечного, как гитлеровская Германия. В воспоминаниях он всячески старается оправдаться тем, что из двух зол выбрал меньшее. Даже рассказывая об оккупационном режиме на Кавказе, он лишь вскользь упоминает о его преступлениях (и здесь, и в рассказе о последующих событиях сводя их почти исключительно к еврейской теме), но подробно говорит о раскрытых в период оккупации массовых расстрелах, осуществленных НКВД.

Был ли у Поппе выбор? Сам он подчеркивает, что выбора по существу не было: эвакуироваться он не мог, а в случае восстановления советской власти пострадал бы как «находившийся на оккупированной территории». Но и люди в его ситуации вели себя по-разному. Вспомним того же В.И.Филоненко или жившего в Кисловодске видного петрографа В.Н.Лодочникова. Последний был известен своей «старорежимностью» и в советское время продолжал появляться перед студентами в дорево-

люционной форме горного инженера. Все удивлялись, как его не посадили, но преподавать он перестал задолго до войны. Тем не менее В.Н.Лодочников отказался от сотрудничества с оккупантами в любой форме, бедствовал и умер от голода и холода за несколько дней до прихода Советской Армии. Репутация его была спасена, статьи о Лодочникове есть и во втором (1954), и в третьем (1973) изданиях Большой советской энциклопедии (Поппе там, естественно, нет), но жизнь его оборвалась. Поппе спас жизнь, получил в конечном итоге возможность еще долго заниматься наукой, но пятно на его репутации осталось навсегда, хотя с годами на Западе вспоминали о нем все меньше.

Поппе нигде не пишет о том, что на службу к нацистам он пошел под каким-либо давлением. Решение Поппе несомненно принял сам. Помимо других причин, надо учитывать и его национальность и воспитание. Немецкие культура и язык были для него родными, и он мог надеяться на то, что в Германии он сможет (хотя ранее он не бывал в этой стране) чувствовать себя как дома. Судя по воспоминаниям, это ему в основном удалось.

Вскоре после Нового года началась эвакуация гитлеровских войск с Северного Кавказа. Теперь уже у семьи Поппе мог быть лишь один вариант действий. С женой, младшим сыном и собакой Джонни (старший сын служил в другом месте) Поппе выехал из Нальчика. Предстоял долгий путь в эшелонах с пересадками и долгими стоянками. Джонни, сопровождавший семью во всех скитаниях с 1941 г., на одной из стоянок пропал. Эшелоны не раз бомбила та армия, которой Поппе помогал еще недавно (вспомним его консультации для офицеров Генштаба). Жена Поппе уже была тяжело больна (рассеянный склероз). Около трех месяцев семья добиралась до Львова, тогда именовавшегося Лембергом.

Там всё резко переменялось. Профессора с семьей поселили в хорошем отеле, вскоре его самолетом отправили в Берлин (жена и сын некоторое время еще оставались во Львове). Шефство над ними взяла организация, помогавшая этническим немцам, эвакуированным из других стран.

В Берлине сразу по прибытии, в апреле 1943 г. Поппе начал работать в Институте Ваннзее, расположенном в живописном лесном и озерном юго-западном пригороде Берлина с таким названием. Поппе признает, что институт входил в состав разведки СС, подчиняясь таким достаточно известным личностям, как Кальтенбруннер и Шелленберг. Институт, возглавлявшийся неким Ахметели, членом национал-социалистической партии, в основном комплектовался из эмигрантов разных поколений. Задачей института был сбор информации о советской экономике, политике и культуре, главным образом относительно нерусских регионов СССР. Поппе не забывает оговорить, что институт работал лишь по открытым источникам, не используя агентурные и прочие секретные данные, и не был связан с гестапо и другими наиболее одиозными ветвями СС. Поппе в институте готовил данные по народам Сибири и различным проблемам сибирского региона вплоть до природных ресурсов.

На новых хозяев Поппе работал так же старательно, как и на старых, также не питая к ним особо теплых чувств. Но в Берлине жить поначалу ему было хорошо, особенно после тягот двух предшествующих лет. В июне 1943 г. вслед за другими членами семьи в Берлин приехал и старший сын Валерьян. Семья жила сначала в отеле, затем получила квартиру, в которой, по словам Поппе, он и не мечтал бы жить в Ленинграде. Поппе установил связь с германскими родственниками, восстановил отношения с друзьями детства и юности, эмигрировавшими после революции, из числа русских немцев; среди них была и будущая его вторая жена. Вошел он и в круг немецких ученых по своей специальности, с некоторыми он познакомился еще в Ленинграде. Среди них были виднейший монголист, автор реконструкции «Сокровенного сказания» Э.Хениш (по словам Поппе, поклонник императора Вильгельма, не любивший Гитлера), А. фон Габен и др.; познакомился Поппе со стажировавшимся в Германии японским ученым С.Мураямой. По совместительству Поппе преподавал в Берлинском университете, где, кроме всего прочего, после долгого перерыва смог читать курс алтаистики. Не бросал он и

научную работу: продолжал писать большую халха-монгольскую грамматику, подготовил и издал сокращенный вариант исследования о квадратной письменности [Poppe 1944], это была единственная его осуществившаяся публикация за восемь лет.

В СССР в 1943 г. еще не знали, где Поппе: многих тогда война раскидала неизвестно куда. И в сентябре этого года он выдвигался в академики на очередных академических выборах. Впрочем, он не прошел. Выбрали его конкурента С.А.Козина.

По словам Поппе, он уже тогда знал, что Германия войну проиграет. Разговоры такого рода уже были распространены в Берлине. Одна его знакомая, имевшая такие же взгляды, пыталась устроить по этому поводу Поппе встречу с Геббельсом. Поппе не сожалел, что встреча не состоялась.

Мешало жить в нацистском Берлине ему лишь одно – ежедневные бомбежки. Поппе осуждает США и Англию за бесчеловечность к мирным жителям, вспоминая, что американцы позже делали то же во Вьетнаме. 21 ноября 1943 г. при бомбардировке дом Поппе сгорел, он едва успел вывести больную жену и выйти сам. Институт Ваннзее эвакуировался в замок Планкенварт в Австрии, где жить оказалось неудобно. Поппе в начале 1944 г. вернулся в Берлин и перешел в Восточный институт, занимавшийся тем же, что Институт Ваннзее, но не по СССР, а по странам Дальнего Востока, включая Монголию. Там Поппе написал книгу о МНР. Она прошла стадию корректуры, но из-за краха гитлеризма не вышла.

Не увидела свет и другая книга Поппе – халха-монгольская грамматика. В библиотеке университета в Беллингхеме сохранилась ее переплетенная в виде тома корректура с правкой Поппе. Текст почти идентичен появившемуся позже изданию [Poppe 1951a], лишь название чуть иное: *Grammatik der Khalkha-Mongolische Sprache* и стоят иные выходные данные – Лейпциг, 1944.

Летом 1944 г. Восточный институт эвакуировался в Марианске Лазне (тогда Мариенбад) в Западной Чехии. Недалеко, в Карловых Варах (Карлсбаде) нахо-

дился штаб А.А.Власова. Поппе познакомился с ним и его людьми, хотя в воспоминаниях отрицает какое-либо участие в их деятельности. Он оценивает Власова очень положительно и с сочувствием описывает его планы переустройства России, признавая, впрочем, их нереальность.

Валерьян в декабре 1944 г. был мобилизован. Так и не служив в Красной Армии, он побывал в вермахте. Участвовав лишь в одном бою, он попал во французский плен. Сам же Николас Поппе встретил 6 мая 1945 г. в Мариенбаде вступление американских войск.

Судьба всегда щадила Поппе и до войны, и во время ее. Пощадила она его и здесь. Мариенбад оказался в той части Чехии, которую освободила не советская, а американская армия. Но все равно Поппе с женой и младшим сыном постарались немедленно покинуть чешскую территорию и уйти подальше на запад. Больше всего они боялись попасть на территорию, контролируемую советскими войсками. Но и от американцев приходилось скрываться, поскольку они могли передать их союзникам. Жена Поппе передвигаться уже не могла, поэтому ее пришлось оставить на попечение друзей, а отец с сыном ушли с толпой беженцев. Через Бамберг и Франкфурт удалось добраться до Касселя. Самое страшное было позади.

Но все равно период с 1945 по 1949 г. был едва ли не самым неприятным для Поппе. О научной или преподавательской работе в разрушенной Германии, где к тому же действовали законы о денацификации, помышлять было нельзя. Не было ни работы, ни заработка, ни постоянного местожительства. Поппе жил то у немецких родственников, то в лагерях для перемещенных лиц (одно время в эстонском лагере, куда попал благодаря прекрасному знанию финского языка, близкого к эстонскому), то в резиденциях американской и английской разведки, время от времени использовавших Поппе для консультаций (для людей с биографией Поппе такая связь не была редкостью). Приходилось спасаться от советских органов, к тому времени уже знавших его судьбу; однажды его пытались похитить, но судьба опять

благоволила к Поппе: советские представители искали его под видом передачи письма от сестры, но явились по адресу, где Поппе уже не жил, а его нового адреса там не знали. Надо было заботиться о жене, медленно угасавшей в клиниках, и устраивать жизнь сыновей (Валерьян вернулся из плена довольно скоро). Оба сына некоторое время учились в Германии, но затем им удалось переехать в Англию. Больше Поппе никогда не будет жить с ними вместе.

Как уже говорилось, Поппе в те годы работал уже на третьих своих хозяев – американцев и англичан. Конкретные его функции опять-таки установить из воспоминаний трудно. Но некоторые эпизоды в них есть. Так, в 1947 г. он встречался с американским конгрессменом, попросившим у него консультацию по китайским делам. Поппе дал ему неутешительный для США прогноз, впоследствии подтвердившийся. В воспоминаниях Поппе сопоставляет американских и английских разведчиков, явно отдавая предпочтение последним. Все-таки он был по духу европейцем и американцев всегда недолюбливал.

Все эти годы Поппе хлопотал о выдаче разрешения на переезд в США или Великобританию. Давно с ним знакомый выдающийся алтаист К. Менгес, тогда работавший в США, активно взялся ему помогать. Но процедура затянулась. Имело место и активное противодействие переезду Поппе. Ведущий американский монголист О. Латимор, человек довольно левых взглядов и убежденный антифашист, активно выступал против ввиду коллаборационизма Поппе. Попытка устроиться в Гарвардском университете не удалась. Лишь в начале 1949 г., наконец, с помощью К. Менгеса удалось получить приглашение из университета штата Вашингтон в Сиэтле, на севере Тихоокеанского побережья США. Это был не лучший американский университет, не имевший каких-либо традиций в монголистике или алтаистике, но выбора не было.

Поппе начал готовиться к переезду. Как раз в это время, в конце марта 1949 г., он похоронил в Германии жену. Теперь он остался совсем один. 14 мая 1949 г. на американском военном самолете Поппе вылетел в США.

Начиналась новая жизнь. Времени, как оказалось, ему было отпущено еще много. Жизнь, начавшаяся на западном берегу Тихого океана, теперь вступала в завершающий этап на его восточном берегу. Но в Сиэтле в конечном итоге он прожил дольше, чем в городе на Неве.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Последние 42 года жизни Поппе наименее богаты событиями. Всё это время он прожил в Сиэтле, время от времени покидая этот город для поездок по США или за рубеж, иногда длительных, до нескольких месяцев. Почти пополам этот период делится 1968 г., когда Поппе, на несколько лет превысив обычный для США предельный возраст профессора, вышел в отставку. До 1968 г. он был профессором университета штата Вашингтон, ведя там монголистику и время от времени ряд других курсов вплоть до славистики. После 1968 г. он жил на покое, продолжая в то же время вести научную работу почти до самого конца. В новой жизни появилась и новая семья. В 1952 г. Поппе женился на знакомой ему с детства Эдит Циглер, дочери сослуживца его отца по российскому Министерству иностранных дел, покинувшей Россию еще в 1920 г. Второй брак, хотя молодоженам было уже за пятьдесят, оказался для Поппе даже на два года более продолжительным, чем первый. Но ему было суждено пережить и Эдит, скончавшуюся в 1979 г. Сыновья были далеко. Старший сын Валерьян стал геологом, работал в Ирландии, затем в Канаде, умер он сравнительно молодым от рака в 1978 г. Младший сын, также превратившийся в Николаса, первоначально собирался идти по стопам отца и получил в Лондонском университете востоковедное образование как тюрколог, но затем ему пришлось переквалифицироваться в слависта и преподавать русский язык в университетах США и Канады. В 70-х гг. он переехал в Ванкувер, находящийся хотя и в Канаде, но совсем близко от Сиэтла, и часто стал встречаться с отцом. У него есть публикации по тюрк-

ским заимствованиям в русском языке, но они заметно уступают работам отца. Сейчас младший Николас Поппе — единственный из членов семьи, оставшийся в живых.

Вернемся в 1949 г. Поначалу у Поппе было немало трудностей. Сам он после непродолжительной работы в Берлинском университете шесть лет не преподавал и отвык от такой работы, а тут сразу ему надо было готовить пять монголистических и два славистических курса. Поппе пришлось столкнуться с системой образования, резко отличной от привычной ему русской и советской: студенты, имевшие право в школе свободно выбирать предметы, приходили в университет, не зная элементарных вещей, которые обязаны были учить гимназисты или советские школьники (после успехов СССР в космосе в США начнут приближать свою систему образования к советской, теперь времена изменились и, наоборот, мы американизируем учебный процесс). Многие студенты совершенно искренне не понимали, зачем при изучении монгольского языка нужно овладевать произношением, или спрашивали, нельзя ли выучить этот язык без грамматики. В США, как отмечает Поппе, вообще лишь после первой мировой войны началось активное преподавание иностранных языков, а привычка не интересоваться никакими языками, кроме английского, чуть ли не национальная черта американцев. Тем более трудно было наладить учебный курс в провинциальном университете, где первоначально не было никакой литературы. Поппе связался из-за этого с монголистами ряда стран. Он успел восстановить контакты с патриархом мировой алтаистики Г.Рамstedтом, от которого в начале 1950 г. получил теплое письмо, оказавшееся последним: в ноябре того же года Г.Рамstedт умер.

Стараниями Поппе университет штата Вашингтон стал одним из центров монголистики и алтаистики в США. Среди его учеников некоторые стали заметными специалистами: Дж.Р.Крюгер, Дж.Э.Воссон, Р.Э.Рупен и др., подготовил он и японских (Х.Окада) и тайваньских ученых. В университете работали и лингвисты, не бывшие его учениками, но занимавшиеся близкой проб-

лематикой, прежде всего ведущий американский японист Р.Э.Миллер, предложивший одну из алтайских реконструкций [Miller 1971]; он работал в Сиэтле уже после отставки Поппе, с конца 60-х по конец 80-х гг., и много с ним общался.

Из воспоминаний видно, что Поппе не был до конца удовлетворен и работой в США. Его раздражали невоспитанность и невежество многих студентов и преподавателей. Даже некоторые профессора, как отмечает Поппе, пишут с грамматическими ошибками. Он ощущал, что культурные традиции в Европе и в СССР значительно выше. По мнению Поппе, в американских университетах при полной политической свободе нехватает академической свободы: преподаватели не могут выбирать себе научный метод. Господство той или иной навязываемой концепции, например хомскианства в лингвистике, в университетах США Поппе сравнивает с господством марксизма-ленинизма в университетах СССР.

Безусловно, попавший в США в 52 года Поппе так и не стал настоящим американцем. Люди, его знавшие, это подтверждают. Отмечают, что английский язык так и не стал ему родным и он до конца жизни говорил на нем с акцентом (дома со второй женой он говорил на немецком языке). Как мы уже отмечали, самые солидные работы он и в 50–60-е гг. предпочитал издавать в ФРГ по-немецки. По-английски он писал свободно, но важная книга [Рорре 1965а] была, по словам Х.Г.Шварца, переведена им с немецкого. В воспоминаниях он отдает должное американской политической системе, высокому уровню жизни и честности американцев, но все же многое в этих людях его раздражает. Поппе безусловно во всех отношениях ставил американскую систему выше советской, но одно он находил общее между СССР и США: мессианизм, «желание сделать счастливыми другие страны... даже если они не знают ничего об этих странах... Американцы хотят, чтобы все радовались жизни в американском духе: кока-кола, жевательная резинка, телевидение и футбол» [Рорре 1983, р.197]. Европейская культура была для Поппе гораздо ближе, поэтому он старался, когда для этого появились возможности,

чаще ездить в Европу. Ездить он, впрочем, мог только во время каникул: за 19 лет службы только раз он мог надолго покинуть Сиэтл в учебное время, когда в феврале—мае 1961 г. его пригласили в качестве профессора-гостя в Колумбийский университет в Нью-Йорке.

Учебная нагрузка в Сиэтле оказалась очень велика и намного превосходила соответствующую нагрузку в Ленинграде (даже с учетом того, что там большую часть времени Поппе работал в двух вузах). Как отмечает автор библиографии его трудов, преподавательская нагрузка в США выше, чем в Европе, а продолжительность каникул короче, поэтому Поппе в годы работы в университете мог без помех заниматься наукой лишь три каникулярных месяца в году [Cirtautas 1977, p. vi]. Это, конечно, было для Поппе тяжело, поскольку, как он подчеркивает в воспоминаниях, он всю жизнь считал себя прежде всего ученым и лишь во вторую очередь педагогом. В СССР при многих других трудностях в этом смысле было проще: там научная работа считалась более важной и престижной, чем ведение элементарных курсов в вузе.

Сама по себе ситуация, когда ученый с мировым именем должен был тратить львиную долю времени на обучение студентов, заведомо не собирающихся заниматься наукой, не составляла в случае Поппе никакой специфики: почти все ученые-неэкспериментаторы в США сталкиваются с той же проблемой (становящейся актуальной и у нас в связи с предполагаемой структурной перестройкой науки). И в то же время Поппе чувствовал особое пренебрежение к себе. В Ленинграде Поппе мог каждый день бояться внезапной проработки, лишения работы, а то и ареста, но он входил в высшую научную элиту; звание члена-корреспондента считалось очень почетным, особенно к концу 30-х гг. В Сиэтле же он был рядовым профессором из эмигрантов. В воспоминаниях Поппе чувствуется обида на администрацию университета. Целых три года он работал там внештатно как «профессор-гость». Лишь в 1952 г. он с трудом стал штатным профессором, но до самого конца, по его словам, оставался одним из хуже всего оплачиваемых профессоров своего

отделения. В первый учебный год Поппе получал лишь немногим более 5.000 долларов, а под конец — 18.000, тогда как его сослуживцы от 22.000 до 24.000. Из-за недостатка денег Эдит Поппе несколько лет работала няней в больнице. Как отмечает Поппе, из четырех ректоров, при которых он преподавал, лишь первый интересовался восточноазиатскими проблемами. Один из ректоров однажды сказал Поппе: «Рад снова Вас видеть. Мы ведь встречались в отделении химии несколько недель назад?» [Рорре 1983, р.203]. В Ленинграде с таким равнодушием он все же не сталкивался. Звания члена-корреспондента АН СССР и даже (с 1957 г.) члена-корреспондента Берлинской академии, не говоря уже о мировой известности среди монголистов, никого в Сиэтле не интересовали.

Лучше Поппе отзывается о своих коллегах по Отделению восточноазиатских и славянских языков и литературы (объединение славистики с востоковедением, для нас немыслимое и казавшееся искусственным Поппе, на Западе вполне обычно). Отделение, много лет возглавлявшееся китаистом Дж.Э.Тейлором, было одним из ведущих центров востоковедения в США. В разные годы там работали К.А.Виттфогель, О.Прицак, Ли Фангуй, Э.Конце, В.Эрлих, Г.Иваск и другие известные специалисты. Почти все коллеги Поппе были, как и он, эмигрантами. Большинство из них прожили в Сиэтле сравнительно недолго и уехали в другие университеты. А старый монголист иногда подумывал об изменении места жительства, но в конце концов так и никуда из Сиэтла не уехал. Он приобрел собственный домик в тихом районе, где живут в основном университетские преподаватели, и очень гордился тем, что наконец у него есть своя частная собственность. И здесь он остался европейцем: в Европе, включая нашу страну, вполне нормально, когда ученый всю жизнь живет и работает в одном городе, но американские профессора редко засиживаются на одном месте дольше, чем на несколько лет. Все девятнадцать лет Поппе проработал в корпусе университета, именуемом Томсон-холл, где и сейчас располагается его отделение.

Первые годы Поппе не покидал США: то ли нехватало денег, то ли влияла репутация коллаборациониста. Лишь в 1956 г., после семилетнего перерыва он поехал в Европу, получив грант от Фонда Гугенхайма для работы в библиотеке Британского музея. С тех пор он почти ежегодно ездил в каникулярное время в какую-либо из европейских стран. Он неоднократно бывал в уже известных ему Германии и Финляндии (где ему удалось повторить маршруты путешествий своего детства) и впервые посетил Англию, Францию, Данию и другие страны. Он восстановил контакты с учеными, когда-то приезжавшими в Ленинград или известными ему по Берлину, и впервые встретился с теми, кого раньше знал лишь заочно: К.Грёнбеком, П.Аалто, Л.Лигети и др. В 1958 г. он на морском теплоходе отправился в Японию, где изучал монгольские фонды Восточной библиотеки (Тоё-бунко) и вновь встретился со старым знакомым С.Мураямой. Когда-то в раннем детстве по дороге из Чифу на родину Николай с матерью был проездом в Нагасаки. Теперь, спустя пятьдесят с лишним лет Николас Поппе ездил из Токио в Киото. Для завершения кругосветного путешествия ему не хватило нескольких сот километров, отделяющих Киото от Нагасаки. Уже после отставки, в 1973 г., Поппе побывал в Турции в качестве гостя турецкого правительства. С конца 50-х гг. Поппе регулярно выступал с докладами на ПИАКах (Permanent International Altaistic Conference – Постоянная международная алтаистическая конференция), на которые ежегодно собираются тюркологи, монголисты, тунгусо-маньчжурологи, корейцы и японцы из многих стран. На ПИАКах собирается узкий и более или менее постоянный состав ученых. Поппе пользовался там большим уважением: репутация коллаборациониста с годами теряла значение, а научные его заслуги были неоспоримы.

И только с одной страной у Поппе почти не было контактов: с бывшей родиной, где продолжали жить его мать и сестра. К концу 50-х гг. он восстановил связь с сестрой (матери уже не было тогда в живых). Его сестра Елизавета Николаевна, по мужу Ненарокова, работала в Эрмитаже, в 1962 г. она издала книгу «Итальянская

цветная гравюра на дереве XVI–XVIII веков». Снова встретиться с братом ей так и не удалось: однажды она просила разрешения поехать к нему в США, но получила отказ. Сам Поппе никогда и не пытался хлопотать о возможности съездить на бывшую родину, видимо, не желая вступать в какие-либо отношения с советскими властями; не посещал он и ни одну из социалистических стран, включая и Монголию, где никогда не был после 1929 г. А вот сын его Валерьян по служебным делам ездил в СССР (служба переводчиком у немцев и служба в вермахте этому не помешали) и несколько раз посещал тетку в Ленинграде.

Личные контакты ученого с советскими коллегами, судя по воспоминаниям, также не были активными. Упомянуты лишь встречи с И.М.Дьяконовым, А.С.Тверитиновой и еще очень немногими. На международных конференциях, в том числе на ПИАКах, он иногда сталкивался с представителями СССР (впрочем, ежегодно советские ученые стали ездить на ПИАКи лишь с начала 80-х гг., когда Поппе там бывал уже редко), но последние не очень контактировали с Поппе: у нас о его прошлом забыть не могли. Ему явно казалось, что советские представители должны делать лишь чисто пропагандистские доклады, что иногда бывало, но далеко не всегда. Во всяком случае, он специально отмечает как заслуживающий внимания факт, что на ПИАКе 1976 г. в Хельсинки советская лингвистка Н.З.Гаджиева выступила с чисто научным докладом. Впервые же Поппе столкнулся с учеными из СССР, включая прежних знакомых, в 1957 г. в Мюнхене на конгрессе востоковедов. Одна его бывшая коллега по Институту востоковедения, принадлежавшая к старой академической среде, пережившая в конце 20-х – начале 30-х гг. тюрьму и ссылку, а теперь наконец получившая официальное признание и даже ставшая «выездной», увидев Поппе, растерялась, сухо поздоровалась и постаралась побыстрее исчезнуть. Поппе не мог ее осуждать: всё ему слишком хорошо было понятно. А вот тюрколог А.С.Тверитинова, увидев Поппе, прореагировала иначе: обрадовалась встрече и долго расспрашивала о его судьбе и судьбе его семьи, расстро-

ившись от известия о смерти первой жены Поппе. Поппе приятно удивился и недоумевал, поскольку А.С.Тверитинова в «его» годы была комсомолкой. Из воспоминаний видно, что он, оторвавшись от советской среды, так и не осознал, что казавшееся еще в 30-е гг. значимым различие между коммунистами и комсомольцами, с одной стороны, и беспартийными – с другой, уже не имело значения после войны.

И все же, как выясняется, у Поппе было по крайней мере одно новое, длительное, хотя и заочное, знакомство с советским востоковедом. Речь идет о переписке Поппе с советским тюркологом И.В.Стеблевой, принадлежавшей к значительно более молодому, чем он, поколению. Основная часть писем публикуется в приложении к данной книге с любезного разрешения их адресата. Мы включили в подборку 15 писем, за ее пределами осталось несколько незначительных по содержанию открыток, в основном поздравлений с праздниками.

Толчком к началу переписки послужила посылка И.В.Стеблевой в 1966 г. Поппе своей первой книги «Поэзия тюрков VI–VIII вв.». Книга молодой исследовательницы заинтересовала пожилого профессора, он прислал благодарственный ответ. Переписка продолжалась с некоторыми интервалами более двенадцати лет (параллельно шел и обмен литературой) и внезапно оборвалась в конце 1978 г. После этого Поппе перестал отвечать своему московскому адресату. Причины этого остались И.В.Стеблевой неизвестными. Вероятно, это произошло в связи с тем, что терявшему зрение Поппе стало трудно писать. Отметим, что в появившихся позднее воспоминаниях Поппе ее имя не упоминается.

Письма рисуют облик корректного, вежливого, несколько суховатого ученого, поглощенного наукой и до конца не прижившегося в неродной для себя стране. Даже город, где он живет, Поппе называет на немецкий манер. Видно, что старый ученый тоскует о потерянной родине, интересуется научной жизнью в ней, радуется самой возможности с кем-то переписываться по-русски. Особенно впечатляет фраза: «Все время лил дождь, а сегодня выпал снег и похолодало, но до русской зимы

далеко!»). Отметим и другое высказывание Поппе: «Хотя я живу здесь, я пишу в первую очередь для своих соотечественников». Письма свидетельствуют и о его скромном по американским меркам материальном положении: постоянны жалобы на нехватку денег и на недоступность многих желаний. Отметим и содержащиеся в них характеристики ученых, о которых не сказано в воспоминаниях: Н.К. Дмитриева, В.М. Жирмунского.

О том, что Поппе продолжал следить за выходящей в СССР научной литературой, свидетельствуют и его многочисленные рецензии на советские работы. Ученый вообще любил рецензионный жанр на всех этапах деятельности, а советские работы по монголистике, тюркологии и тунгусо-маньчжуристике он рецензировал в 50–70-е гг. особенно часто. Многие из них без его помощи остались бы незамеченными на Западе. Писал он не только о работах ведущих ученых, но и об исследованиях самых скромных, часто провинциальных специалистов. В [Cirtautas 1977] зафиксировано более 30 рецензий Поппе на советские издания послевоенных лет, еще около десятка появилось после 1977 г. Не раз он рецензировал и труды ученых МНР. См. также его обзоры советской и монгольской алтаистики [Porre 1963a; Porre 1967a].

Резко негативное отношение к политической системе СССР и МНР не переносилось у Поппе на науку этих стран. Разумеется, он отвергал любые упоминания монголистами ненавистного ему марксизма-ленинизма (хотя когда-то именно он первым перевел «Тезисы о Фейербахе» К.Маркса на халха-монгольский язык). Резко оценивал он и нелепые с любой научной точки зрения умолчания в публикациях начала 50-х гг., когда приходилось не только избегать упоминаний о трудах «врагов», включая самого Поппе, но и делать вид, что среди монгольских языков вообще нет калмыцкого. Но он понимал, что не ученые в этом виноваты.

Как бы Поппе ни относился к Б.Я.Владимирцову как к человеку, он неизменно много и хорошо писал о нем как об ученом. В итоговой статье [Porre 1975a] дан анализ книги [Владимирцов 1929] с позиций науки 70-х гг.;

подчеркнуто, что при естественных коррективах книга в основном сохраняет значение. С уважением писал он о многих из тех, кого знал с 20–30-х гг. и кто продолжал работать: В.И.Цинциус, Г.М.Василевич, К.М.Черемисове, Э.В.Севортяне (его «Этимологический словарь тюркских языков» он ставил выше словаря М.Рясянена), о своем ученике Т.А.Бертагаеве. Благожелателен Поппе и к выдвинувшимся позже: К.А.Новиковой, Л.К.Герасимович, Н.А.Сыромятникову, Л.Г.Герценбергу и др., а также к В.М.Иллич-Свитычу и А.М.Щербаку, несмотря на научные расхождения с ними. Часто он отмечал высокий уровень специалистов — носителей тюркских и монгольских языков в СССР [Рорре 1968а, р.358; Рорре 1968б, р.68]. Среди последних он особо выделял татарского фонетиста У.Байчуру, который в свою очередь еще в 60-е годы начал пропагандировать в СССР имя Поппе. В оценках советских и монгольских публикаций Поппе, пожалуй, даже слишком щедр на эпитеты типа brilliant 'блестящий', excellent 'превосходный'.

На общем фоне заметно выделяется явно обусловленное личными причинами отношение Поппе к нескольким советским монголистам: И.Я.Златкину, Б.Х.Тодаевой и особенно к С.А.Козину и Г.Д.Санжееву.

Негативное отношение к С.А.Козину и научному уровню его работ сохранилось у Поппе и тогда, когда того уже не было в живых. В некрологе Э.Хениша он подчеркивал, что всё, сделанное С.А.Козиным в отношении «Сокровенного сказания», неудовлетворительно, и лишь Э.Хениш смог исследовать этот памятник [Рорре 1968г, с.75].

Более сложными были у Поппе отношения с Г.Д.Санжеевым, на них стоит остановиться подробнее. Поначалу, когда тот учился у Б.Я.Владимирцова и сопровождал Поппе в экспедицию в свое родное село, их отношения безусловно были хорошими. Упоминания работ Г.Д.Санжеева у Поппе до конца 30-х гг. всегда положительны, см., например, высокую оценку его работ по фольклору [Поппе 1934в, с.427; Поппе 1935а, с.61]. Однако, когда еще до войны Г.Д.Санжеев переехал в Москву и начал создавать автономную от школы

Поппе школу монголистов, их отношения стали ухудшаться. И перед войной Поппе публикует достаточно резкую рецензию на книгу Г.Д.Санжеева «Синтаксис бурят-монгольского языка» [Поппе 1941в], где речь идет не только о научных разногласиях, но и о крайней небрежности при подготовке книги к печати, о плохом русском языке книги, об игнорировании многих работ Поппе. И в довершение всего Поппе в чуть смягченной форме обвинял Санжеева в том, что тот включил в книгу без указания реального авторства текст, написанный К.М.Черемисовым [Поппе 1941в, с.257–258]. В том же сборнике Поппе критикует Санжеева за его формулировку «не совсем плохие исследования» в отношении работ по бурятской диалектологии А.Д.Руднева и самого Николая Николаевича [Поппе 1941г, с.4].

Позже, когда Поппе эмигрировал, а Санжеев занял его место в советской монголистике, бывший член-корреспондент особенно ревниво следил за публикациями своего преемника, прославившегося в 1950 г. перепиской с И.В.Сталиным. В рецензии [Рорре 1954а] на статью Г.Д.Санжеева, изданную в 1952 г., подчеркивается невысокое научное качество этой статьи, неточности при изложении истории монголов, отмечено «раскавыченное» изложение Санжеевым работ неупомянутого Поппе. Особо строг рецензент к использованию «языка пропагандистских брошюр» (в том числе в критике Чингис-хана, которого в СССР в 50-е гг. было принято ругать, ср. его положительную оценку у Поппе в 30-е гг., тоже соответствовавшую конъюнктуре), к ссылкам на Сталина (некоторые из формулировок которого, в свою очередь, видимо, взяты вождем из письма к нему Санжеева) и к выражениям типа «буржуазные националисты». В последнем случае Поппе пишет, что эти выражения «производят очень грустное впечатление, особенно на тех, кто знал Гарму Данцарановича раньше» [Рорре 1954а, р.296]. Но ведь и автор рецензии в 30-е гг. куда чаще прибегал к таким формулировкам, чем Санжеев в 50-е! Можно согласиться с тем, что компаративные работы Санжеева не могли заменить старой книги Б.Я.Владимирцова [Рорре 1954а, р.304], но они все же не уступали по качеству

многим из издававшихся в Улан-Удэ или Чебоксарах публикаций, удостоившихся похвал Поппе. Явно пристрастным было и причисление в другой работе Санжеева к марристам [Рорре 1963а, р.301]. В итоговой книге вновь сказано, что сравнительную грамматику Санжеева «нельзя рекомендовать» [Рорре 1965а, р.94,141] и она представляет собой редкий для алтаистики «гибрид лингвистики и политической пропаганды» [р.141].

Не знаем, насколько эти отзывы доходили до Санжеева, но тот, не упоминая имени Поппе в печати, болезненно относился к его личности. Когда за этим именем перестал следить Главлит, именно Санжеев настаивал на том, чтобы не ссылаться на работы своего старшего коллеги.

Г.Д.Санжееву в публикациях Поппе противопоставлены советские лингвисты, по его мнению, никогда не упоминавшие ни Марра, ни Сталина. К ним отнесены Б.Я.Владимирцов, С.Е.Малов, А.В.Бурдуков, Н.П.Дыренкова, Н.К.Дмитриев* [Рорре 1963а, р.302]. При уважительном отношении к личности Н.Я.Марра Поппе, покинув СССР, неизменно отвергал его «новое учение», которое ритуально признавал в 30-е гг. В одной из рецензий он критиковал Г.Дёрфера за то, что тот отверг одну из марровских этимологий: по мнению Поппе, их вообще незачем учитывать [Рорре 1968д, р.156]. Но и «сталинское учение» Поппе решительно отвергал не столько по научным, сколько по политическим причинам.

Оценки политической ситуации в СССР и МНР у Поппе не слишком часты, но обычно резко отрицательны. Типична фраза из предисловия к башкирской грамматике [Рорре 1964а]: вся литература на башкирском языке – коммунистическая, содержащая пропаганду и возвеличивание советского режима; практически нельзя найти публикации, свободные от коммунистических идей, однако надо рассматривать приводимые тексты

* Отношение Поппе к Н.К.Дмитриеву было, однако, неоднозначным, что видно из писем к его ученице И.В.Стеблевой.

лишь как языковой материал. Это высказывание весьма сомнительно: на башкирском языке безусловно и до 60-х гг. были тексты политически нейтральные от учебников математики до описаний природы в романах. Просто они не были доступны при написании грамматики, а то, что было под рукой (главным образом школьные учебники родного языка и литературы), действительно, весьма политизировано. Однако использование таких текстов требовало оправдания, а Поппе сделал это путем, наиболее доступным для американского читателя. Опять-таки Поппе писал то, что, по его мнению, должны были от него ждать.

И все-таки не во всех отношениях Поппе оценивал монгольский опыт только негативно. Употребляя формулировки вроде «так называемая Монгольская Народная Республика», он не отрицал положительного значения строительства железных дорог, школ, больниц и т.д. в этой стране после 1921 г., о чем сказано немало в обстоятельной рецензии [Рорре 1954б]. Не раз отмечал он и развитие науки в МНР и появление там квалифицированных кадров. Положительно он оценивал и тот факт, что в МНР после первоначального нигилизма к прошлому с 50-х гг. активно занимались изучением фольклора и классических памятников. Среди его переводов на немецкий язык монгольского эпоса были и переводы по современным монгольским изданиям.

Несколько забегаая вперед, упомянем об итоговой публикации Поппе с оценкой политической ситуации в МНР – рецензии на вышедшую в США историю Монголии с 1900 г. Р.Рупена [Рорре 1980а]. Поппе согласен с оценкой Р.Рупеном МНР как «поборника (*champion*) советской политики». Однако он указывает на особое положение Монголии, представляющей собой как бы сэндвич между Китаем и СССР, и пишет в связи с этим: «Правда в том, что Монголия не выжила бы в современном мире, если бы осталась одна» [Рорре 1980а, р.233]. Вновь указывая на положительное значение появления в этой стране университета и Академии наук и на рост культуры, Поппе также пишет: «Экономически среднему монголу лучше, чем было его дедам» [Рорре 1980а,

р.233]. Отмечает он и то, что в настоящее время в МНР происходит переход от беспокойной эпохи Чойбалсана к лучшему будущему и сопоставляет изменения в этой стране с изменениями в Китае после смерти Мао Цзэдуна.

Итак, оценка МНР у Поппе неоднозначна и достаточно объективна. В отношении же своей бывшей родины после 1917 г. у Поппе не нашлось ни одного хорошего слова за пределами оценок советской науки. Особенно негативно его отношение к советскому строю в позднейших воспоминаниях. Причины такого контраста понятны. В отношении МНР Поппе выступал как пусть не вполне беспристрастный, но все же сторонний наблюдатель. А Советский Союз был страной, из которой он переселился в нацистскую Германию. И ему надо было доказать, что он сменил большее зло на меньшее.

И в США Поппе продолжал использоваться как эксперт по советским и монгольским делам. Особенно активной, если руководствоваться его воспоминаниями, эта деятельность была в самом начале его пребывания в США, когда он еще не устроился в Сиэтле. Всё лето 1949 г. он жил в вашингтонской гостинице под вымышленным именем за счет госдепартамента. В это время он выполнял работу для госдепартамента, познакомился с рядом американских дипломатов, специализировавшихся по СССР; консультировал он и русскую службу «Голоса Америки». Возможно, его советы и разработки использовали и другие ведомства. Позже, в 1951 г., Поппе работал как исследователь в Гуверовской библиотеке войны и мира, обнаружив там неизвестное письмо В.И.Ленина Г.Гуверу. Тогда же он работал вместе с А.С.Вуциничем над книгой об Академии наук СССР; вышла она, однако, под фамилией одного Вуцинича [Vucinich 1956]. В 1952 г. Поппе был вызван в сенатскую комиссию по безопасности. Он дал там показания о подготовке в СССР в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других учебных заведениях коммунистов из азиатских стран, о деятельности НКВД в Монголии и т.д. Но главной целью вызова Поппе было расследование «антиамериканской деятельности»

О.Латимора. На это Поппе заявил, что тот слишком положительно относится к МНР и искажает реальность, изображая МНР как государство, тогда как это – лишь спутник Москвы. В то же время Поппе сказал, что не имеет данных считать Латимора скрытым коммунистическим агентом. О.Латимор не мог простить Поппе таких показаний. Последний, однако, подчеркивает, что вел себя лучше, чем его оппонент: он не приписывал О.Латимору ничего политического, а тот неоднократно говорил о службе Поппе в СС, что не соответствовало действительности: тот работал на СС, но военнослужащим не был.

Новым хозяевам Поппе служил столь же добросовестно, как и двум предыдущим, однако теперь он мог не испытывать угрызений совести и считать, что служит правому делу. Впрочем, если верить воспоминаниям, то Поппе с 50-х гг. отошел от занятий, не связанных с его профессией. Можно отметить лишь его участие в написании и редактировании советологического сборника, вышедшего в немецком и английском вариантах [Russlands 1970; Russia 1971]. Поппе написал для него статью, посвященную освоению Сибири в конце XIX – начале XX в. Главный пафос статьи – в доказательстве того, что этот регион начал бурно развиваться не в советское время, а еще в последнюю четверть века перед революцией.

Но, конечно, главным содержанием деятельности Поппе в Сиэтле была работа над новыми научными трудами, к описанию которых мы и переходим.

ПОЗДНИЕ ТРУДЫ

Американский период деятельности Поппе может быть разделен на два этапа: «лингвистический» до середины 60-х гг. и «филологический» после этого. Поппе в основном оставался в пределах тем и сюжетов, которыми занимался раньше, углубляя и дополняя уже достигнутое. Тем не менее, неверно существующее у наших языковедов представление о том, что за границей Поппе не

написал ничего значительного; нам говорили об этом даже во время написания этой книги. До сих пор поздний Поппе у нас меньше известен, чем ранний, отчасти из-за языкового барьера. Но сделано было им и в 50–80-е гг. немало. Он оставался прежде всего монголистом, но уже не был так всецело сосредоточен на монгольской тематике, как в 30-е гг. После некоторого перерыва он вновь обратился и к тюркологии, и к алтаистике, в меньшей степени к тунгусо-маньчжуристике. Работ общетеоретического характера у него по-прежнему почти не было.

Поппе уже не мог вести полевые исследования, меньше возможностей было и для описания ранее не известных памятников. Но продолжалось начатое в 30-е гг. обобщение ранее накопленных фактов. Поначалу Поппе сосредоточился на лингвистических проблемах. Первой его книгой, изданной после возвращения в науку, стала законченная еще в Германии халха-монгольская грамматика. Как сказано выше, ее первое издание 1944 г. дошло лишь до стадии корректуры; теперь наконец она вышла в свет уже в ФРГ [Porre 1951a]. Она стала первой серьезной грамматикой современного монгольского языка, изданной на западных языках. Позже появилась учебно-справочная грамматика [Porre 1970], где прежние трактовки кое в чем изменены с учетом появившейся к тому времени грамматики американского ученого Дж. Стрита; книга также содержит краткие сведения по языковой ситуации в районах распространения монгольских языков, по истории, фольклору, литературе монгольских народов (кажется, единственный раз Поппе дал здесь сжатый очерк современной монгольской и бурятской литературы, чисто информационный и лишенный политических оценок).

По бурятскому языку, где большая грамматика уже была издана, Поппе ограничился подготовкой к печати ее сокращенного, модернизированного и приспособленного для учебных целей варианта [Porre 1960a]. В коллективном компендиуме [Mongolische 1964] Поппе принадлежат не только краткие очерки бурятского и дагурского языков, основанные на прежних исследованиях, но и

очерк ордосского языка, нигде более им специально не описывавшегося. Из публикаций по современным монгольским языкам отметим и статью о монгольской транскрипции [Рорре 19536].

По старописьменным языкам Поппе прежде всего переработал две фундаментальные книги советского периода. Грамматика старописьменного языка [Рорре 1954в] представляла собой переработанный и расширенный перевод книги [Поппе 19376], она переиздавалась еще дважды, см. последнее издание [Рорре 1974а]. Английский вариант книги [Поппе 1941а] представляет собой ее перевод, выполненный Дж.Р.Крюгером; лишь учтена новая литература и добавлена благодарность считавшимся в 1941 г. в СССР «врагами народа» Ц.Ж.Жамцарано и Гомбожаву; см. [Рорре 1957а]. Отметим, что эта же работа дважды в разные исторические эпохи издавалась в КНР: в 1960 г. на монгольском языке [Поппе 1960] и в 1986 г. на китайском языке [Рао-р'еи 1986]; последнее издание содержит также предисловие автора и список его трудов, взятый из [Cirtautas 1977]. В Китае, в отличие от СССР, к работам Поппе подходили без влияния идеологии. Книга о словаре Мукаддимат ал-Адаб не переводилась, но была репринтно переиздана в 1971 г.

Из статей по монгольским языкам отметим [Рорре 1953а] с описанием падежной системы, позднюю работу [Рорре 1978а] о формах вежливости и особенно публикацию [Рорре 19656], где детально описываются пассивные конструкции в старописьменном языке «Сокровенного сказания», прежде всего в плане семантики. Автор учитывает все примеры пассива в этом объемистом памятнике, давая им классификацию по значению. Отмечено, что пассив в языке «Сокровенного сказания» отличается от того, что именуется тем же термином, например, в латыни. Выделены как примеры чистого пассива с упоминанием деятеля или без него, так и случаи, когда та же форма обозначает необходимость, возможность, а также примеры аффективного пассива. Показано малое различие между переходными и непереходными глаголами: пассив почти любого типа может быть образован от тех и от других. Статья представляет собой пример строгого и

доказательного структурного описания языка у Поппе. См. также анализ падежных форм в словаре Мукаддимат ал-Адаб [Рорре 1953в].

Изучение отдельных монгольских языков подводило Поппе к их сравнительно-историческому исследованию. Поппе избегал этой тематики после установления господства марризма и вернулся к ней сразу после переезда в Сиэтл. Вынужденный перерыв, как это нередко бывает, имел и преимущества: за годы, прошедшие после начального этапа деятельности Поппе, фактический материал по ряду монгольских языков значительно расширился благодаря работам самого Поппе по дагурскому языку и бурятским диалектам и описаниям ордосского, монгорского и иных языков у других монголистов; введены были в научный оборот и ранее не известные памятники, начиная от многократно нами упоминавшегося словаря Мукаддимат ал-Адаб. Можно было на основе всего этого материала пойти дальше Г.Рамстедта и Б.Я.Владимирцова, но никто в мировой монголистике 50-х гг. не подходил для этого лучше, чем Поппе. И новая сравнительная грамматика монгольских языков появилась в 1955 г.

В книге [Рорре 1955а] даны классификация монгольских языков, их сравнительная фонетика и сравнительная грамматика, производится реконструкция праформ. В разделе, посвященном классификации языков, специально рассмотрен вопрос о разграничении языка и диалекта. Как и в начале 30-х гг., Поппе заявлял: «Очевидно, что классификация языков должна быть лингвистической и политические и культурные причины любого сорта не должны влиять на определение того, что есть язык, а что – диалект языка» [Рорре 1955а, р.14]; в связи с этим он указывал, что, например, верхненемецкий и нижненемецкий – два разных языка (ср. в другой работе заявление о том, что каракалпакский язык – фактически лишь диалект казахского, объявленный языком по политическим причинам [Рорре 1965а, р.110]). Однако каких-либо лингвистических критериев для разграничения языка и диалекта Поппе, как, впрочем, и многим другим лингвистам, найти не удалось, и он фактически принял традиционное деление на языки, основанное совсем не на

лингвистических критериях (вспомним, как при участии самого Поппе проводилась граница между халха-монгольским и бурятским языками, позднее закрепившаяся ввиду наличия разных литературных норм). Не выделяет Поппе и какие-либо подгруппы внутри монгольской семьи за одним исключением: объединены совсем недавно разошедшиеся калмыцкий и ойратский языки. В реконструкциях почти все языки рассматриваются как равно отстоящие друг от друга. Противоречивость позиции видна и в [Рорре 1970], где он вводит в качестве основного критерия разграничения взаимопонимаемость [Рорре 1970, p.1].

При фонетических реконструкциях Поппе отмечает, что систему вокализма у Б.Я.Владимирцова можно оставить почти без изменений, но консонантизм у него рассмотрен слишком бегло и требует коррективов [Рорре 1955а, p.6-7]; см. также [Рорре 1975а]. В области морфологии отмечается большая древность и большой консерватизм морфологических систем монгольских языков, где многие грамматические формы – лишь результат разного фонетического развития общемонгольских форм; впрочем, имеются и некоторые различия в падежной системе, а некоторые языки утратили личное спряжение [Рорре 1955а, p.173-174]. Дана реконструкция прамонгольской морфологической системы.

Отдельным вопросам развития монгольских языков посвящены и статьи Поппе: о происхождении долгих гласных [Рорре 1950], о сдвиге согласных [Рорре 1954г] и др.; см. также более поздние статьи [Рорре 1962а; Рорре 19676].

Работы Поппе в области тюркологии также делятся на дескриптивные и исторические. Среди первых выделяются две краткие учебные грамматики: татарская [Рорре 1963б] и башкирская [Рорре 1964а]. Они были выполнены по тому же образцу, что и появившаяся несколько ранее учебная бурятская грамматика. Следует отметить, что в США к тому времени из тюркских языков был известен и преподавался в университетах лишь один – турецкий; тюркские же языки на территории СССР оставались совершенно не известными. Грамма-

тики Поппе были первыми учебниками и вообще первыми их серьезными описаниями на английском языке. Отметим и статью об одном из наименее изученных тюркских языков — саларском в Китае. В статье [Porre 1953г] рассмотрены известные к тому времени немногочисленные данные по этому языку, прежде всего собранные русским путешественником Г.Н.Потаниным, дан их лингвистический анализ, уточнено место саларского языка (который, впрочем, Поппе был склонен считать диалектом) среди других тюркских. В дальнейшем появились полевые описания этого языка, сделанные советским тюркологом Э.Р.Тенишевым.

Татарская грамматика была через несколько лет переиздана [Porre 1968в], описание языка осталось тем же, но заново подобраны тексты и расширена библиография, поскольку, как пишет Поппе, «советская тюркология и особенно лингвистические исследования этнических татар достигли значительного прогресса» [Porre 1968в, р. V]. В соавторстве с Р.Дж.Хебертом в той же серии вышла и киргизская грамматика [Hebert, Porre 1963], однако из предисловия видно, что основным ее автором был Хеберт.

Грамматики современных монгольских и тюркских языков, выполненные в США, дают больше всего материала об общелингвистических взглядах позднего Поппе. Они показывают, что в целом эти взгляды остались прежними, хотя этот лингвист и испытал некоторое влияние дескриптивной лингвистики, господствовавшей в США в первое десятилетие после его переезда туда. Заметна некоторая американизация терминологии, вероятно, связанная с требованиями тех серий, в которые входили грамматики Поппе: употребляются такие термины, как *clause*, *verbal phrase*, не имеющие прямых аналогов в русской традиции; вслед за американскими дескриптивистами он избегает термина «части речи», переименовывая его в «классы слов». Как и дескриптивисты, он в [Porre 1970] начинает морфологическое описание не с классификации слов, как прежде, а с морфемики. Принимает он и трактовку сказуемого как вершины предложения [Porre 1970, р.148]. Однако влияние американ-

ской науки в основном происходило там, где оно шло в русле развития идей самого Поппе. В [Рорре 1970] он вслед за дескриптивистами выделял в особые разделы фонотактику и морфонологию, но без употребления таких терминов он подробно занимался соответствующими проблемами и в грамматиках 30-х гг.

К американским структуралистским работам по монголистике и тюркологии Поппе относился сочувственно. Это касается не только упоминавшейся грамматики Дж.Ч.Стрита, но и книги по турецкой фонологии Р.Б.Лиза, одного из основателей генеративизма [Рорре 1963в]. Впрочем, эта сравнительно ранняя работа Р.Б.Лиза выполнена еще в основном в рамках американского структурализма (дескриптивизма). Американский вариант структурализма несколько отличался от того, к чему привык Поппе, но не настолько, чтобы Поппе перестал его понимать. Но сложившийся к 60-м гг. генеративизм, лидером которого стал Н.Хомский, не мог привлечь пожилого ученого, как и других лингвистов его поколения, хотя бы резким изменением всего научного языка и аппарата и математизацией (часто лишь внешней) всего что только можно. Во всяком случае, в трудах Поппе нет никаких следов влияния хомскианства, а его внедрение в американские университеты он сравнивает, как мы уже отмечали, с внедрением марксизма-ленинизма в университеты СССР. Впрочем, в монголистике генеративизм нигде особо не проявился.

Среди работ по истории тюркских языков отметим статью о якутских этимологиях [Рорре 1954д] и анализ тюркской (чагатайской) части упоминавшегося словаря Мукаддимат ал-Адаб [Рорре 1951б]. Позже появилась работа о монгольских заимствованиях в этих языках [Рорре 1969а].

Публикаций по современным тунгусо-маньчжурским языкам у Поппе после 1931 г. не было. В то же время он не раз обращался к вопросу о монгольских заимствованиях в этих языках и их истории [Рорре 1966а; Рорре 1972а], а также о монгольско-тунгусских параллелях [Рорре 1969б]. См. также более позднюю статью, сопоставляющую монгольский язык с чжурчженским,

прежде всего с точки зрения языковых контактов [Рорре 1979а].

Наконец, особое место среди лингвистических трудов Поппе занимают исследования алтайской проблемы в целом. С тех пор как он бросил ей заниматься в конце 20-х гг., она мало продвинулась в своем изучении в мировой науке. Б.Я.Владимирцов давно умер, Е.Д.Поливанов погиб, Г.Рамстедт в два последние десятилетия жизни немного прибавил к сделанному ранее, а ученые более молодого поколения хотя в большинстве принимали алтайскую гипотезу, но редко занимались алтаистикой: возобладала узкая специализация, и мало кто хорошо владел материалом по всем группам алтайских языков. Зато интенсивно шло накопление фактов, и не только в монголистике. В частности, как отмечал сам Поппе [Рорре 1965а, р.97–100], благодаря деятельности В.И.Цинциус и ее школы впервые по-настоящему были описаны многие тунгусо-маньчжурские языки. К 50-м гг. уже можно было вернуться к алтайским реконструкциям на новой, более высокой основе. И в мировой науке тех лет эта задача была под силу одному Поппе. Правда, и он не в полной мере владел корейским материалом, используя для компенсации этого пробела консультации работавших в США южнокорейских ученых.

Первые после перерыва публикации Поппе в этой области появились в начале 50-х гг., в частности, статья об алтайских показателях множественности и их отражении в разных группах языков [Рорре 1952]; может быть, не случайно, что он начал новые исследования с вопроса, не требовавшего анализа корейского материала (там ни один из общеалтайских показателей множественности не сохранился). Но основной работой Поппе по алтаистике стала фундаментальная книга [Рорре 1960б], законченная, как указано в предисловии, в январе 1959 г.

В книге заново, с учетом нового фактического материала произведена реконструкция системы гласных и согласных и выделены регулярные соответствия между монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими и корейскими языками, иллюстрированные большим числом примеров. В конце книги дана краткая история развития

каждой из подгрупп. Как мы уже отмечали в первой главе, Поппе всецело ориентировался на хорошо им освоенную еще в юности традиционную методику установления языкового родства, выработанную еще в прошлом веке. Поппе своими результатами опроверг имевшую хождение точку зрения, согласно которой эта методика хороша лишь для индоевропейских языков и не подходит для алтайских. Какими-либо новыми, появившимися в XX в. методами установления языкового родства вроде метода глоттохронологии (см. ниже) Поппе не пользовался.

В поздних работах Поппе пересмотрел не только конкретные решения, но и частично общие представления о членении алтайской семьи. Он отказался от прежнего взгляда на чувашский язык как на промежуточное звено между тюркскими и монгольскими языками и вернулся к наиболее традиционной точке зрения, согласно которой этот язык занимает особое место в тюркской группе. В итоговой работе он предлагал заменить традиционный термин «тюркские языки» на «тюркско-чувашские» [Рорре 1965а, р.36 и др.]. Позднее он опубликовал специальную статью о месте чувашского языка в алтайской семье [Рорре 1974б].

Но вопрос о границах алтайской семьи Поппе решил для себя еще в 20-е гг. и более никогда не пересматривал. Корейский язык он всегда считал алтайским, японский же язык он, несмотря на уже достаточно многочисленные установленные к тому времени японо-алтайские параллели, продолжал исключать из алтайской семьи. В таких случаях часто первые впечатления оказываются самыми сильными и определяют избранный курс на всю жизнь. Как бы Поппе ни относился к Е.Д.Поливанову как к человеку, он не мог не считать его высшим авторитетом в области японистики. А Поливанов и вслед за ним друг Поппе С.Мураяма, в отличие от других ученых, причисляли японский язык не к алтайской, а к малайско-полинезийской (австронезийской) семье. И Поппе принял эту точку зрения, по-видимому, никогда всерьез не проверяя ее. Во всяком случае, в [Рорре 1960б] японский материал не привлекается, а в книге [Рорре 1965а] без какой-либо аргументации сказано, что в XIX в.,

когда границы алтайской семьи еще не были установлены, наряду с прочими «были сделаны безуспешные попытки включения японского языка» в эту семью [Рорре 1965а, р.127]. Кроме того, в разделе о корейском языке упомянуто о структурном корейско-японском сходстве, не получившем, по его мнению, удовлетворительного объяснения [Рорре 1965а, р.137]. И опять никакой аргументации! Более того, в разделе той же книги, посвященном контактам алтайских языков с индоевропейскими и другими неалтайскими, среди последних не упомянут японский, хотя достаточно многочисленные японско-алтайские лексические параллели Е.Д.Поливанов и другие противники японско-алтайского родства объясняли именно контактами. Хотя прямо об этом Поппе не пишет, но создается впечатление, что он не считал вообще достоверно установленными какие-либо лексические параллели между японским и каким-нибудь алтайским языком, даже корейским, хотя любой специалист по японской компаративистике признает их существование. Во всяком случае, игнорирование японского материала несомненно.

Впрочем, под конец жизни Поппе несколько отошел от столь крайней точки зрения, может быть, под влиянием Р.Э.Миллера, с которым Поппе общался уже в 70-е гг. В поздней рецензии на книгу Дж.Ч.Стрита он отмечает, что японско-алтайское родство возможно и что некоторые этимологии Дж.Ч.Стрита убедительны и находят параллели в ностратике (см. ниже). Однако в целом Поппе и здесь довольно скептически и подчеркивает, что изучение данной проблемы находится на начальной стадии развития [Рорре 1979в, р.542], что в общем было верно. Новый этап ее изучения начался после появления книги [Старостин 1991], однако она вышла за два месяца до смерти Поппе.

Поппе специально не занимался установлением более глубоких родственных связей алтайских языков, но не раз высказывал мнение по этой проблеме. К урало-алтайской гипотезе он относился скептически не только в 1940 г., но и позже [Рорре 1965а, р.125–126], так что, видимо, он и раньше не кривил здесь душой. Однако, как и по вопросу о японо-алтайском родстве, Поппе

к концу жизни несколько смягчил точку зрения. В статье [Рорре 1982] он уже не считает данную гипотезу, как в 1965 г., достоянием прошлого, но вполне правдоподобной, хотя еще и не доказанной. Для ее доказательства, как указывает Поппе, нужны более полные и разработанные, чем сейчас, сравнительные грамматики, этимологические и сравнительно-исторические словари уральских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Пока что, как указывает Поппе [Рорре 1982, р.190], должного уровня словари имеются лишь по тунгусо-маньчжурским языкам (имеются в виду работы В.И.Цинциус и ее школы).

В СССР в 60-е гг. группа советских лингвистов во главе с В.М.Илличем-Свитычем выдвинула еще более далеко идущую ностратическую гипотезу, в соответствии с которой в отдаленном родстве находятся не только уральские и алтайские, но и индоевропейские, афразийские (семито-хамитские) и некоторые другие языки Старого Света. Поппе отнесся с большим вниманием к этой гипотезе, посвятив двум посмертно вышедшим книгам В.М.Иллича-Свитыча [Иллич-Свитыч 1971, 1978] две рецензии [Рорре 1972в; Рорре 1979г]. В целом Поппе счел ностратическую гипотезу правдоподобной и не противоречащей истории, отметил высокий уровень работ рано ушедшего из жизни ученого (см. об этом также [Рорре 1972г] и одно из писем к И.В.Стеблевой). Итоговый вывод Поппе: «Ценный вклад в компаративную лингвистику, содержащий богатый и внимательно исследованный материал» [Рорре 1979г, р.225]. Однако Поппе нашел много погрешностей в алтайской части реконструкций В.М.Иллича-Свитыча и в целом не счел большинство его конкретных результатов приемлемыми. По мнению Поппе, ностратическая гипотеза пока остается гипотезой и трудно сказать, как дальше будут развиваться исследования в этой области [Рорре 1972в, р.368–369]. См. также его слова о том, что трудно что-либо говорить о ностратике, когда даже не реконструирована протофинно-угорская система гласных [Рорре 1979г, р.223] (финно-угорские языки – лишь часть уральских).

После 1960 г. в области компаративистики Поппе занимался либо отдельными частными вопросами, либо подведением итогов; всё основное, что было в его силах, он уже сделал. Книга [Porre 1987] представляет собой переиздание книги [Porre 1955a] с новым предисловием. В упоминавшемся компендиуме [Mongolistic 1964] Поппе, помимо очерков по отдельным языкам, принадлежит и краткий раздел об алтаистике в целом.

Итогом исследований Поппе в области алтайского языкознания стала книга [Porre 1965a]. Как сказано в предисловии автора, она не содержала каких-либо новых результатов: это прежде всего введение в предмет для студентов и для лингвистов, не в полной мере владеющих материалом (например, в монголистику для тюркологов). Поппе подчеркивает, что вся основная литература по этим вопросам написана на русском, немецком или французском языках, а по-английски данная книга — вообще первый источник информации [Porre 1965, p.1–2]. Книга содержит краткое описание всех известных алтайских языков вместе с их классификацией и основной литературой о них (в значительной части на русском языке), историю их изучения и историю алтайской гипотезы, описание истории алтайских языков, их контактов между собой и с другими языками, типологических особенностей и, наконец, звуковых соответствий между ветвями алтайской семьи. Книга подытожила всё, что было создано в области изучения всех алтайских языков (без японского) к 60-м гг. Особенности биографии Поппе предоставили ему возможность в равной степени учесть как русские и советские, так и западные работы, тогда как большинство алтаистов недостаточно владели какой-либо из этих ветвей алтаистики. Отечественные работы опять-таки в целом оцениваются за некоторыми исключениями очень высоко; в частности, В.И.Цинциус названа самым выдающимся в мире специалистом по тунгусским языкам [Porre 1965a, p.97]. Кое-где эти оценки сглажены сравнительно с теми, что позднее появились в воспоминаниях: про А.М.Позднеева сказано, что политически он был реакционером, что его не любили студенты, но в отличие от воспоминаний, его

научный вклад оценивается весьма высоко [Рорре 1965а, с.85]. Поппе старался быть объективным и описывал и взгляды, с которыми был не согласен, например, аргументы антиалтаистов. Лишь одна группа ученых, как мы уже отмечали, не получила у него возможности высказаться – сторонники отнесения японского языка к алтайским.

Занимаясь много исторически обусловленными фонетическими и грамматическими сходствами алтайских языков, Поппе не так много писал о сходствах в строе этих языков (такое сходство, также очень большое, не обязательно обусловлено общностью происхождения). Эти проблемы, изучавшиеся Поппе еще в [Поппе 19366] и других ранних работах, затрагивались им лишь в компендиумах общего характера [Mongolistic 1964, p.1–16; Рорре 1965а, p.177–196]. Тем не менее, такие черты сходства выделены им весьма четко и его анализ представляет интерес для лингвистов-типологов.

Со второй половины 60-х гг. Поппе почти перестает публиковать лингвистические работы. Появляются лишь статьи частного характера; рецензий, впрочем, по-прежнему немало. Но больших работ нет. Видимо, Поппе считал к тому времени свои задачи в основном решенными: обобщающие труды были изданы, дальнейшее продвижение было возможно лишь на основе нового материала, а заниматься его сбором в США он не мог.

Зато многое еще хотелось сделать в области изучения монгольских письменных памятников и устного народного творчества. Здесь материала хватало: далеко не все тексты, хранящиеся в западных библиотеках, описаны, а в области фольклористики появилось много новых записей, сделанных прежде всего учеными МНР. Поэтому с середины 60-х гг. и до конца жизни филологическая проблематика становится для ученого главной.

Впрочем, ряд работ он опубликовал и раньше. Первой его большой послевоенной публикацией такого рода стала [Рорре 19556], в которую вошли фольклорные тексты, собранные Поппе во время монгольских экспедиций 20-х гг., с немецким переводом; ранее издана была лишь небольшая их часть, например в составе учебника

[Поппе 19316]. Другие его публикации стали результатом исследования рукописей, хранящихся в западных собраниях. Во время первой поездки из США в Европу в 1956 г. он изучил коллекцию путешественника по Индии сэра О.Стайна, хранившуюся в Британском музее, и издал с переводом и комментариями фрагменты монгольских текстов из нее [Рорре 1960в]. Иногда он занимался и интерпретацией уже изданных другими учеными текстов. Такая интерпретация нередко, как указывает Поппе в воспоминаниях, была похожа на работу детектива: надо было понять, фрагмент какого текста представляет тот или иной, часто плохо сохранившийся памятник, а если он переводной, то к какому оригиналу восходит. Так, ему удалось идентифицировать фрагмент буддийского текста, изданный известным японским ученым С.Хаттори [Рорре 1954е], а другой плохо сохранившийся текст он опознал как фрагмент монгольской версии сказаний об Александре Македонском [Рорре 19576]. См. также его реконструкцию текста, найденного немецкой экспедицией в Турфане (Западный Китай) и изданного Э.Хенишем [Рорре 1960г], и предложенное Поппе новое прочтение надписи в честь Мунке-Кагана, изданной Б.Ринченом [Рорре 1961].

Поездка Поппе в Японию в 1958 г. имела результатом две работы, выполненные под его руководством и при его участии. С учениками Х.Окадой и Л.Хурвицем Поппе подготовил каталог 525 монгольских и маньчжурских рукописей, хранящихся в библиотеке Тоё-бунко в Токио [Рорре, Hurvitz, Okada 1964]. Под редакцией Поппе японский ученый С.Ивамура при участии Х.Окады издал персидско-монгольский словарь и выполненную по арабской схеме монгольскую грамматику, найденные в 1955 г. в Афганистане японской экспедицией [Zirni 1961]. В предисловии к изданию Поппе анализировал язык, отраженный в памятнике, сопоставляемом им со словарем Мукаддимат ал-Адаб. Он указывает, что два словаря отражают монгольский язык, близкий к современному языку афганских моголов, в то же время имеются и различия.

Среди публикаций 60-х гг. выделяется книга [Рорре 1967e], представляющая собой издание и английский перевод монгольской версии несохранившегося тибетского буддийского памятника конца XIII – начала XIV в. (сам монгольский перевод, по мнению Поппе, относится к 20-м гг. XIV в.). Судьба этого памятника была весьма сложной. Его привез, вероятно из Внутренней Монголии, А.М.Позднеев, затем он хранился в библиотеке ЛГУ. Еще в самом начале деятельности, в 1923 г. Поппе под руководством Б.Я.Владимирцова подготовил издание текста, но оно так и не увидело света в СССР (возможно, из-за религиозного характера памятника), а в 1941 г. Поппе был вынужден оставить свой труд в Ленинграде. Позже, получив уже в Сиэтле микрофильм рукописи, Поппе проделал работу вторично. Книга содержит посвящение на русском языке: «Ленинградскому Государственному Университету посвящает его бывший воспитанник и профессор». В те же годы Поппе издал и прокомментировал еще одну монгольскую версию буддийского памятника [Рорре 1964b]. В 60-е гг. он, кажется, единственный раз выступил как издатель тюркского памятника – это хранящийся в библиотеке Медичи во Флоренции текст XV в., посвященный Флорентийской унии [Рорре 1965b].

Из публикаций памятников в 70-е гг. наиболее значительной стала книга [Рорре 1971], также представлявшая собой издание переводного монгольского буддийского памятника. Этот памятник, санскритский по происхождению, как и другие буддийские тексты, был затем переведен на тибетский язык, а с него по крайней мере трижды переводился на монгольский; в XIV в. и дважды в XVII в. В монографии изданы все три монгольских текста с английскими переводами, к ним приложены комментарии и словари санскритских и тибетских эквивалентов монгольских терминов.

В 70-е гг. после некоторого перерыва Поппе вновь обратился к изучению фольклора. Эта область исследований стала для него главной в самый последний период его научной деятельности. В те годы он вновь обратился к своим сочинениям 30-х гг., в частности к книге о кол-

хозной поэзии бурятов. Сначала в 1972 г. в США появилось ее репринтное издание, затем Поппе подготовил его новую версию [Рорре 19786]. Все тексты, независимо от их тематики, Поппе перевел на английский язык (бурятские оригиналы, имеющиеся в русском издании, не приводятся). В предисловии Поппе уже называет соответствующий диалект не селенгинским, а цонголским (название, тогда использовавшееся и бурятскими лингвистами). Поппе отмечает сходство одного из записанных им в 1931 г. текстов с известной сказкой П.П.Ершова «Конек-Горбунок», считая, что сибиряк Ершов переработал бурятскую сказку [Рорре 19786, р.10]; последнее вызывает сомнения: П.П.Ершов все же был уроженцем Западной Сибири. Тот же текст издавался и отдельно [Рорре 1978в]. С помощью ученика Дж.Р.Крюгера, выполнившего перевод, Поппе издал и английскую версию книги [Поппе 1937в] о монгольском героическом эпосе [Рорре 19796]. Выходили и репринты старых работ, см. книгу [Рорре 19726], составленную из репринтов изданий [Рорре 1927; Поппе 1932а; Поппе 19416].

Последним фундаментальным трудом Поппе стал перевод на немецкий язык монгольских эпических текстов. Основанная им серия «Монгольский эпос», продолжающаяся и после его смерти, включает переводы как самого Поппе, так и других монголистов. Поппе издал в серии восемь книг [Рорре 19756-д; 1977а,б; 19806; 1986].

В число переведенных памятников были включены тексты, издававшиеся в ФРГ Б.Ринченем, рядом исследователей в МНР, записи Ц.Ж.Жамцарано, частично изданные им самим в 1913-1918 гг., частично опубликованные в 1972 г. в Улан-Удэ, и, наконец, 11 песен калмыцкого эпоса «Джангар» по московскому изданию 1978 г. (в воспоминаниях Поппе дает высокую оценку русскому переводу С.Липкина, помещенному в этом издании). Первый том Поппе посвятил памяти матери, шестой – памяти Жамцарано. Перевод «Джангара», еще не оконченный в 1982 г., в момент завершения воспоминаний, стал последней значительной работой Поппе. Продолжал он обращаться и к своим экспедиционным материалам. Одна из самых последних его публикаций

[Рорре 1989] посвящена шаманским обрядам, которые Поппе видел во время агинской экспедиции 1930 г.

У Поппе были и работы историографического характера. Одна из них — [Рорре 19626], где он дает обзор американских работ 50-х — начала 60-х гг. по тюркологии, монголистике и тунгусо-маньчжуристике. Поппе подчеркивает, что в области монголистики (но не тюркологии и тем более тунгусо-маньчжуристики) США после войны опередили другие страны [Рорре 19626, р.2]. Поппе, конечно, прямо не связывает это превосходство с собственной персоной, но из последующего очерка и особенно из библиографии, где подавляющее большинство монголоведных публикаций составляют работы самого автора обзора, видно, на чем основывал Поппе это утверждение. Как и во время написания давнего обзора советской монголистики [Поппе 1937а], Поппе не отличался ложной скромностью.

Но и в 1937, и в 1962 г. самооценки Поппе были вполне оправданны. И в США Поппе отличался исключительной научной продуктивностью. Даже за период 1978–1989 гг., когда его научная продуктивность в силу возраста уже стала падать, отмечена публикация 26 книг и статей и 37 рецензий [Gedanke 1989, р. xi–xvi]. Качество работ всегда было высоким. И потеряв родину, Поппе сделал столько, сколько бы хватило на целую жизнь другому ученому. Но подводя в мемуарах итоги деятельности, он поставил на первое место работы своей молодости: словарь Мукаддимат ал-Адаб, статью о Лейденской рукописи, книгу о квадратной письменности, издание бурятских летописей [Рорре 1983, р.279]. Поппе исходил прежде всего из того, что концепции и реконструкции устаревают, а введенные в научный оборот факты имеют непреходящую ценность. А в сборе фактов в эмиграции ученый имел гораздо более ограниченные возможности, чем на родине.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Летом 1968 г., через год после семидесятилетнего юбилея, Поппе вышел в отставку. Он продолжал жить в Сиэтле, но связи с университетом штата Вашингтон у него почти прекратились. Администрация не проявляла интереса к бывшему своему профессору, научное значение деятельности которого она так и не оценила. Лишь некоторые из сотрудников Отделения восточноазиатских и славянских языков и литератур бывали у Поппе, среди них упоминавшийся Р.Э.Миллер и тюрколог Ильзе Лауде-Сиртаутас. Не удалось и сохранить школу монголистов в Сиэтле. Поппе пытался найти себе замену, однако для постоянной работы никого не удалось найти. Лишь его японский ученик Х.Окада, способный монголист, согласился занять кафедру учителя, но лишь на два года. Затем он вернулся в Японию, где активно работает и сейчас. История же монголистики в Сиэтле на этом кончилась.

Поппе продолжал научные занятия, но чувствовал себя забытым. Его одиночество несколько скрашивал профессор Г.Х.Шварц, работавший в менее престижном университете того же штата, Западно-Вашингтонском университете в Беллингхеме. Он наладил там преподавание монгольского языка и привлекал Поппе для консультаций. Впоследствии Шварц поможет Поппе в подготовке мемуаров, которые будут изданы в издательстве Западно-Вашингтонского университета; этому университету он завещает и основную часть библиотеки. Время от времени Поппе ездил в Европу, где теперь мог оставаться подолгу и не только в летнее время. Уже в 1980 г., когда Поппе было более восьмидесяти лет, он прочел курс лекций в Боннском университете, куда его пригласила вернувшаяся к тому времени в Германию И.Лауде-Сиртаутас. Европейские востоковеды относились к патриарху монголоведения и алтаистики с гораздо большим почтением, чем американские.

Знатоки ценили ученого. Его работы по-прежнему публиковались без каких-либо трудностей. Несмотря на возраст, он был бодр и продолжал много путешество-

вать. По американским меркам он не был богат, но ему не нужно было заботиться о материальных проблемах, быт был налажен. Ничто не отвлекало его от письменного стола. Но все же, как свидетельствует в некрологе о Поппе Р.Э.Миллер [Miller 1991], конец жизни ученого не был особо счастлив по нескольким причинам.

Прежде всего, как мы уже отмечали, Поппе так до конца и не прижился в чужой стране. Если в 50–60-е гг. он страдал от того, что надо было тратить много времени на преподавание элементарных курсов не слишком интересующимся наукой студентам, то теперь большую часть времени он был совсем один. Как пишет с горечью Поппе в воспоминаниях, в немецких и советских университетах отставные профессора остаются желанными гостями и к их советам прислушиваются, но в США это не так. За многие годы Поппе даже ни разу не пригласили на какое-нибудь университетское торжество.

Другая причина для огорчений находилась в чисто научной сфере. Как мы уже отмечали, алтайская гипотеза всегда имела сторонников и противников. Однако до 60-х гг. первые скорее преобладали (если не учитывать СССР в годы марризма), а вторые, вроде В.Л.Котвича, считали эту гипотезу скорее недоказанной, чем неверной. Но в 60-х гг. английский дипломат Дж.Клосон, по возрасту даже бывший старше Поппе, но начавший активно публиковаться лишь после выхода в отставку, выступил с опровержением алтаистики; один из вариантов его концепции опубликован в СССР [Клосон 1969]. Этот несомненно талантливый полемист не только предложил считать бесспорные тюрко-монгольские, тюрко-тунгусские и монгольско-тунгусские параллели результатом заимствований (что предлагалось и до него), но и подверг лексику алтайских языков статистическому анализу на основе так называемого метода глоттохронологии, разработанного в 50-е гг. американским лингвистом М.Свадешем. Этот метод, дополняющий традиционную компаративную методику, помогает устанавливать языковое родство прежде всего для языков, не имеющих письменно засвидетельствованной истории (см.: [Свадеш 1960]); сразу он получил большую популярность. Дж.Клосон стремил-

ся показать, что алтайское родство не подтверждается на основе данного метода и, следовательно, не просто должно считаться еще не доказанным, но вообще должно быть отвергнуто. Аргументация Дж.Клосона произвела большое впечатление, вслед за ним с антиалтаистических позиций выступили и профессиональные лингвисты: Г.Дёрфер в ФРГ и А.М.Щербак в СССР. Как отмечает Р.Э.Миллер в упомянутом некрологе, среди тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжуристов распространилось мнение о том, что алтайская гипотеза устарела, что новые, более точные методы показали ее неверность; лишь немногие (в их числе сам Р.Э.Миллер) продолжали ее развивать. Ученые младшего поколения все более смотрели на Поппе как на уважаемого предшественника, идеи которого уже не соответствуют современному уровню науки.

В поздних работах Поппе мало пишет о концепциях своих противников. Имя Дж.Клосона он явно старался реже упоминать, вероятно, исходя из того, что это востоковед-любитель, отвечать которому значит ронять свое достоинство. Отношение его к Г.Дёрферу и А.М.Щербаку было вполне уважительным, но он в рецензиях на их работы акцентировал внимание на тех сторонах их исследований, которые прямо не касались алтайской гипотезы. Отношение же Поппе к методу глоттохронологии, ассоциировавшемуся для него с Дж.Клосоном и антиалтаистикой, было резко отрицательным. В рецензии на вышедший в СССР алтаистический сборник Поппе с явным одобрением указывал на непопулярность глоттохронологии и особенно выделял направленную против этого метода статью Л.Г.Герценберга [Рорре 1972г, р.40-42]; по мнению Поппе, чтобы отказаться от глоттохронологии, достаточно сослаться на историю английского языка [Рорре 1972г, р.43]. В беседах с друзьями, по свидетельству Р.Э.Миллера, Поппе очень часто ругал антиалтаистов, постоянно повторяя в их отношении фразу «Горбатого могила не исправит», произносившуюся им по-русски. Существенно продвинул дальше алтайскую гипотезу и примирил ее с методом глоттохронологии ученый нового поколения — С.А.Старостин, но, как мы выше

уже отмечали, Поппе не успел ознакомиться с его работами.

Жизнь Поппе в 1977 г. несколько скрасил его восьмидесятилетний юбилей. Коллеги по университету штата Вашингтон все же вспомнили о нем, устроив прием в его честь. Вскоре вышла полная библиография его трудов за 1924–1977 гг., подготовленная Марией Аристой Сиртаутас, дочерью И.Сиртаутас-Лауде [Cirtautas 1977]. В том же году Поппе избрали членом-корреспондентом Финской академии наук, а в следующем году он стал членом Британской академии; как Поппе пишет в воспоминаниях, именно последним членством он гордился больше всего.

Но тогда же к прежним неприятностям прибавились новые. За короткий период с декабря 1977 г. по февраль 1979 г. Поппе потерял почти всех родственников: сестру, старшего сына и жену. Неожиданная смерть 52-летнего сына тяжело отразилась на нем, а потеряв жену, он на девятом десятке жизни оказался совсем один. Оставшийся сын навещал его, но у него была своя жизнь. Еще до того у Поппе начало ухудшаться зрение. В одном из последних писем И.В.Стеблевой он упоминает о том, что покойный сын подарил ему увеличительное стекло со вделанной в него лампочкой для чтения. Х.Г.Шварц рассказывал нам, как Поппе читал и писал, используя сильную лупу. Зрение всё ухудшалось, но старый ученый продолжал переводить монгольский эпос.

Поппе пришлось сократить свою научную деятельность. В 80-е гг. он опубликовал лишь одну научную монографию [Рорре 1986], хотя статьи по монголистике, надиктованные им, продолжали публиковаться до самой его смерти. В это время он во многом вынужденно обратился к жанру воспоминаний и подготовил свои «Реминисценции», о которых мы много уже здесь говорили.

Воспоминания, надиктованные Поппе, были подготовлены к печати упоминавшимся выше профессором Х.Г.Шварцем. Работа началась с 1979 г. Окончание мемуаров датировано январем 1982 г., вышли в свет они в следующем году [Рорре 1983]. По инициативе старого друга Поппе с берлинских времен С.Мураямы

(1908–1995) еще при жизни Поппе был издан их японский перевод [Поппэ 1990].

Как указывает сам Поппе, воспоминания во многом родились на основе устных рассказов о своем прошлом, произносимых Поппе в кругу младших коллег и друзей, не раз уговаривавших его записать эти рассказы. Во многих местах книги чувствуется, что они представляют собой запись не раз рассказывавшихся и, что называется, обкатанных сценок и анекдотов. В «Реминисценциях» чувствуется ясный ум этого уже очень пожилого человека, его хорошая память, наблюдательность, чувство юмора. В то же время они, как и всякие воспоминания, очень субъективны и часто характеризуют их автора больше, чем описываемые события.

Обычные для жанра мемуаров неточности в данном случае усугубляются не только большим временным расстоянием между годами их создания и описываемыми событиями, но и тем, что Поппе, живя в другой стране и уже начав терять зрение, не мог проверить и скорректировать сообщаемую информацию. Поэтому к воспоминаниям следует относиться с осторожностью в отношении имен, дат, а зачастую и фактов. Например, говоря о «чистках 1937 г.», он называет в числе их жертв, в частности, арестованных несколькими годами раньше М.Н.Сokolова и В.Н.Перетца (последний назван при этом Владимиром Михайловичем вместо Владимира Николаевича) и находившегося в 1935–1941 гг. на свободе А.П.Алявдина, а среди прочих эпизодов того времени описывает арест академика Е.Ф.Карского, умершего своей смертью еще в 1931 г. Немало неточностей и в отношении исторических событий. Например, дважды в книге выражено сожаление в отношении того, что США первыми из крупных держав в 1933 г. признали СССР; что, по мнению Поппе, открыло И.В.Сталину путь к репрессиям. Однако США как раз признали СССР последними среди крупных держав, другие установили с ним дипломатические отношения еще в 20-е гг.

Поппе не мог надеяться на то, что когда-нибудь его мемуары прочтут на его бывшей родине, и ориентировался на американского читателя. К тому времени он уже

достаточно хорошо знал, насколько этот читатель не знает ни российской географии и культуры, ни советской истории. Поэтому значительную часть книги занимает изложение подобной информации, вероятно, ставшее результатом сотрудничества с коренным американцем Х.Г.Шварцем. Поппе все время приходится пояснять, что такое отчество, кто такие доцент и кандидат наук, в чем особенности северо-русских «окающих» диалектов, что в Кисловодске и Ессентуках лечат минеральными водами и т.д. Еще больше места в книге занимает изложение русской и советской истории с начала века до Великой Отечественной войны. В большинстве здесь речь идет о событиях, в которых сам Поппе не участвовал, а выступал лишь как наблюдатель. Иногда здесь попадаются любопытные штрихи. Например, рассказано, как в годы гражданской войны петроградские обыватели, настроенные против большевиков, вдруг стали возлагать большие надежды на Н.И.Махно, потому что говорили, что будто бы под этим именем скрывается брат Николай II (на самом деле уже расстрелянный), а Махно — акроним: Михаил Александрович — Хранитель Нашего Отечества. Или воспоминание о том, как Поппе встретил в 1926 г. в Улан-Баторе известного в прошлом левого эсера, убийцу немецкого посла в Москве В.Мирбаха, Якова Блюмкина, который занимал там должность корреспондента ТАСС. Но в целом исторический рассказ Поппе почти не выходит за рамки общеизвестных у нас событий, данных в стандартной для США (а теперь во многом и для России) трактовке. «Реминисценции» пока не изданы по-русски и, думается, полностью издавать их не стоило бы: многое в них для нашего читателя просто излишне.

Но сокращенный их вариант мог бы быть интересен. О советской науке 20–30-х гг., особенно о гуманитарной, не так уж много мемуарных свидетельств. Можно спорить с его оценками Е.Д.Поливанова или Н.Я.Марра, можно пожалеть о том, что мы мало узнаем из них о В.М.Алексееве или Н.И.Конраде и вовсе ничего о И.А.Орбели или И.Ю.Крачковском, но и то, что есть о ряде отечественных востоковедов, достаточно интересно.

В воспоминаниях есть живая и любопытная картина научно-преподавательской среды как в СССР, так и в США. И безусловно, отражена в них личность самого Поппе, хотя, как мы уже отмечали, нельзя о ней судить только на основе «Реминисценций»: многое в них не вошло, и совсем не по забывчивости.

Отношение Поппе к советскому строю в воспоминаниях, как мы уже видели, резко отрицательно и выделяется даже по американским стандартам тех лет. В то же время в предисловии он подчеркивает, что пишет лишь о СССР тех лет, когда он там жил, и что к данному времени (то есть к 1982–1983 гг.) многое в этой стране изменилось по сравнению со сталинской эпохой.

Мемуары Поппе появились накануне перестройки. Изменились ли как-то его оценки в годы, когда ситуация в СССР стала стремительно меняться? По словам Х.Г.Шварца, Поппе избегал говорить об этом, но из того немногого, что прорывалось, Шварц заключил, что Поппе относился к перестройке скептически, считая невозможным реальное изменение общества под руководством М.С.Горбачева, выходца из партийной среды. Во всяком случае, датированное июнем 1988 г. предисловие к японскому изданию «Реминисценций», одна из последних по времени работ Поппе, не свидетельствует о каком-либо изменении отношения к его бывшей родине.

У нас же, как мы упоминали, в 70–80-е гг. на труды Поппе уже многие ссылались. Следует здесь отметить роль академика А.Н.Кононова, говорившего: «Без Николая Николаевича Поппе советское монголоведение не существует». Однако окончательное снятие табу с его имени произошло не ранее 1990 г. В начале этого года в руководстве Академии наук, тогда еще СССР, встал вопрос об отмене решений разных лет по поводу исключения из академии эмигрировавших ученых. Поппе из них был единственным, кто тогда еще здравствовал. Восстановления Поппе в академии долго добивался академик Д.С.Лихачев, помнивший Поппе по Ленинграду 30-х гг. Однако в список восстановленных тогда в академии Поппе не попал: не нашли документов о его исключении и

посчитали, что раз Поппе не был исключен, то и восстанавливать его не надо.

Поппе в это время уже было более девяноста лет. Он сохранял ясный ум, но практически полностью потерял зрение. В 1984 г. в возрасте 87 лет он последний раз посетил ПИАК, собравшийся на этот раз в старинном замке в ФРГ, последний доклад Поппе был впоследствии опубликован [Рорре 1989]. Осенью того же года Поппе получил книгу советского монголиста С.Ю.Неклюдова «Героический эпос монгольских народов», в авторской надписи на книге выражалась надежда на рецензирование. Поппе выполнил просьбу лишь заочно ему известного московского ученого. Рецензия [Рорре 1985] появилась очень скоро, она была очень положительной и содержала совет перевести книгу на западные языки. Это была последняя рецензия ученого.

Поппе успел если не прочесть, то хотя бы поддержать в руках и подготовленный по случаю его 90-летия сборник [Gedanke 1989], вышедший через два года после юбилея. Помимо научных статей ведущих монголистов стран Западной и Восточной Европы, США, Японии и КНР (нет лишь СССР и МНР), книга содержит продолжение библиографии трудов Поппе после 1977 г., составленной все той же М.А.Сиртаутас, и вступительную статью В.Хайсига и Х.Сагастера, где сказано, что, несмотря на многие тяжелые испытания, включая потерю родины, юбиляр сделал в науке очень много и дал новый импульс мировой алтаистике и особенно монголистике, в том числе в области методологии.

В декабре 1990 г. автор этой книги встречался в Токио со старым другом Поппе профессором С.Мураямой, стараниями которого только что вышли в свет «Реминисценции» на японском языке. Профессор рассказывал, что всего несколько дней назад он звонил Поппе в Сиэтл и сообщал о появлении книги, Поппе был бодр и весел и по-прежнему всем интересовался. Узнав от нас о подтверждении членства Поппе в АН СССР, Мураяма 10 декабря снова позвонил в Сиэтл, чтобы рассказать об этом. Поппе сказал, что об этом уже знает. Впрочем, уже после смерти Поппе выяснилось, что информация

оказалась ошибочной: решение об исключении Поппе из академии все-таки было. А тем временем не стало СССР, Академия наук превратилась в российскую, и теперь неясно, о чем вообще может идти речь.

Еще в декабре 1990 г. Поппе, которому было уже 93 года, показывал в телефонных разговорах ясный ум и интерес ко всему происходящему. Он пережил всех востоковедов своего поколения в СССР и на Западе и многих младших коллег. Даже Г.Д.Санжеев и О.Латимор, бывшие моложе его и тоже дожившие до весьма преклонного возраста, все-таки умерли раньше.

Но настал предел и этой долгой жизни. Поппе умер в Сиэтле в субботу 8 июня 1991 г., не дожив двух месяцев до 94 лет. Рассказывают, что он долго умирал и в последние дни вдруг начал разговаривать на китайском языке. А ведь в некрологе Э.Хениша, чуть ли не единственного его современника, одновременно занимавшегося монголистикой и китаистикой, Поппе ясно указывает, что не знает китайского языка [Рорре 1968г, р.71]. Говорить на этом языке он мог лишь в Чифу и Цицикаре, то есть в раннем детстве. И вот спустя почти девяносто лет, уходя из жизни, ученый вспомнил то, что, казалось бы, прочно забыл.

Остались десятки книг и сотни статей. По словам Х.Г.Шварца, Поппе не оставил после себя неизданных рукописей: всё, им написанное, пошло в дело и было опубликовано при жизни. Редкий случай для ученого! Впрочем, в Ленинграде, ставшем теперь Санкт-Петербургом, могут найтись какие-то материалы, оставленные Поппе в 1941 г.

Через полтора месяца после смерти Поппе на очередном ПИАКе в уже объединенном Берлине (последнем, на котором присутствовала делегация СССР) его память почтили вставанием. Однако большого резонанса даже там известие о его смерти не вызвало. Наука ушла дальше, ученые заняты другими проблемами.

Тем не менее научное наследие Поппе еще нельзя считать имеющим только исторический интерес. Немало фактов, введенных им в научный оборот, еще будут интерпретироваться и обобщаться, немало проблем, им по-

ставленных и в той или иной степени решенных, еще будут дискутироваться. Актуальной остается задача переиздания и русского перевода ряда его трудов.

Имя Поппе прочно вошло в историю мирового востоковедения. Но, как нам кажется, стоит задуматься и над его сложной судьбой и неоднозначной личностью. Когда-то первый советский шахматный чемпион мира писал в некрологе своему предшественнику: «Алехин был велик и принципиален в шахматном искусстве, но мелок и беспринципен как человек» [Ботвинник 1946, с.32]. Подходят ли такие слова к Поппе? Ученым он действительно был если не великим, то по крайней мере очень значительным. Его вполне можно считать крупнейшим алтаистом XX в. В науке он имел свои принципы, хотя были ситуации, когда и здесь ему принципиальности не хватало: достаточно вспомнить его заявления об отрицании языкового родства и праязыков, хотя, как видно из воспоминаний, Поппе никогда во всем этом не сомневался. А если говорить о Поппе как человеке, то он в разное время не только жил при трех очень разных и враждебных друг другу системах, но и добросовестно служил каждой из них. Не все ясно в деятельности Поппе в 1942–1945 гг., но достаточно указать на работу его пусть не в гестапо, но в системе СС, объявленного в Нюрнберге преступной организацией. А до того можно вспомнить и такие не украшающие ученого эпизоды, как участие в травле Е.Д.Поливанова, Б.Барадина и других объявленных «буржуазными» ученых (мы опять-таки говорим лишь о том, что документально известно). Все эти факты не означают, что научное наследие Поппе должно игнорироваться, как это долго делалось в нашей стране, но тень на биографию ученого это бросает. В то же время люди, знавшие Поппе, особенно в последние десятилетия его жизни, довольно единодушно отзываются о нем как о добром, мягком, симпатичном человеке.

Один из крупнейших алтаистов Д.Синор, хорошо знавший Поппе, говорил нам: «Поппе никогда не умел сказать “нет”». Нам эта характеристика кажется точной. Поппе не был ни коммунистом, ни фашистом, ни борцом с какой-либо из систем, при которых жил. Он был преж-

де всего ученым и думал о своей науке. Ему хотелось работать за письменным столом, заниматься со студентами, печатать результаты своих исследований. А жизнь ставила его не раз в такие обстоятельства, когда за это надо было платить.

Даже в самую тяжелую для советского языкознания пору были ученые, никогда не хвалившие Н.Я.Марра, не боровшиеся с «поливановщиной» и не отрицавшие языковое родство. Выступить с точкой зрения, противоположной официальной, не всегда было возможно, но кто-то хотя бы молчал, и достаточно многие из молчавших не были репрессированы. Но отказавшись от включения в свои сочинения абзацев и фраз, которые сейчас стыдно читать, Поппе мог поставить под удар свою карьеру, лишиться возможности активно печататься, а то и потерять работу. И он писал все, что от него требовали, и выпускал по несколько монографий в год. В 1942 г., когда война пришла на Кавказ, Поппе решил, что для него, этнического немца, переход на сторону гитлеровцев откроет возможность для возвращения на профессорскую кафедру, а все другие пути связаны с большим риском. Даже в 1952 г. он мог уклониться от дачи показаний об «антиамериканской деятельности» О.Латимора, но еще не укоренившийся в США «профессор-гость» с подмоченной репутацией счел за благо сделать все, что от него требовали, и на этот раз.

В своих компромиссах Поппе зашел слишком далеко. А что в результате? В истории науки XX в. мы имеем редкий пример человека, до конца реализовавшего свой научный потенциал. Трудно назвать ученого-гуманитария, столько написавшего, как Поппе, и издавшего при жизни практически всё. Пожалуй, с ним может сравниться из известных нам филологов лишь именитый японский языковед Ямада Ёсио, также издавший около пятидесяти монографий [Попов 1959, с.276]. Но жизнь Ямада, также долгая, была куда спокойней. Николай-Николаас Поппе, проиграв в своей человеческой репутации, победил в науке. Но победителей тоже судят.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Н.Поппе И.В.Стеблевой

[№ 1]

*Сеатл*¹. 19-го мая 1966 г.

Многоуважаемая Ия Васильевна.

Подтверждаю с благодарностью получение вашего милого письма от 3-го мая. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за Вашу книгу «Поэзия тюрков VI–VIII вв.»². Я прочитал ее с большим удовольствием и установил, что это серьезная и стоящая работа. Поэтому я и откликнулся на нее посылкой своих работ. Рад узнать, что Вам мои работы знакомы и что Вы находите их полезными. Я ценю такие замечания. Хотя я и живу здесь, я пишу в первую очередь для своих соотечественников. И меня радуют успехи и достижения молодого советского поколения наших ученых. Если у Вас имеются какие-либо особые пожелания насчет здешних или западноевропейских научных изданий, то буду рад выслать их по мере возможности. Благодарю за добрые пожелания и приглашение.

С искренним приветом и лучшими пожеланиями.

Уважающий Вас *Поппе*.

[№ 2]

6-го ноября 1966 г.

Дорогая Ия Васильевна,

Подтверждаю с благодарностью получение Вашего милого письма и альбома видов Ленинграда, которому я очень обрадовался. Ваше письмо дало мне возможность составить себе более ясное представление о Вас. Очень сочувствую Вам, что Вам не удалось поступить на работу по специальности и что так нелепо получилось с по-

ступлением в аспирантуру³. Н.К.Дмитриев⁴ был очень странный человек. Я знал его лично довольно хорошо, хотя мы никогда не были близки друг другу. Он был очень мнителен, болезненно самолюбив, обидчив, подозрителен, обладал очень едким, злым языком, всегда придумывал обидные прозвища [...], хотя и хороший ученый [...]. Он и в мое время безумно боялся всего и всех⁵ и во всех видел доносчиков, тайных осведомителей и т.п. Жаль, что Вам пришлось учиться у него, а не у А.Н.Кононова, Баскакова или А.К.Боровкова⁶ или даже у С.Е.Малова⁷ (уютный был старикан, хотя тоже чудак). Меня Вы напрасно причислили к категории выдающихся тюркологов, т.к. я занимался тюркологией лишь попутно и ничего кроме неск[ольких] статей о чувашском языке, о чагатайском Мукаддимат ал-Адаб и татарской, якутск[ой] и башкирск[ой] грамматик⁸ не опубликовал. Но вы правы, считая А.Н.Самойловича выдающимся ученым. Самые крупн[ые] русск[ие] тюркологи – это П.М.Мелиоранский⁹ и его ученик А.Н.Самойлович¹⁰, если оставить в стороне Радлова¹¹, не бывшего по национальности русским.

Вы упомянули Фрая¹². Я его знаю, встречал несколько раз. Он хороший иранист, знает и армянск[ий] язык и турецкий. Приятный и остроумн[ый] собеседник. Очень талантливый человек, хорошо говорит на разн[ых] языках. Прилично говорит по-русски. С ним приятно провести время. Тем не менее я ему не доверяю и считаю его ловкачом, карьеристом и пролазой. Советую держать с ним ухо остро.

Очень надеюсь и желаю, чтобы Вам удалось поступить в Ин-т народов Азии АН СССР¹³. Будем надеяться, что это удастся и Ваши усилия увенчаются успехом.

Искренне благодарю Вас за все то лестное, что Вы сказали обо мне. Все же остается фактом, что, хотя мои работы и читаются, как Вы пишете, все же они почему-то не цитируются, словно соотв[етствующим] работникам неловко, неудобно цитировать меня. Я лично с удовольствием приехал бы в Ленинград и Москву, побывал бы в институтах, повидался бы с разными людьми. Вопрос этот упирается главным образом в финансовую проб-

лему: дорого ехать и дорого жить в СССР. Доллар равняется приблизительно 90 копейкам. За доллар с половиной здесь можно пообедать в лучшем ресторане, а великолепный костюм стоит 50 долл. Чтобы съездить в СССР, надо истратить несколько тысяч долл., которых у меня нет. Фрай умеет доставать тысячи, а я не умею. В этом разница между нами.

С искренним приветом и лучшими пожеланиями к наступающему Новому году. Ваш Поппе.

Приписка: А как Вы узнали мой точный адрес? Не от Алиева¹⁴ ли? Он был у меня.

[№ 3]

31-го июля 1967 г.

Дорогая Ия Васильевна,

Ваше милое письмо от 11.XII. прошлого года я получил в конце января с.г., т.е. по возвращении из Канады, где я гостил у сына. Простите великодушно за задержку в ответе. Вы, вероятно, решили, что я здесь на чужбине позабыл даже те хорошие манеры, которые у меня были когда-то. Дело объясняется иначе. В начале февраля, т.е. когда я хотел писать Вам, у нас произошла беда: когда мы шли вечером в 9 ч. от трамв[айной] остановки домой, на нас напал бандит, сильно толкнувший жену с тротуара на мостовую и вырвавший у нее, когда она падала, сумочку, где были деньги (Бог с ними!), но главное — документы. Она сильно расшиблась. Пришлось вызывать скор[ую] помощь, полицию и т.д. Потом она, конечно, поправилась, но пришлось покупать нов[ые] очки (а у нее они спец[иальные] и очень дорогие), а также идти к дантисту, вставлять зубы и т.п. Все это влетело в копеечку, а главное — было страшно неприятно и отодвинуло на задн[ий] план все остальное. А потом то да се и вот получилось, что уже август на дворе, а я отвечаю на Ваше декабрьское письмо только сейчас.

Содержание Вашего письма меня сильно обрадовало. Правда, я и до него читал некоторые статьи, в кот[орых]

имеются ссылки на меня, но некоторых из них я не видел, т.к. их у нас нет в биб[лиоте]ке. Жаль Иллича-Свистыча¹⁵: погиб во цвете лет, а талантливый и весьма осведомленный и культурный ученый!

Надеюсь, что текущий год для Вас удачный. В свое время я не пожелал Вам счастья и удачи в новом году. Но добрые пожелания всегда кстати и не зависят от времени года. Шлю их сейчас.

Не так давно вышла моя небольшая статья в сб[орнике] памяти Арата¹⁶, которого я хорошо знал лично. Она посвящена вопросу о конструкциях типа башкирск. *кулбаш*, которые распространены в тюрк[ских] языках гораздо больше, чем можно было бы думать (*кулбашы* было бы естественнее с точки зрения изафетн[ых] конструкций).

Через неск[олько] дней я уезжаю в Канаду к сыну.

С искренними пожеланиями всего лучшего.

Ваш Поппе.

[№ 4]

20-го января 1969 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Искренне благодарю Вас за милое письмо и со своей стороны желаю Вам и Вашим всего наилучшего в наступающем году. Хотя Вы и молоды, желаю и Вам доброго здоровья, а главное – душевного покоя и больше жизнерадостности. Рад был узнать, что совершили приятную и богатую впечатлениями поездку в Таджикистан. Средняя Азия удивительная страна. Меня всегда поражали величественные остатки древней культуры. Подумать только, что когда на Днепре свергали в пучину его деревянного идола Перуна, в Средней Азии уже существовала богатая городская культура!

Вы упомянули в письме своем В.М.Жирмунского¹⁷. Я его хорошо знал, но не могу сказать, чтобы он мне нравился. Очень уж вкрадчивый, тихий. Мне было жаль его, когда во время оно, в период культа личности он по-

страдал и на некоторое время был изъят из обращения¹⁸, но думаю, что он вышел оттуда еще менее искренним, чем был до своих злоключений. Главное, что мне не нравилось в нем, то, что он слишком уж легко приемлет разные модные течения. Так, напр[имер], он был одним из первых примкнувших к Марровскому новому учению о языке. С такою же легкостью он от своей германистики перескочил на фольклор тюрков, не зная совершенно тюркских языков. Было бы полбеда, если бы он только писал, но он еще принимается критиковать других, не имея данных для этого, а главное — не имея никакого права на это. Значит, наш «приятель» Фрай опять был в СССР. Это хорошо, что Вы ни в какие рассуждения с ним не пускались. С ним можно влипнуть в неприятную историю.

Мне жаль, что Вам не удалось побывать на конференции алтаистов в Копенгагене. Меня там тоже не было, т.к. у нас в то время еще были занятия в университете, а мне предстояло быть председателем на защите одной докторской диссертации. В буд[ущем] году на конференцию также не поеду, т.к. каждый раз, когда я беру заграничный паспорт, мне приходится давать подписку в том, что не собираюсь в Албанию, Китайск. Нар. Респ. и ГДР¹⁹. Почему такая триада, не знаю, но это факт. Зайончковского²⁰ я хорошо знаю. Он хороший ученый, но он какой-то надутый и, по-видимому, преувеличенно высокого мнения о себе.

Вы спрашиваете, что я мог бы посоветовать Вам в качестве пособий для изучения письменно-монгольского языка. Грам. советую прочитать мою (изд. 1937 г., грам. письменно-монг. яз., Изд. Ин-та востоков. Ак.Н.СССР²¹), а лучшими для начинающих текстами являются следующие [...]. Но меня удивляет, что старомонг. язык нигде не преподается. Ведь изучение совр. монг. языка без старого все равно, что изучать итальянск. без латыни или русск. без церковнославянского.

Заканчиваю на этом, еще раз желаю Вам всего доброго.

Ваш Понне.

Сеатль, 8-го сент. 1970 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Большое спасибо за прекрасную книгу туркменск[их] сказок²² и оттиск статьи «Еще раз об орхонских текстах»²³. Получил я обе вещи лишь несколько дней назад, т.к. я отсутствовал целый год: был приглашен прочитать несколько курсов в боннском университете. В общем и целом я отсутствовал с 1-го сент[ября] 1969 г. по 1 окт[ября] 1970 г.²⁴ Университет[ский] год начинается в Бонне 1-го окт[ября] и продолжается до 15-го июля. С 15 июля до 1-го сент[ября] путешествовал по Скандинавии и Финляндии. Последняя произвела на меня особенно приятное впечатление. За 50 лет своей независимости она превратилась в первоклассную европейскую страну: прекрасные асфальт[овые] дороги, полностью электрифицировано, масса автомобилей (даже у мелких служащих), много моторн[ых] лодок (даже у крестьян и рабочих)²⁵, новомодные дома и т.д. В бытность мою в Германии мне рассказывали об алтайск[ой] конференции в ГДР²⁶, в частности упоминали и хвалили Ваш доклад. О нем хорошо отзывалась проф. Циртаутас²⁷, которую я хорошо знаю. Я быть на конференции не мог, т.к. в то время я укладывался перед дорогой и находился еще в Сеатле. Дело в том, что мне предоставили квартиру в университет[ском] доме в Бонне с 25 сент[ября] 1969 г. Если бы я поехал на конфер[енцию] в августе, то где бы я жил между конф[еренцией] и началом акад[емического] года? В гостинице? Это обошлось бы мне в 10–15 долл. в день, т.е. 300–450 д. в месяц, каких денег у меня нет, т.к. я на пенсии с 1968 г., а пенсии и здесь не таковы, чтобы на них жить в гостиницах. Зарплата же мне в Бонне пошла лишь с 1 окт[ября]. Зато я был в Страсбурге²⁸. В предварит[ельном] списке участников значились имена 20 сов[етских] ученых, в том числе и Ваше. Каково же было разочарование, когда ни один из сов[етских] ученых не приехал! Из солидарности с ними отменили свой приезд и монголы. Почему, никто понять не мог. Франция – страна нейтральная

и благожелательная по отнош[ению] к СССР. Но, как говорил мой покойный друг С.Е.Малов, «начальство мудро и знает почему».

Большое спасибо Вам, дорогая Ия Васильевна, за милое письмо. Очень сожалею, что нам не пришлось встретиться, а еще больше сожалею, что нам никогда не пришлось поработать вместе. Надеюсь, что Вы с мужем хорошо поездили по Средней Азии, освежились и набрались новых впечатлений. Впрочем, письмо-то Ваше давешнее, а поэтому за суетой повседневной жизни все впечатления вероятно успели давно поблекнуть и исчезнуть. Что касается меня, то первое время у меня уйдет на устройство, т.к. все вещи были упакованы и сложены в кладовку. Надеюсь устроиться уже через неск[олько] дней и приступить к работе. Думаю заняться переводом и комментированием эпических произведений монголов, а именно героическ[ого] эпоса²⁹. Когда разберусь в своих пожитках и найду свои отдельн[ые] оттиски, то кое-что pošлю Вам.

Пока же остаюсь с искренними пожеланиями всего доброго и с приветом.

Ваш *Понпе*.

[№ 6]

Сиатль, 14 янв. 1971 г.

Дорогая Ия Васильевна,

Большое спасибо за новогоднее поздравление и за милое письмо от 14.XII.1970 г.

Напрасно вы думаете, что занятия туркменскими сказками я считаю легкомыслием. Если бы я так думал, то я должен был бы считать себя легкомысленным человеком, т.к. я сам собирал монгольские, бурятские, тунгусские и солонские сказки и издал их порядочное количество. Говоря о другом, хочу сказать, что мы все, т.е. присутствующие, были очень огорчены, когда в Страсбурге стало известно, что никто из наших советских коллег на конференцию не приедет. Кто-то распустил неле-

пый слух, что якобы вам всем билетный агент забыл (?) достать билеты, слух по той причине нелепый, что все агенты в Ленинграде, Москве, Баку и т.д. едва ли одновременно забыли бы про билеты. Насчет поездки на конференцию в Венгрию³⁰ я не уверен, т.к. здесь все уже получили приглашения, а я нет. Не знаю, как в Венгрии относятся ко мне. Возможно, что не решатся пригласить, как не пригласили на съезд в авг[усте] 1970 г. монголы³¹. Приглашения я не получил, но ряд частн[ых] писем («так хотелось бы, чтобы Вы приехали, но понимаете ли...») получил. Конечно, я понимаю, но все же недоумеваю, т.к. период «культы личности» давно прошел и бояться, как будто, не следовало бы. Я решил написать на Ваши туркм. сказки рецензию³². Бояться не надо: ругать не буду, книга хорошая.

Оттиски Ваших новейших статей я получил. Прочитал их с интересом и за присылку благодарю.

Со своей стороны посылаю Вам оттиск статьи о некот[орых] монгольск[их] словах, употребляемых в выпр[ен]нем («высоком») стиле³³ и 2 рецензии на тюркологические работы.

Желаю Вам счастья и удачи в новом, только что начавшемся году, успеха в Вашей научной работе. Всего доброго.

Ваш *Поппе*.

[№ 7]

18-го мая 1971 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Думаю, что Вам было бы приятно прочитать мою рецензию на Вашу книгу³⁴, а поэтому посылаю Вам 2-ой экз[емпляр] корректуры (впрочем, не содержащий ни одной опечатки). Когда рецензия выйдет в свет, я, конечно, pošлю Вам несколько окончательных экземпляров, чтобы Вы могли послать их лицам, ценящим Вашу книгу и считающимся с моим мнением о ней.

С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом.

Ваш *Поппе*.

5-го июля 1971 г.

Дорогая Ия Васильевна,

Большое спасибо за Ваше милое письмо и целый пакет Ваших произведений, содержащий Вашу чудесную книгу «Развитие тюркских поэтических форм в XI веке» и интересные статьи «Некоторые особенности тюркского стиха», «Древнетюркская книга гадания как произведение поэзии» и «Извлечения из трактата Бабур по стихосложению (Арузу)»³⁵. Особенно ценю ваши милые посвящения. Что Вы посвятили книгу памяти А.Н.Самойловича, я считаю правильным и очень одобряю. Я очень хорошо знал Александра Николаевича не только как его студент, но и как коллега и друг впоследствии. Он был милейший человек – отзывчивый, приветливый и очень добрый. Интересно, что он недолюбливал Дмитриева, которого и я считал не очень приятным человеком, чтобы не сказать больше. [...] Александр Николаевич относился неприязненно лишь к очень немногим людям. Я хорошо знал и его супругу Раису Григорьевну. Мне было страшно жаль его, и его судьба отчасти явилась причиной моего невозвращения.

О путешествиях мне приходится думать все меньше и меньше. Хотя я довольно активен и подвижен, все же мне уже 74 года. Возраст не тот. Год в Европе (в прошлом году) мне все же показался утомительным.

Вчера здесь стала известна гибель советских космонавтов³⁶. Все газеты полны сообщений о похоронах их. Весть об их трагической гибели произвела сильное впечатление на всех.

С искренним приветом и наилучшими пожеланиями.

Ваш *Понне*.

26-го декабря 1971 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Искренне благодарю за Ваши поздравления с Новым Годом и с наступлением рождественских праздников и со своей стороны желаю Вам и Вашему мужу всего наилучшего в Новом году – успеха в работе, здоровья и радости в жизни. Вы спрашиваете насчет моей рецензии. Она, к сожалению, все еще не вышла в свет, хотя корректуры ее я подписал к печати уже очень давно, когда я послал Вам 1-й экз[емпляр] корректуры. В том же Central Asiatic Journal должен появиться написанный мною некролог Мостара, очень крупного монголоведа, скончавшегося в июне³⁷, и еще др. рецензии (мои же) на разные книги, в их числе на татарск[ое] «Татар халык табышмаклары»³⁸. Не пойму, в чем задержка. Само собою разумеется, что я вышлю Вам несколько экземпляров моей рецензии на Вашу книгу, как только рецензия выйдет в свет и я получу отд[ельные] оттиски.

Здесьнее протестантское рождество уже кончается. Все время лил дождь, а сегодня выпал снег и похолодало, но до русской зимы далеко!

С наилучшими пожеланиями всего доброго.

Ваш *Поппе*.

25-го ноября 1975 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам и Вашему супругу удачи и всего наилучшего в 1976 г., который может представить нам случай встретиться, если Вы предполагаете быть на Алтаеведческой конференции в

Финляндии в июне 1976 г. Я собираюсь поехать туда. Было бы очень хорошо, если бы и Вы были там.

О себе могу сообщить очень мало интересного. Старею, чувствую себя менее свежим и энергичным, чем раньше (что неудивительно, когда мне уже 78 лет), но стараюсь не поддаваться, работаю (хотя я и в отставке), печатаюсь. Но все это делается автоматически, и выход в свет новой статьи или даже книги уже не волнует и не взбудораживает. Завидую Вам, молодым: каждая новая книга приносит Вам радость. Когда-то и я испытывал ее. А теперь все стало примитивным, ежедневным, будничным. Меня выводят из такого состояния только встречи с молодыми соотечественниками. Так, в июне этого года был здесь М.В.Софронов³⁹. Прочитал прекрасный доклад и произвел на всех очень хорошее впечатление.

В заключение еще раз желаю Вам всего, всего самого прекрасного.

Ваш *Поппе*.

[№ 11]

28-го декабря 1975 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Сердечно благодарю Вас за новогодние поздравления и надеюсь, что Вы получили мою поздрав[ительную] карточку. Целью этого письма является дать Вам знать, как я рад, что Вы защитили диссертацию и получили докторскую степень⁴⁰. Искренне поздравляю Вас с этим важным событием, одним из главных в жизни ученого, означающим, что Вы теперь официально и окончательно признаны ученым миром.

В июне наступающего года в Гельсинки (вернее, близ Г., в живописном местечке) состоится Международная алтаистическая конференция, на которой Вы, кажется, были в Восточной Германии (Демократ[ической] Республ[ике] Герм[ании]). Я собираюсь поехать туда, т.е. Гельсинки. Было бы приятно встретиться с Вами, если Вам удастся тоже приехать. Надеюсь также, что там

будут ученые из тюркских республик и монголы. О себе могу сообщить очень мало интересного. Живу по-стариковски, доживая свой 79-й год и готовясь к 80-му, но на здоровье или что-нибудь пожаловаться не могу и продолжаю работать, насколько хватает сил.

Если у Вас есть адрес академика Константина Кузьмича Юдахина⁴¹, моего большого друга, то пошлите ему пожалуйста от меня сердечный привет. Что Андрей Николаевич избран в действ[ительные] члены Ак. наук СССР⁴², мне было известно. Я очень рад за него.

С искренним приветом и пожеланиями всего наилучшего.

Ваш *Поппе*.

[№ 12]

5-го января 1977 года.

Дорогая Ия Васильевна!

Большое, сердечное спасибо за милые новогодние поздравления! Надеюсь, что и Вы получили мои заблаговременно посланные благие пожелания.

Мне очень жаль было узнать, что Вы схватили воспаление легких и долго проболели. Но хорошо, по крайней мере, что Вы уже успели поправиться. Вы моего письма, посланного вскоре после конференции в Хельсинки, не получили. Я был в Хельсинки и был горько разочарован тем, что Вас не было. Теперь понимаю: Вы тогда как раз лежали с воспалением легких. Но жаль, жаль, какой был случай наконец встретиться! Из знакомых мне соотечественников там был только Н.А.Баскаков. Хорошо помню его, когда он был студентом. Он ведь немного моложе меня. Из полузнакомых была Гаджиева⁴³. Я ее не знал, но встречал ее супруга Б.А.Серебренникова⁴⁴. Я представлял себе Гаджиеву смуглой, настоящей азербайджанкой, а она оказалась блондинкой, говорящей на чистейшем русском языке! Остальные были незнакомые мне татары, башкиры, туркмены и киргизы. Надеялся повстречаться со старой знакомой

Н.П.Шастиной (монголисткой)⁴⁵ и тунгусоведками В.И.Цинциус⁴⁶ и К.А.Новиковой⁴⁷, но и они не приехали. Жаль. Но конференция была интересная, встретил всех своих европ[ейских] и америк[анских] коллег, а после конференции поездил по стране, после чего погостил у своего приятеля Гуннара Ярринга (в Швеции), которого Вы вероятно знаете: его все знают в СССР и очень любят⁴⁸. Он славный и высокопорядочный человек.

О себе могу сообщить мало нового: старею. В этом году будет 80 лет с тех пор, как я появился на этом свете. Наступает девятый и последний (притом вероятно весьма неполный) десяток. Пора, пора...

Заканчивая, шлю Вам свои наилучшие пожелания и искреннейший привет.

Ваш *Поппе*.

[№ 13]

6-го октября 1978 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Большое Вам спасибо за милое, как всегда, письмо. Рад, что Вы рецензии получили и что моя рецензия Вашей книги⁴⁹ Вам понравилась. Радуюсь, что моя цель уже достигнута. Книги Ögel, Türk mitolojisi I⁵⁰, к сожалению, здесь нет, иначе сделал бы немедленно зерокс-копию. Я попросил, однако, нашего сотрудника, профессора из Турции, написать в Анкару, чтобы книгу немедленно купили и возд[ушной] почтой выслали мне. Писать в книжн[ый] магазин – бесполезно. Нужно, чтобы кто-нибудь пошел, купил, сделал бандероль и собственноручно отправил обязательно заказным пакетом (с незаказного снимут марки, которые продадут вторично). Таким образом, если я книгу получу, это произойдет недели через 2–3, и тогда я вышлю ее воздушной же почтой Вам. О стоимости не беспокойтесь: я у Вас в долгу, как в шелку. Мне будет только приятно, что смогу оказать Вам услугу.

Пишу письма и стараюсь работать и не думать о самом страшном. Дело в том, что мой сын, которому лишь 51 год, умирает от рака печени. Ужасная болезнь. Все время был здоров, почувствовал себя вдруг неважно (дурнота), пошел к врачу, решившему, что это, возможно, лишь камни в желчн[ом] пузыре, положили в больницу, а там обнаружили огромную опухоль в самой середине печени, а кругом несколько небольших. Печень оперировать нельзя. Она не болит, а поэтому заранее никаких симптомов нет. Это меня убивает: пора бы самому отправиться на тот свет, а тут вдруг хороню сына, который почти вдвое моложе меня. Вот, какова судьба. Никогда не знаешь, когда тебя прихлопнет. Все это пишу Вам только потому, что Вы так мило относитесь ко мне и пожалеете меня. А мне доброе отношение и сочувствие сейчас очень и очень нужны.

С наилучшими пожеланиями.

Ваш *Поппе*.

[№ 14]

Сеатл, 2-го ноября 1978 г.

Дорогая Ия Васильевна!

Одновременно с этим письмом отправляю Вам заказной бандеролью и воздушн[ой] почтой книгу Ögel, Türk Mitolojisi I cilt. Надеюсь, что Вы получите ее в ближайшем времени. Заказывать книги у книжных магазинов или у издателей в Турции безнадежное дело. Нужно иметь знакомого или европеизированного коллегу там на месте, писать ему и просить не полениться зайти в такой-то магазин и купить такую-то книгу. Так поступаю я. Я написал туда в начале октября, а вчера получил книгу. Если у Вас имеются какие-либо другие дезидерата⁵², то напишите.

С искренним приветом и наилучшими пожеланиями.

Ваш *Поппе*.

22-го ноября 1978 г.

Дорогая Ия Васильевна!

От всей души благодарю Вас за сердечное, теплое письмо. Такой громадной потери, как смерть сына во цвете лет, ничем возместить нельзя, но теплые слова сочувствия помогают нести крест, возложенный неумолимой судьбой.

Да, я работаю в меру сил. Это меня отвлекает, хотя слишком многое мне напоминает о сыне: вот увеличительное стекло со вделанной в него электр[ической] лампочкой [для чтения]⁵³, а вот словарь англ[ийских] предлогов с указанием, когда какой употребляется – все его подарки.

Искренне благодарю Вас за 2 тома тюрколог[ического] сборн[ика]. Рад, что один из них посвящен памяти А.Н.Самойловича⁵⁴. Помещенная в нем биография не плоха, лишь опущены последние годы его жизни. Для полноты необходимо и указание причин смерти: умер от рака, так от рака, от сердечн[ого] припадка, так припадк⁵⁵.

Как я писал Вам 2-го ноября, я в тот же день послал заказной бандеролью и воздушн[ой] почтой книгу Türk Mitolojisi. Я получил ее из Турции удивительно быстро. Надеюсь, что возд[ушной] почтой она уже прибыла к Вам.

Я в этом году не в силах писать поздравления к Новому Году: невеселый у меня Нов[ый] Год. Поэтому я теперь пожелаю Вам всего наилучшего в наступающем году. Вы молоды и можете быть счастливой. Так вот, побольше Вам счастья!

Искренне Ваш *Понне*.

КОММЕНТАРИИ

¹ Сизтл.

² Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII вв. М., 1965.

³ Учиться в аспирантуре И.В.Стеблевой не удалось.

⁴ Дмитриев Николай Константинович (1898–1954) – видный советский тюрколог, член-корреспондент АН СССР. В воспоминаниях Поппе его характеристика отсутствует.

⁵ Н.К.Дмитриев был религиозен, что, возможно, сказывалось на его поведении в 30–40-е гг.

⁶ Академик А.Н.Кононов (1906–1986), профессор Н.А.Баскаков (р.1905), член-корреспондент АН СССР А.К.Боровков (1904–1962) – видные советские тюркологи, входили в научное окружение Поппе 30-х гг.

⁷ Малов Сергей Ефимович (1880–1957), видный тюрколог, впоследствии член-корреспондент АН СССР, принадлежал к числу учителей Поппе, его характеристика дана Поппе в воспоминаниях.

⁸ Статьи о чувашском языке – см. статью [Поппе 1925б] и брошюры [Поппе 1925в; Поппе 1927г]. О чагатайском Мукаддима ал-Адаб см. [Рорре 1951б]. Грамматики см. соответственно [Рорре 1963б; Поппе 1926а; Рорре 1964а].

⁹ Мелиоранский Платон Михайлович (1868–1906) – видный русский тюрколог – филолог и лингвист, профессор Петербургского университета.

¹⁰ Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) – крупнейший тюрколог, академик, один из учителей Поппе. О нем Поппе много пишет в воспоминаниях.

¹¹ Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837–1918) – крупнейший тюрколог XIX в., академик. Родился в Германии и закончил Берлинский университет, с 1858 г. до конца жизни – в России.

¹² Фрай (р.1920) – американский иранист-филолог.

¹³ И.В.Стеблева поступила на работу в Институт народов Азии АН СССР (ныне Институт востоковедения РАН) в 1967 г. и работает в нем до настоящего времени.

¹⁴ Речь идет об азербайджанском востоковеде Р.Алиеве (тогда работал в Москве).

¹⁵ Иллич-Свитыч Владислав Маркович (1934–1966) – выдающийся советский лингвист-компаративист, основатель ностратики. Мнение о нем Поппе см. также в рецензии [Рорре 1962б].

¹⁶ Rorpe N. On Some Turkic Nominal Phrases and Compound Nouns. – Türk kültürünü araştırma enstitüsü, Yayinlari: 19, Seri: 1 – Sayi: A2: Ankara, 1966. (Reşid Rahmeti Arat için).

¹⁷ Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – советский германист – лингвист и литературовед, академик. Не упоминается в воспоминаниях Поппе.

¹⁸ В.М.Жирмунский трижды, в 1933, 1935 и 1941 гг., на короткое время арестовывался (от нескольких дней до нескольких месяцев). В 1949 г. обвинялся в космополитизме и был уволен из ЛГУ, хотя со-

хранил работу в академическом Институте языка и мышления (затем Институт языкознания). Неясно, о каком из этих событий пишет Поппе.

¹⁹ Такая дискриминационная система (включавшая также КНДР и Кубу) долго существовала в США в период «холодной войны». В отношении КНР и ГДР отменена в начале 70-х гг.

²⁰ Зайончковский Ананиаш (1903–1970) – видный польский тюрколог.

²¹ Речь идет о работе [Поппе 19376].

²² Проданный сон. Туркменские народные сказки. Составление, перевод с туркменского, вступительная статья и примечания И.В.Стеблевой. М., 1969.

²³ Стеблева И.В. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии. – Народы Азии и Африки, 1969, № 2.

²⁴ Описка: 1 октября вместо 1 сентября.

²⁵ Ср. детское желание Поппе, описанное в воспоминаниях: иметь моторную лодку и плавать в Финляндии по рекам и озерам.

²⁶ Речь идет о ПИАКе 1969 г.

²⁷ Циртаутас (Сиртаутас) Илзе – тюрколог. В 60-е годы работала с Поппе в Сизтле, затем переехала в ФРГ.

²⁸ Речь идет о ПИАКе 1970 г.

²⁹ Намерение было реализовано, см. [Поппе 1975а; 1977; 1980].

³⁰ Речь идет о ПИАКе 1971 г.

³¹ В МНР в 1970 г. происходила международная конференция монголоведов.

³² Рецензия Поппе на упомянутую выше книгу «Проданный сон» опубликована в *Central Asiatic Journal*, 15, 1971.

³³ Poппe N. On Some Honorific Expressions in Mongolian. – *Studies in General and Oriental Linguistics*. Tokyo, 1970.

³⁴ См. примечание 32.

³⁵ Речь идет о работах И.В.Стеблевой: монографии «Развитие тюркских поэтических форм в XI веке», М., 1971; и статьях: Некоторые особенности тюркского стиха. – *Советская тюркология*, 1970, № 5; Древнетюркская «Книга гаданий» как произведение поэзии. – *История, культура, языки народов Востока*. М., 1970; Извлечения из трактата Бабура по стихосложению (арузу). – *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. Ежегодник, 1968. М., 1970.

³⁶ Космонавты Г.Т.Добровольский, В.Н.Волков и В.И.Пацаев погибли при возвращении из космоса 30 июня 1971 г.

³⁷ Poппe N. Antoine Mostaert. *C.I.C.* Aug.10, 1881 – June 2, 1971. – *Central Asiatic Journal*, 15, 1971.

³⁸ Опубликовано в *Central Asiatic Journal*, 15, 1971.

³⁹ Софронов Михаил Викторович (р.1929) – китаист и тангувед.

⁴⁰ И.В.Стеблева защитила докторскую диссертацию в ноябре 1975 г.

⁴¹ Юдахин Константин Кузьмич (1890–1975) – видный тюрколог, проработавший большую часть жизни в Киргизии, академик Киргиз-

ской академии наук. Поппе в декабре 1975 г. не знал, что Юдахин умер еще в марте этого года.

⁴² А.Н.Кононов был избран академиком в 1974 г.

⁴³ Гаджиева Нинель Зейналовна (1926–1991) – лингвист-тюрколог.

⁴⁴ Серебренников Борис Александрович (1915–1989) – специалист по общему и финно-угорскому языкознанию, академик.

⁴⁵ Шастина Нина Павловна (1898–1980) – монголист-историк и филолог.

⁴⁶ Цинциус Вера Ивановна (1903–1981) – крупнейший советский специалист по тунгусо-маньчжурским языкам, знакомая Поппе со студенческих лет. В книге [Рорре 1965а] и в воспоминаниях ей дается очень высокая характеристика.

⁴⁷ Новикова Клавдия Александровна (р.1913) – советский тунгусо-маньчжурист из школы В.И.Цинциус.

⁴⁸ Ярринг Гуннар (р.1912) – видный шведский ученый-тюрколог и дипломат, был послом Швеции в СССР.

⁴⁹ «Развитие тюркских поэтических форм в XI в.».

⁵⁰ Ögel V. Türk mitolojisi. I Cilt. Ankara, 1971.

⁵¹ Старший сын Поппе Валерьян, умер в октябре 1978 г.

⁵² Пожелания.

⁵³ Свидетельство того, что Поппе к этому времени уже начал терять зрение.

⁵⁴ Речь идет о книге Тюркологический сборник. 1974 . М., 1978. А.Н.Самойловичу в нем посвящена биографическая статья Ф.Д.Ашнина.

⁵⁵ Не только Поппе, но и советские тюркологи в 1978 г. ничего точно не знали о причинах смерти А.Н.Самойловича. Лишь в последние годы подтвердились предположения о том, что он был расстрелян.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1992а – *Алпатов В.М.* Лингвистическое наследие Н.Поппе. – Вопросы языкознания, 1992, № 3.
- Алпатов 1992б – *Алпатов В.М.* Памяти Николаса (Николая Николаевича) Поппе. – Восток, 1992, № 1.
- Алпатов 1993 – *Алпатов В.М.* Николай Николаевич Поппе. – Бюллетень Российской ассоциации монголистов. М., 1993.
- Бобровников 1849 – *Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Ботвинник 1946 – *Ботвинник М.* Александр Алехин. – Огонек, 1946, № 19.
- Владимирцов 1927 – *Владимирцов Б.Я.* Надпись на скалах халхаского Цокту-гайджи. – Известия АН СССР, т.21, 1927, № 3–4.
- Владимирцов 1929 – *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929 (переиздана в Москве в 1989 г.).
- Востоковедение 1960 – Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960.
- Иллич-Свитыч 1971, 1978 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков, т.1. М., 1971; т.2. М., 1978.
- Клосон 1969 – *Клосон Дж.* Лексико-статистическая оценка алтайской теории. – Вопросы языкознания, 1969, № 5.
- Марр 1935 – *Марр Н.Я.* Избранные работы, т.V. М.–Л., 1935.
- Марр 1937 – *Марр Н.Я.* Избранные работы, т.IV. М.–Л., 1937.
- Некрасов 1860 – [*Некрасов Н.А.*] Что поделывает наша внутренняя гласность? – Свисток, № 6 (приложение к журналу «Современник», 1860, № 12) (перепечатано в книге: Свисток. М., 1982).
- Память 1980 – Память. Исторический сборник. Вып.3. Париж, 1980.
- Поливанов 1927 – *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. – Известия АН СССР, серия VI, т.XXI, 1927, № 15–17.
- Поливанов 1968 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Попов 1959 – *Попов К.А.* Материалы по истории японского языкознания. – Японский лингвистический сборник. М., 1959.
- Поппе 1924 – *Поппе Н.Н.* К консонантизму алтайских языков. – Доклады АН. Серия В, 1924.
- Поппе, Владимирцов 1924 – *Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н.* Из области вокализма монгольско-турецкого праязыка. Доклады АН. Серия В, 1924.
- Поппе 1925а – *Поппе Н.Н.* Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. – Записки коллегии востоковедов, I. Л., 1925.
- Поппе 1925б – *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. – Известия Российской Академии наук, т.XVIII–XIX, 1925.
- Поппе 1925в – *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюркско-татарских языков. Чебоксары, 1925.

- Поппе 1925г – *Поппе Н.Н.* Система глухих смычных в алтайских языках. – Доклады АН. Серия В, 1925.
- Поппе 1926а – *Поппе Н.Н.* Учебная грамматика якутского языка. М., 1926.
- Поппе 1926б – *Поппе [Н.Н.]* По поводу алфавита Леонтьева. – Якутские зарницы, № 3, август 1926.
- Поппе 1927а – *Поппе Н.Н.* О десятках в финно-угорских языках. – Языковедные проблемы по числительным, I. Л., 1927.
- Поппе 1927б – *Поппе Н.Н.* О числительных восемь в угорских языках. Там же.
- Поппе 1927в – *Поппе Н.Н.* Монгольские числительные. Там же.
- Поппе 1927г – *Поппе Н.Н.* Чуваши и их соседи. Чебоксары, 1927.
- Поппе 1927д – *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка: наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.
- Поппе, Старцев 1927 – *Поппе Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Очерк. Л., 1927.
- Поппе 1928а – *Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финно-угорских языков в СССР. – Финно-угорский сборник, I. Л., 1928.
- Поппе 1928б – *Поппе Н.Н.* К изучению бурятских говоров. – Жизнь Бурятии. Улан-Удэ, 1928, № 10–12.
- Поппе 1929а – *Поппе Н.Н.* Отчет о поездке на Орхон летом 1926 года. – Материалы Монгольской комиссии, 4. Л., 1929.
- Поппе 1929б – *Поппе Н.Н.* Заметки по фонетике таннутувинского языка в связи с вопросом об алфавите. – Культура и письменность Востока, кн.4. Баку, 1929.
- Поппе 1929в – *Поппе Н.Н.* К вопросу о создании нового монгольского алфавита. – Культура и письменность Востока, кн.5. Баку, 1929.
- Поппе 1929г – *Поппе Н.Н.* О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольских языках. Там же.
- Поппе 1930а – *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л., 1930.
- Поппе 1930б – *Поппе Н.Н.* Аларский говор. Ч.1. Фонетика и морфология. Л., 1930; Ч.2. Тексты. Л., 1931.
- Поппе 1930в – *Поппе Н.Н.* Еще о новом монгольском алфавите. – Культура и письменность Востока, кн.6. Баку, 1930.
- Поппе 1931а – *Поппе Н.Н.* Материалы по солонскому языку. Л., 1931.
- Поппе 1931б – *Поппе Н.Н.* Практический учебник монгольского разговорного языка (халхаское наречие). Л., 1931.
- Поппе 1932а – *Поппе Н.Н.* Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения. – Записки Института востоковедения АН СССР, I. Л., 1932.
- Поппе 1932б – *Поппе Н.Н.* Произведения народной словесности халха-монголов. Северо-халхаское наречие. Л., 1932.
- Поппе 1932в – *Поппе Н.Н.* Заметки о говоре агинских бурят. Л., 1932.
- Поппе 1932г – *Поппе Н.Н.* Учебник монгольского языка. Л., 1932.
- Поппе 1932д – *Поппе Н.Н.* К латинизации монгольского алфавита и переходу на новый литературный язык. – Записки Института востоковедения АН СССР, I. Л., 1932.

- Поппе 1932е – *Поппе Н.Н.* Новые работы в области латинизации монгольской письменности. – Библиография Востока, № 1. Л., 1932.
- Поппе 1933а – *Поппе Н.Н.* Лингвистические проблемы Восточной Сибири. М.–Иркутск, 1933.
- Поппе 1933б – *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольское языкознание. Л., 1933.
- Поппе 1933в – *Поппе Н.Н.* Пути повышения речевой культуры западных бурят. – Записки Института востоковедения АН СССР, II. Л., 1933.
- Поппе 1933г – *Поппе Н.Н.* Вопросы грамматики монгольского языка. – Записки Института востоковедения АН СССР, II, вып.2. Л., 1933.
- Поппе 1933д – *Поппе Н.Н.* Некоторые данные о баргузинских тунгусах. Там же.
- Поппе 1934а – *Поппе Н.Н.* К характеристике бурят-монгольской песни послеоктябрьского периода. – Советский фольклор, статьи и материалы, вып. I. Л., 1934.
- Поппе 1934б – *Поппе Н.Н.* Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака. Л., 1934.
- Поппе 1934в – *Поппе Н.Н.* О древне-монгольской эпической литературе. – Сергею Федоровичу Ольденбургу. М.–Л., 1934.
- Поппе 1935а – *Поппе Н.Н.* Проблемы изучения бурят-монгольского фольклора. – Советский фольклор, вып.2–3. Л., 1935.
- Поппе 1935б – *Поппе Н.Н.* Проблемы бурят-монгольского литературоведения. – Записки Института востоковедения АН СССР; III, 1935.
- Поппе, Востриков 1935 – *Востриков А.И., Поппе Н.Н.* Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.–Л., 1935.
- Поппе 1936а – *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. М.–Л., 1936.
- Поппе 1936б – *Поппе Н.Н.* Строй халха-монгольского языка. Л., 1936.
- Поппе 1936в – *Поппе Н.Н.* Летописи селенгинских бурят, вып. I. М.–Л., 1936.
- Поппе 1936г – *Поппе Н.Н.* К вопросу о происхождении скотоводства у монголов. – Домашние животные Монголии. Л., 1936.
- Поппе 1937а – *Поппе Н.Н.* Итоги исследования монгольского языка и монгольской литературы в СССР за 20 лет. – Известия АН СССР. Серия общественных наук, 1937, № 5.
- Поппе 1937б – *Поппе Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.–Л., 1937.
- Поппе 1937в – *Поппе Н.Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.–Л., 1937.
- Поппе 1938а – *Поппе Н.Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.–Л., 1938.
- Поппе 1938б – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.–Л., 1938.
- Поппе 1940а – *Поппе Н.Н.* Урало-алтайская теория в свете алтайского языкознания. – Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1940, № 3.

- Поппе 1940б – *Поппе Н.Н.* Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. М.–Л., 1940.
- Поппе 1940в – *Поппе Н.Н.* О частях речи в монгольском языке. – Советское востоковедение, 1. М.–Л., 1940.
- Поппе 1941а – *Поппе Н.Н.* История монгольской письменности. Том I. Квадратная письменность. М.–Л., 1941.
- Поппе 1941б – *Поппе Н.Н.* Золотоордынская рукопись на бересте. – Советское востоковедение, 2. М.–Л., 1941.
- Поппе 1941в – *Поппе Н.Н.* Рецензия на: *Санжеев Г.Д.* Синтаксис бурят-монгольского языка. М., 1940. – Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, III–IV. Улан-Удэ, 1941.
- Поппе 1941г – *Поппе Н.Н.* Изучение говоров бурят-монгольского языка. Там же.
- Поппе 1960 – *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. Перевод с русского языка на монгольский. Хух-хото, 1960.
- Против 1932 – Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932.
- Рамстедт 1957 – *Рамстедт Г.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- Руднев 1913–1914 – *Руднев А.Д.* Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, переводы, примечания. Спб., 1913–1914.
- Свадеш 1960 – *Свадеш М.* Лексико-статистическое датирование до-исторических этнических контактов. – Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.
- Старостин 1991 – *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Шевернина 1970 – *Шевернина З.В.* Рецензия на работу: Poppe 1967а. – Вопросы языкознания, 1970, № 2.
- Cirtautas 1977 – *Cirtautas A.M.* Nicholas Poppe: Bibliography of Publications from 1924 to 1977. Seattle, 1977.
- Gedanke 1989 – *Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90. Geburtstag von Nicolaus Poppe.* Wiesbaden, 1989.
- Hebert, Poppe 1963 – *Hebert R.G., Poppe N.* Kirghiz Manual. The Hague, 1963.
- Miller 1971 – *Miller R.A.* Japanese and the Other Altaic Languages. Chicago–London, 1971.
- Miller 1991 – *Miller R.A.* Nicholas Poppe. – Bulletin of Altaistics.
- Mongolistic 1964 – *Mongolistic.* Leiden–K In, 1964.
- Poppe 1925а – *Poppe N.* Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache. – Asia Minor, 1, 1925.
- Poppe 1925б – *Poppe N.* Russische Arbeiten auf dem Gebiet der Mongolistik 1914–1924. Ibid.
- Poppe 1925в – *Poppe N.* Die tschuwassischen Lautgesetze. Ibid.
- Poppe 1926 – *Poppe N.* Geserica. Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version der Geserkhan. – Asia Major, 3, 1926.

- Poppe 1927–1928 – *Poppe N.* Das Mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. – Известия АН СССР, 1927, № 12–14, 15–17; 1928, № 1.
- Poppe 1931 – *Poppe N.* Skizze der Phonetik der Bargu-Burjätischen. – Asia Major, 7. 1931.
- Poppe 1934 – *Poppe N.* Über die Sprache der Daguren. – Asia Major, 10. 1934.
- Poppe 1944 – *Poppe N.* Die Sprache der Mongolischen Quadratschrift und das Yüanch'ao pi-shi. – Asia Major, N.F., 1. 1944.
- Poppe 1950 – *Poppe N.* The Groups **uya* and **üge* in Mongol Languages. – Studia Orientalia, XIV:8. Helsinki, 1950.
- Poppe 1951a – *Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1951.
- Poppe 1951b – *Poppe N.* Eine viersprachige Zamaxšari. – Handschrift. – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 101. 1951.
- Poppe 1952 – *Poppe N.* Plural Suffixes in the Altaic Languages. – Ural-Altäische Jahrbücher, b.24, 1952, № 3–4.
- Poppe 1953a – *Poppe N.* Bemerkungen zu G.J.Ramstedt's Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. Ein altes Kulturwort in den altaischen Sprachen. Helsinki, 1953.
- Poppe 1953b – *Poppe N.* Vorschläge zu einer einheitlichen mongolistischen Transkription. – Ural-Altäische Jahrbücher, b.25, 1953, № 1.
- Poppe 1953в – *Poppe N.* Zur mittelmongolischen Kasuslehre: Eine syntaktische Untersuchung. – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 103, 1953.
- Poppe 1953г – *Poppe N.* Remarks on the Salar Language. – Harvard Journal of Asiatic Studies, v.16, 1953, № 3–4.
- Poppe 1954a – *Poppe N.* Review of: Саишеев Г.Д. Монгольские языки и диалекты. Введение. М., 1952. – Harvard Journal of Asiatic Studies, 17, 1954.
- Poppe 1954б – *Poppe N.* Review of: Монгольская Народная Республика. М., 1952. Ibid.
- Poppe 1954в – *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1954.
- Poppe 1954г – *Poppe N.* Über einen Konsonantenschwund im Mongolischen. – Ural-Altäische Jahrbücher, B.26, 1954, № 3–4.
- Poppe 1954д – *Poppe N.* Jakutische Etymologien. Ibid., № 1–2.
- Poppe 1954e – *Poppe N.* A Fragment of the Bodhicaryāvatāra from Olon Sūmc. – Harvard Journal of Asiatic Studies, 17, 1954.
- Poppe 1955a – *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
- Poppe 1955б – *Poppe N.* Mongolischen Volksdichtung: Sprüche, Lieder, Märchen und Händelsagen. Wiesbaden, 1955.
- Poppe 1957a – *Poppe N.* The Mongolian Monuments in ḥpiags-pa Script. Wiesbaden, 1957.
- Poppe 1957б – *Poppe N.* Eine mongolische Fassung der Alexandersage. – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 107, 1957.

- Poppe 1960a – *Poppe N.* Buriat Grammar. Bloomington, 1960.
- Poppe 1960б – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. T.1. Wiesbaden, 1960.
- Poppe 1960в – *Poppe N.* Ein Mongolischen Gedicht aus den Turfan-Funden. – Central Asian Journal, v. V, 1960, № 4.
- Poppe 1960г – *Poppe N.* On Some Mongolian Manuscript Fragments of the Library of the Indian Office. Ibid., № 2.
- Poppe 1961 – *Poppe N.* The Mongolian Inscription. – Central Asiatic Journal, v.V, 1961, № 1.
- Poppe 1962a – *Poppe N.* The Primary Long Vowels in Mongolian – Journal de la Société Finno-Ougrienne, 63, 1962, № 2.
- Poppe 1962б – *Poppe N.* Altaic Studies in the United States. – American Studies in Altaic Linguistics. The Hague, 1962.
- Poppe 1963a – *Poppe N.* Altaic. – Current Trends in Linguistics, v.1. The Hague, 1963.
- Poppe 1963б – *Poppe N.* Tatar Manual. Descriptive Grammar and Texts with a Tatar-English Glossary. The Hague, 1963.
- Poppe 1963в – *Poppe N.* Review of: *Lees R.B.* The Phonology of Modern Standard Turkish. The Hague, 1961. – Language, v.39, 1963.
- Poppe 1964a – *Poppe N.* Bashkir Manual. Descriptive Grammar and Texts with a Bashkir-English Glossary. The Hague, 1964.
- Poppe 1964б – *Poppe N.* The Mongolian Versions of the Vessantarajātaka. – Studia Orientalia, 30, 1964.
- Poppe 1965a – *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
- Poppe 1965б – *Poppe N.* The Passive Constructions in the Language of the Secret History. – Ural-Altäische Jahrbücher, v.36, 1965, № 3-4.
- Poppe 1966 – *Poppe N.* On Some Ancient Mongolian Loan-Words in Tungus. – Central Asiatic Journal, v.XI, 1966, № 3.
- Poppe 1967a – *Poppe N.* The Mongolian People's Republic. – Current Trends in Linguistics, v.2. The Hague, 1967.
- Poppe 1967б – *Poppe N.* On the Long Vowels in Common Mongolian. – Journal de la Société Finno-Ougrienne, 68, 1967, № 4.
- Poppe 1967в – *Poppe N.* The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the Lalitavistara. Wiesbaden, 1967.
- Poppe 1968a – *Poppe N.* Review of: *Байчура У.Г.* Звуковой строй татарского языка. Казань, 1961. – Central Asiatic Journal, v.XII, 1968, № 4.
- Poppe 1968б – *Poppe N.* Review of: Языки народов СССР, т.2. М., 1968. – Central Asiatic Journal, v.XII, 1968, № 1.
- Poppe 1968в – *Poppe N.* Tatar Manual. 2nd ed. The Hague, 1968.
- Poppe 1968г – *Poppe N.* Erich Haenisch. – Central Asiatic Journal, v.XII, 1968, № 1.
- Poppe 1968д – *Poppe N.* Review of: *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen, v.3. Wiesbaden, 1967. – Central Asiatic Journal, v.XII, 1968, № 2.

- Poppe 1969a – *Poppe N.* On Some Vowel Correspondences in Mongolian Loan-Words in Turkic. – Central Asiatic Journal, v.XIII, 1969, № 3.
- Poppe 1969b – *Poppe N.* Mongolian *-jur* and Evenki *-wui*. – Central Asiatic Journal, v.XIII, 1969, № 4.
- Poppe 1970 – *Poppe N.* Mongolian Language Handbook. Washington, 1970.
- Poppe 1971 – *Poppe N.* The Diamond Sūtra: Three Mongolian Versions of the Vajracchedikāprajñāp āramitā. Wiesbaden, 1971.
- Poppe 1972a – *Poppe N.* On some Mongolian Loan-Words in Evenki. – Central Asiatic Journal, v.XVI, 1972, № 2.
- Poppe 1972b – *Poppe N.* Mongolica. Farnborough, 1972.
- Poppe 1972в – *Poppe N.* Review of: *Илич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения постатрических языков, т.1. М., 1971. – Finnisch-ugrische Forschungen, b.XXXIX, H.3.
- Poppe 1972г – *Poppe N.* A New Symposium on the Altaic Theory. – Central Asiatic Journal, 16, 1972.
- Poppe 1974a – *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. 3rd Printing. Wiesbaden, 1974.
- Poppe 1974b – *Poppe N.* Zur Stellung des Tschuwaschischen. – Central Asiatic Journal, 18, 1974.
- Poppe 1975a – *Poppe N.* Vladimirtsov's Grammar Forty-Five Years Later. – Central Asiatic Journal, v.XXI, 1975, № 3-4.
- Poppe 1975b,г,д – *Poppe N.* Mongolische Epen. V.1-4. Wiesbaden, 1975.
- Poppe 1977a,б – *Poppe N.* Mongolische Epen. V.5,6. Wiesbaden, 1977.
- Poppe 1978a – *Poppe N.* Expressions of Gratitude in Mongolian. – Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittvogel. The Hague, 1978.
- Poppe 1978b – *Poppe N.* Tsongol Folklore. Wiesbaden, 1978.
- Poppe 1978в – *Poppe N.* Das mongolische Heldenepos Dzaudai Mergen. – Zentral-Asiatische Studien, v.12, 1978.
- Poppe 1979a – *Poppe N.* Jurchen and Mongolian. – Studies in Mongolia. Bellingham, 1979.
- Poppe 1979б – *Poppe N.* The Heroic Epic of the Khalkha Mongols. Bloomington, 1979.
- Poppe 1979в – *Poppe N.* Review of: *Street J.* Altaic Elements in Old Japanese, part 2, Madison, 1978. – Zentral-Asiatische Studien, v.13, 1979.
- Poppe 1979г – *Poppe N.* Review of: *Илич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения постатрических языков, т.2. М., 1978. – Finnisch-Ugrische Forschungen, v.43, 1979.
- Poppe 1980a – *Poppe N.* Review of: *Rupen R.* How Mongolia is Really Ruled: A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. – Zentral-Asiatische Studien, v.14, 1980.
- Poppe 1980б – *Poppe N.* Mongolische Epen. V.9. Wiesbaden, 1980.
- Poppe 1982 – *Poppe N.* The Ural-Altaic Affinity. – Symposium Sacculare Societatis Finno-Ugrican. Helsinki, 1982.
- Poppe 1983 – *Poppe N.* Reminiscences. Bellingham, 1983.

- Poppe 1985 – *Poppe N.* Review of: *Неклюдов С.Ю.* Героический эпос монгольских народов. М., 1984. – *Zentral-Asiatische Studien*, v.18, 1985.
- Poppe 1986 – *Poppe N.* *Mongolische Epn.* V.11. Wiesbaden, 1986.
- Poppe 1987 – *Poppe N.* *Introduction to Mongolian Comparative Studies.* 2nd ed. Helsinki, 1987.
- Poppe 1989 – *Poppe N.* *Schamanenweihe bei den Aga-Burjaten. – Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers.* Wiesbaden, 1989.
- Poppe, Hurvitz, Okada 1964 – *Poppe N., Hurvitz L., Okada H.* *Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo-Bunko.* Tokyo-Seattle, 1964.
- Pao-p'ei 1986 – *Pao-p'ei Ni.* «Pa-ssu-pa tzu Meng-ku yü-pei ming» i pu. * Hai-la-erh, 1986.
- Russia 1971 – *Russia Enters the Twentieth Century.* New York, 1971.
- Russlands 1970 – *Russlands Aufbruch ins 20 Jahrhundert.* Olten-Frieburg, 1970.
- Sauvageot 1935 – *Sauvageot Au.* *Linguistique et marxisme. – A la lumière du marxisme*, v.1. Paris, 1935.
- Vucinich 1956 – *Vucinich A.B.* *The Soviet Academy of Sciences.* Stanford, 1956.
- Zirni 1961 – *The Zirni Manuscript.* Tokyo, 1971.
- Поппэ 1990 – *Поппэ Никорасы.* Кайсо:року. То:кё:, 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Детство и юность. Выбор профессии. Первые публикации	5
По Монголии и Бурятии	26
Во главе советской монголистики	36
Труды 30-х годов	52
На ту сторону	66
Вторая жизнь	76
Поздние труды	90
Последние годы жизни	107
Приложение. Письма Н.Поппе И.В.Стеблевой	118
Литература	136

Научное издание

Владимир Михайлович Алпатов
НИКОЛАЙ-НИКОЛАС ПОППЕ

Художник Э.Л.Эрман
Художественный редактор Б.Л.Резников
Технический редактор М.Г.Гущина. Корректор И.Г.Ким

ЛР № 020910 от 02.09.94. ИБ № 17445

Сдано в набор 21.07.95
Подписано к печати 08.05.96
Формат 84x108¹/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. п.л. 7,56
Усл. кр.-отг. 7,7. Уч.-изд. л. 7,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 7665
Зак. № 120. «С»—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

В. М. АЛПАТОВ

Николай-Николас ПОПЕ

Первые 45 лет Поппе жил в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, звался Николаем Николаевичем, говорил и писал по-русски, был профессором Ленинградского университета и Института живых восточных языков, членом-корреспондентом АН СССР. Последующие 47 лет он жил в Германии и США, звался Николасом, говорил и писал по-немецки и по-английски, был сотрудником научных институтов, входивших в систему СС, наконец — профессором в Сиэтле. 27 книг написано ученым в первой жизни и почти столько же во второй.

